

ПРАВО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЛИЧНОСТЬ

Научный журнал

LAW LEGISLATION PERSON

Research Journal

Выходит 3 раза в год

№ 1(11) 2011

Распространяется по подписке

Подписной индекс **37221**

ISSN 2077-6187

Учредитель

ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права»
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1

Главный редактор

Рыбаков Олег Юрьевич,
доктор юридических наук,
доктор философских наук, профессор

Заместитель главного редактора

Ростова Ольга Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:

А.А. Воротников (Саратов) — доктор юридических наук, профессор
С.И. Герасимов (Москва) — доктор юридических наук, профессор
В.В. Гриб (Москва) — кандидат юридических наук
А.В. Ильин (Санкт-Петербург) — кандидат юридических наук, доцент
А.Я. Капустин (Москва) — доктор юридических наук, профессор
И.Ю. Козлихин (Санкт-Петербург) — доктор юридических наук, профессор
Г.Н. Комкова (Саратов) — доктор юридических наук, профессор
И.М. Мацкевич (Москва) — доктор юридических наук, профессор
Б.В. Россинский (Москва) — доктор юридических наук, профессор
А.С. Смыкалин (Екатеринбург) — доктор юридических наук, профессор
С.Б. Суоров (Саратов) — доктор социологических наук, профессор
В.М. Сырых (Москва) — доктор юридических наук, профессор

Адрес редакции: 410025, г. Саратов, ул. Чернышевского, 135 А, ком. 203.

Телефон: (8452) 29-90-90

E-mail: pzl@sgar.ru

Редактор, корректор *Т.Ф. Батищева*

Компьютерная верстка *С.В. Демченко*

Журнал зарегистрирован Управлением разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
9 ноября 2009 г. ПИ №ФС77-37970.

Цена для подписчиков 260 руб., в розничной продаже — свободная.

Подписано в печать 15.03.2011 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Literatima». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,9. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 350 экз. Заказ 318.

Отпечатано в типографии издательства
ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

© ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Дружкина Ю.А. Влияние религиозного правосознания на нормотворчество.....	7
Судоргин Н.С. Вопрос о власти в Российской империи накануне Февральской революции 1917 года (в контексте продовольственной проблемы).....	14
Хутуев И.Х. Религиозное знание как один из факторов гармонизации отношений между правом и обществом	17
Полуда О.Н. Некоторые особенности юридической природы объектов посессионного права в России XVIII – начала XX века	24

КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Командирова Т.Г. К вопросу о правовых гарантиях в сфере охраны и защиты прав ребенка (несовершеннолетнего) в Российской Федерации.....	30
Соколов А.Ю. Изъятие вещей и документов как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.....	33

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Понявин В.В. Некоторые вопросы совершенствования уголовно-правовой оценки предмета изготовления или сбыта поддельных ценных бумаг и платежных документов.....	41
Павлин Д.С. Соотношение обстоятельств, подлежащих доказыванию и установлению.....	47
Насиров Н.И. Сохранение и развитие социально полезных связей осужденных к лишению свободы с внешним миром как важный фактор их ресоциализации.....	53

ГРАЖДАНСКОЕ, ТРУДОВОЕ, АГРАРНОЕ ПРАВО

Вавилин Е.В. Принцип добросовестности в страховых правоотношениях	61
Ермолова О.Н., Мотыван Е.А. Трансформация правовых норм о понятии договора в свете проекта Гражданского кодекса Российской Федерации	68
Кузнецова С.А. Виды трудового стажа по действующему российскому законодательству.....	77
Гущин Н.Э. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации и совершенствование аграрного законодательства	85
Новицкая И.А. Имущественная ответственность оценщика	92

**ПО МАТЕРИАЛАМ КРУГЛОГО СТОЛА
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА,
ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ»
К 80-ЛЕТИЮ СЮИ-СТАП**

Рыбаков О.Ю. Вступительное слово	95
Лядашева-Ильичева М.Н. К вопросу о правовой политике в сфере регулирования гражданско-правовых отношений в России в 1649 году – октябре 1917 года	97
Музыканкина Ю.А. Правовая политика в сфере ответственности государства перед личностью в контексте истории правовых учений	101
Тихонова С.В. Правовая политика в условиях современного коммуникационного пространства	103
Байниязова З.С. Формирование консолидированной правовой политики как один из приоритетов современной правовой системы России.....	106
Ростова О.С. Политика Советского государства в сфере борьбы с детской беспризорностью в 1920-е годы	110
Дородонова Н.В. О концептуальных подходах к правовой природе брака	113
Чилькина К.В. Периодизация истории развития социального государства в Германии	115
Ворошилова С.В. Женская ссылка в законодательстве России XIX – начала XX века	117
Иванов Д.А. Становление и развитие правовых норм, регулирующих труд несовершеннолетних в Советском государстве (1945–1991 годы)	123
Калугин О.А. Преобразования Александра III в области избирательного права России: контрреформы или корректировка реформ?	127
Туманов Д.Ю. Конституционное закрепление и механизм ограничения свободы слова в период становления Советского государства (октябрь 1917 – начало 1920-х годов).....	131
Желдыбина Т.А. М.М. Ковалевский: из истории российской правовой мысли.....	135
Сейдеметова Р.Е. К вопросу о содержании права по Лоренцу фон Штейну	138
Копылов О.Б. Научно-правовые взгляды Сергея Ивановича Баршева	142
Мумлева М.И. К вопросу о правовом положении народных судей СССР в период формирования административно-командной системы	145
Савочкин А.П. К вопросу о формировании водного законодательства России начала XIX века.....	149
Аннотации	152

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Druzhkina Ju.A. Religious Legal Consciousness Influence for the Law-making Process	7
Sudorgin N.S. To the Question of the Power in the Russian Imperia before the February Revolution of 1917 (in the Frame of Provision Problem).....	14
Khutuev I.Kh. Religious Knowledge as a Factor in the Harmonization of Relations between Law and Society	17
Poluda O.N. Some Features of the Legal Nature of Subjects of the Possession Law in Russia (XVIII in the beginning XX century).....	24

CONSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE LAW

Komandirova T.G. To the Question on Legal Guarantees in the Sphere Child Protection in the Russian Federation	30
Sokolov A.Yu. Seizure of Things and Documents as a Measure of Establishing a Procedure on Administrative Offences	33

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

Ponyavin V.V. Some Issues of Improvement of Criminal Law Classification of the Article of Manufacture and Sale of Forged Securities and Payment Documents	41
Pavlin D.S. Correlation of Circumstances in Proof and Circumstances to be Established	47
Nasirov N.I. Preservation and Development of Socially useful Links Sentenced to Imprisonment with the Outside World as an Important Factor in their Reintegration into Society	53

CIVIL, LABOUR, AGRICULTURAL LAW

Vavilin E.V. Conscientiousness Principle in Insurance Legal Relationship	61
Ermolova O.N., Motyvan E.A. Legal Norms Transformation due to the Contract Definition in the Frame of the Russian Federation Civil Code Project	68
Kuznetsova S.A. Types of Labour Activity According to the Current Legislation of the Russian Federation.....	77
Guschin N.E. Doctrine of Food Security of Russian Federation and Development of Agricultural Legislature.....	85
Novitskay I.A. Personal Property Liability Appraiser.....	92

**ROUND-TABLE CONFERENCE REVIEW
 “ACTUAL ISSUES OF THE HISTORY OF STATE AND LAW,
 THE HISTORY OF POLITICAL AND LAW DOCTRINE”,
 DEVOTED TO THE 80TH ANNIVERSARY OF SARATOV STATE LAW ACADEMY**

Rybakov O.Ju.	
Opening Statement	95
Lyadascheva-Ilicheva M.N.	
To the Question of Legal Policy in the Sphere of Civil Relationship in Russia in 1649 – oct.1917	97
Muzykankina Ju.A.	
Legal Policy in the Sphere of State Responsibility to a Person in the Political and Law Doctrine	101
Tikhonova S.V.	
Legal Policy in the Modern Communicative Field Conditions	103
Bajniyazova Z.S.	
Consolidated Legal Policy Formation as one of the Priorities of the Modern Legal System.....	106
Rostova O.S.	
Soviet State Policy in the Sphere of Homelessness Control.....	110
Dorodonova N.V.	
About the Conceptual Approaches of Legal Nature of Matrimonial State	113
Chilkina K.V.	
The Historical Periodization of Social State in Germany	115
Voroshilova S.V.	
Female Exile according the Russian Legislation of the XIX th – XX th Century	117
Ivanov D.A.	
Foundation and Development of the Labour Rules of Minors in the Soviet State (1945–1991)	123
Kalugin O.A.	
Alexander III Reforms in the Sphere of Electoral Legislation in Russia: Counter-reform or the Reform Correction	127
Tumanov D.Ju.	
The Constitutional Recognition and the Mechanism of Restricting Freedom of Word Expression During the Formation of the Soviet State (October 1917 –the beginning 1920s).....	131
Zheldybina T.A.	
Kovalevsky: from the History of the Russian Legal Thought	135
Seidemetova R.E.	
About the Content of the Right to Lorenz von Stein	138
Kopylov O.B.	
Scientific and Legal Views of S.I. Barshev	142
Mumleva M.I.	
To a Question on the Legal Status of Lay Judges of the USSR in the Period of Administrative-command System.....	145
Savochkin A.P.	
On the Formation of Water Legislation in Russia Early 19 th Century	149
Summary	152

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Ю.А. Дружкина*

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ НА НОРМОТВОРЧЕСТВО

«Творить внешний порядок жизни право может только через внутреннюю упорядоченность души, т.е. через правосознание. Право живет правосознанием»

(И.А. Ильин)

Нормотворчество представляет собой регламентированную специальными юридическими нормами деятельность представительных и исполнительных органов государственной власти, должностных лиц и регионов России, содержанием которой является подготовка, обсуждение, принятие и опубликование законов и иных нормативных правовых актов (их создание, изменение, дополнение или отмена).

Безусловно, нормотворчество должно быть основано на познании, прежде всего, духовно-культурных ценностей права, учете правовых традиций в государстве и материальных интересов, потребностей индивидов и их социальных общностей, обусловленных социально-экономическими, политическими условиями развития государства.

Нормотворчество — это исторический процесс формирования права, в ходе которого обобщается, анализируется и оценивается прошлая, настоящая правовая действительность, намечаются перспективы будущего правового развития государства. Этот процесс связан с выработкой определенных взглядов, представлений, концепций, доктрин относительно правового регулирования отношений индивидов в будущей правовой действительности и разработкой и принятием нормативно-правовых предписаний.

Следует особо отметить, что сам процесс нормотворчества связан с процессом принятия соответствующих нормативных предписаний, которые изначально регулируют данный процесс, что весьма важно для того,

---

* Дружкина Юлия Алексеевна — старший преподаватель кафедры теории государства и права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», кандидат юридических наук.

чтобы процесс по подготовке, принятию, изменению, дополнению, либо отмене тех или иных нормативно-правовых актов соответствовал строго установленному закону.

От уровня правосознания и правовой культуры субъектов, активно принимающих участие в нормотворческом процессе, зависит качество принимаемых законов и иных нормативных правовых актов, адекватных историко-правовым, религиозно-нравственным, культурным традициям государства и являющихся важнейшим и эффективным регулятором поведения индивидов в обществе. И.А. Ильин отмечал, что «правосознание есть тот благородный источник, в котором перерождаются и бесправная сила, и бессильное право: право становится благородною силой, а сила становится силой правоты»¹.

Религиозное правосознание есть духовное наследие культуры России в рамках ее правового пространства. Как совокупность чувств, взглядов, доктрин, настроений индивидов, социальных общностей по поводу права и законности, формирующихся под влиянием религиозного мировоззрения оно ориентирует сознание индивидов на создание системы правовых норм, разграничивая действия субъектов на разрешенные и запрещенные, с точки зрения религиозной морали, определяя нравственные позиции по отношению к правопорядку. Нормы религиозной морали служат основой, источником религиозного правосознания, оказывая существенное влияние на право, духовно восполняя его содержание, культуру, обогащая и совершенствуя его, тем самым повышая значимость и эффективность.

Религиозное правосознание выполняет роль источника права и является самостоятельным регулятором (саморегулятором) поведения субъектов в юридически значимых ситуациях, поскольку всегда в истории права религиозные нормы выступали важным источником права и законодательства, а соответствующие религиозные институты являлись непререкаемым нравственным авторитетом.

Религиозное правосознание играет важную роль в создании нормативно-правовых предписаний, исходящих как от представителей законодательной, так и исполнительной власти государства; представляет полноту духовного мира и правовой государственности России, имеет великое правокультурное значение в процессе формирования права, «пронизывая» все стадии нормотворческого процесса, начиная с создания нормативно-правовых положений, регулирующих в полном объеме правотворческий процесс, его подготовительную стадию (стадию рассмотрения законодательных предложений, подготовки законопроектов) и заканчивая моментом опубликования законов и иных нормативных правовых актов.

Религиозное правосознание, синтезируя в себе религиозно-нравственные нормы как мировоззренческие установки на право и жизненный, историко-правовой опыт индивидов, дает возможность каждому следовать

правовым нормам как прототипам религиозных норм в силу правовых традиций, сложившихся в обществе. Кроме того, оно позволяет наполнить право духом «правды» и справедливости и направляет сознание субъектов нормотворческого (законодательного) процесса на создание законов, культурно ориентированных, основанных на истинно нравственных ценностях — нормах религиозной морали, объективно являющихся высшим выражением справедливости. Исследуя правовые предписания, религиозное правосознание позволяет научиться различать правильное (справедливое) и неправильное (несправедливое), законное (правовое) и незаконное (неправовое, противоправное).

Право существует с момента зарождения человеческого общества. «“Дело закона” написано Богом в сердцах человеческих (Рим. 2.15). Первые законоустановления даются человеку еще в раю (Быт. 2.16–17). После нарушения человеком божественного закона (грехопадения) право становится границей, выход за которую грозит разрушением как личности человека, так и человеческого общежития»².

Право как система нормативно-правовых предписаний, создаваемая человеческим сообществом, есть результат его исторического развития, оно ограничено и несовершенно. «Человеческий закон никогда не содержит полноту закона божественного, но чтобы оставаться законом, он обязан соответствовать богоустановленным принципам, а не разрушать их». Однако субъектам, «творящим» право (государственные, светские законы), необходимо и важно помнить, что любая противоречащая религиозной норме «светская норма делает преступником не нарушителя ее, а самого законодателя»³.

Основополагающий принцип права — «не делай другому того, чего не желаешь себе». Право как духовное творчество религиозного правосознания, его отражение есть проявление «божественного закона мироздания» (норм религиозной морали) в социально-экономической, политической сферах общества.

Религиозное правосознание дает единственно возможную для генезиса права духовно-культурную материю в виде чувств, представлений, концепций, доктрин субъектов нормотворческого процесса. Т.В. Синюкова верно отметила: «Государство, формулируя юридические нормы, в первую очередь должно опираться на правосознание и правовую культуру народа, дифференцировать и стимулировать лучшие их образцы, стремиться не к абстрактно-оторванному от жизни и духа страны «творчеству» закона, а объективированию в действующем праве уже интегрированных в общественное сознание эталонов и регуляторов поведения»⁴. Оно ориентирует субъектов нормотворчества на создание норм права, по своей природе обладающих свойством истинных духовно-культурных ценностей и приоритетов российской правовой традиции, содействующих правомерному поведению индивидов, ограничивая его деструктивные

формы. Религиозное правосознание по своей природе как источник права придает нормативно-правовым актам возможность и способность добровольно, по своей воле, согласно своему внутреннему убеждению быть воспринятыми адресатами, поскольку право, истоками которого являются нормы религиозной морали, адекватно российскому правосознанию и российской правовой культуре.

Сегодня право перестает быть феноменом российской национальной культуры. Именно поэтому среди населения и даже юридической элиты получил широкий размах правовой нигилизм. В советский период, как справедливо замечает В.Н. Синюков, «из права изымалась душа, которую не в состоянии заменить никакое знание римских формул. <...> Наше право потеряло жизненную силу, колорит, собственный стиль, юридическую прелесть, перестало питаться соками действительно национального юридического творчества, сделавшись прибежищем бюрократии и скверной политики. Право лишилось красоты и духовного смысла. <...> Наше право должно вернуть утраченные позиции в российской ментальности, перестав поверхностно-политически слоняться по европам»⁵.

Сейчас, к сожалению, право России «сведено к «инструментам» экономического курса», «методам» реализации принципов «правового государства» и «разделения властей», «механизмам» правового регулирования и формального «гарантирования» прав человека и многому-многому другому, несомненно, необходимому, но в такой разьединенной, выхолощенной технически, отчужденной духовной форме, отдаляющей культуру от участия в формировании национального правосознания»⁶, имеющего свои религиозные корни.

«Право — это совокупность норм права, создаваемых государством в соответствии с правосознанием его граждан»⁷, — писал И.Е. Фарбер. Религиозное правосознание напрямую способствует созданию права, соответствующего своей природе, учитывающего его культурно-исторические, нравственно-духовные аспекты, оно адекватно российской государственности, духу российского права, ориентирует законодателя на создание не формального, рационального в «чистом» виде, зачастую губительно для культуры человека, «искусственного» права, а права «душевно-духовного», наполненного ценным духовно-культурным содержанием.

В целях совершенствования права необходимо всемерно повышать социальную обоснованность действующего законодательства. Религиозное правосознание дает возможность законодателям повысить духовную, морально-нравственную планку юридического содержания законодательства. Только закон, созданный на основе норм религиозной морали как принципах правотворческого процесса, не вступающий в противоречие с представлениями о справедливости, истине, праве, религии, способен найти отклик в российском массовом правосознании, поскольку, как отметил И.А. Ильин, «необходимо окончательно отвергнуть гибельный предрассудок о «внешней» природе права и государства; долж-

на бытие усмотрена и усвоена их «внутренняя», духовная сущность. Право только проявляется во внешнем мире, сфера его настоящей жизни, действия — внутренний мир человека (душа), где право выступает как объективная ценность. Если право имеет полноту бытия, то только через правосознание, то есть через право-чувствование, право-воление, право-мышление, и, наконец, право-деяние. <...> Именно этим определяется связь государственности со всей духовной культурой народа и особенно с его религиозной культурой»⁸.

Религиозное правосознание раскрывает богатство российского права, не сводя его природу к сугубо экономическим, политическим закономерностям и условностям либо к абстрагированным от российской национальной культуры «общечеловеческим» ценностям. Потому «без религии любое право является провинциальным, фрагментарным и преимущественно принудительным. В действии права религиозные элементы играют незаменимую роль, поскольку придают праву характер святости, абсолютной истинности и справедливости, всеобщности и обязательности; они внушают людям изначальное уважение и последующее послушание действующим юридическим законам, формируют в людях порядочный образ жизни без необходимости их чрезмерного устрашения и принуждения, ибо религия не только требует от людей исполнения надлежащих норм поведения, но, что самое главное, дает им желание и способность их добровольного исполнения. Религия и право вырастают из единого духа и воли Бога, отсюда они начинают свое взаимодействие и целесообразное социальное функционирование»⁹, — отмечает Б.А. Осипян.

В представлении религиозного правосознания, право — это не абстрактно-теоретическое явление, а исторический феномен российской национальной культуры, проявление российского национального духа, народной души, символ «правды», справедливости. Российское право и религиозное правосознание есть своеобразие единого духовного, культурного мира в правой жизни Российского государства.

Религиозное правосознание исключает механический, формально-юридический, бюрократический подход к нормотворческому процессу, позволяет оградить от создания «мертвых» законов, т. н. «бумажного» права, политизированных законодателей и представителей исполнительной власти, «синтезированных» или заимствованных из чужих правовых систем законов, лишенных духа правовой культуры россиян.

Следует также отметить, что сегодня в России, несмотря на процессы секуляризации в общественной и частной жизни, прослеживаются положительные тенденции влияния религиозных норм на государственное, «светское» право. Как замечает М.Ю. Варьяс, «продолжают существовать религиозные нормы, образующие в своей совокупности автономную систему норм, которые, имея самостоятельное регулятивное значение, определенным образом влияли и влияют на право, создаваемое государством и обеспеченное возможностью его принуждения»¹⁰.

Необходимо учесть, что исторически религиозное и светское право происходят из одного источника, долгое время являясь лишь двумя аспектами единого правового поля. Роль религиозного правосознания как структурного национально-духовного компонента российской правовой культуры в нормотворческой деятельности заключается в том, что сознание индивидов, основанное на нормах религиозной морали, должно выступать важной детерминантой правообразования.

В каждом государстве нормотворчество обладает своими особенностями: оно должно в большей степени быть обоснованным его культурными, правовыми традициями и направлено на создание и совершенствование единой, внутренне согласованной и непротиворечивой системы нормативно-правовых предписаний, регулирующих разносторонние отношения в обществе и составляющих духовный пласт правовой культуры государства. Кроме того, нормотворческий процесс как особая форма государственной деятельности по созданию законов и иных нормативно-правовых актов должен отражать специфические особенности регионов России в плане их исторических, культурно-правовых традиций.

Следует возродить полезные традиции, в частности, элементы правового наследия народов Кавказа России, утраченных в последние десятилетия, а затем ввести в законодательство на уровне субъекта России как правовые нормы. «Кавказ останется в составе Российской Федерации только в том случае, если федеральный центр будет с уважением относиться к его народам, к их традициям и культуре, в том числе и правовой»¹¹. Осознание этого факта представителями государственной власти — краеугольный камень во взаимоотношениях России и ее субъектов.

Религиозное правосознание в рамках нормотворческой деятельности позволяет определить перспективы развития разных сфер общественной жизни в будущем, предвидеть последствия реализации, принятия тех или иных законодательных решений, поскольку основные нормы-принципы религиозной морали неизменны. Несмотря на существующие различия в подходах к пониманию правотворчества, последнее — всегда деятельность управомоченных органов по разработке, переработке и изданию нормативных актов в форме правовых предписаний, носящих общеобязательный характер. Правотворчество имеет важное значение для всего механизма правового регулирования. Ему нужны не просто профессионалы — грамотные юристы, экономисты, управленцы, специалисты в той или иной сфере жизнедеятельности, а люди, обладающие высоким уровнем правосознания, нормального духовно-нравственного, имеющего религиозно-культурные истоки, религиозного правосознания. Для этого необходимо воспитать, привить гражданам своего государства правосознание, являющееся частью его национальной культуры.

Тенденция увеличения числа законов, постановлений, распоряжений, принятых сегодня в России как на федеральном, так и на региональном уровне, вряд ли можно оценить однозначно положительно. Как верно от-

мечал И.А. Ильин, «строить право — не значит придумывать новые законы и подавлять беспорядки; но значит воспитывать верное, и все углубляющее и крепнущее правосознание. Россия нуждается, чтобы ее правоведы постоянно воспитывали в самих себе художников естественной правоты»¹².

Религиозное правосознание, влияя на процесс правообразования, предполагает повышение требований ко всему процессу создания нормотворческих, законодательных установлений, соблюдение процедуры их создания, их содержанию и форме, тем самым опосредованно формируя надежный внутренний и внешний контрольный «механизм» нормотворческого процесса.

Право есть непосредственное выражение правосознания. Российское право — это духовно-культурное творчество, в т. ч. «с участием» религиозного правосознания. Возможно, кто-то признает такое право консервативным, «отставшим от жизни». На самом деле подлинная консервативность права как отражение религиозного правосознания проявляется в осознании и неизменно постоянном следовании нормам религиозной морали. Говоря образно, право — это сосуд, который должен сохранять в себе живительную влагу — религиозное правосознание, иначе право превращается просто в красивый драгоценный сосуд без содержания, становится пустой оболочкой, теряя свою значимость и не сохраняя своих целей, своего предназначения.

Религиозное правосознание дает возможность людям обрести веру в действующее право, становлению его как элемента человеческих взаимоотношений. Оно создает не наукообразный, рациональный закон, а закон, являющийся благом всех, поддерживающий добро, справедливость и ограничивающий зло. «Острые социальные противоречия, отчужденность человека от власти, демократии и права могут быть преодолены только через реконструкцию структур правового сознания, включающий всю гамму исходных социальных ценностей»¹³, в т. ч. правосознания, имеющего религиозные истоки и направленного на достижение справедливости в праве.

Таким образом, религиозное правосознание, как область сознания, в которой происходит процесс формирования правовых требований, учитывающих волю и желание людей, их различные проблемы, отвечающих требованиям норм религиозной морали и российской традиции права, помогает законодателю в создании законов, не истребляющих доброту и радушие, заложенные в человеке и в этом смысле имеет огромное значение для нормотворческого процесса, правового развития России и гарантирует стабильность Российского государства.

¹ Ильин И.А. Теория права и государства / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 392–393.

² Приложение № 8. Основы социальной концепции Русской православной церкви. Москва, 13–16 августа 2000 г. // Конституционно-правовые аспекты реализации в Российской Федерации Социальной Хартии: научное исследование / под общ. ред. С.А. Глотова. М., 2005. С. 242.

³ Там же. С. 245.

⁴ Синюкова Т.В. Правосознание и правовое воспитание // Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1995. С. 567.

⁵ Синюков В.Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. Саратов, 1994. С. 15–16.

⁶ Там же. С. 15.

⁷ Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1963. С. 13.

⁸ Ильин И.А. Указ. соч. С. 373.

⁹ Осипян Б.А. О необходимости религиозного измерения права // Представительская власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2005. № 2. С. 28.

¹⁰ Варьяс М.Ю. Церковное право в романо-германской правовой системе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 10.

¹¹ Бабич И.Л. Особенности правовой практики на Северном Кавказе (на примере Кабардино-Балкарии) // Государство и право. 2003. № 12. С. 20.

¹² Ильин И.А. Указ. соч. С. 35–37.

¹³ Синюков В.Н. Россия в XXI веке: пути правового развития // Журнал российского права. 2000. № 11. С. 17.

Н.С. Судоргин*

ВОПРОС О ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА (В КОНТЕКСТЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ)

В конце 1915 г. наметилась явная тенденция к ухудшению снабжения фронта и городского населения продовольствием. В этих условиях Временное правительство своим декретом установило твердые государственные цены на хлеб. Декрет также предусматривал, что в случае отказа от добровольной сдачи зерна по твердым ценам возможно применение реквизиций¹.

Реализация политики твердых цен была возложена на Особое совещание по продовольственному делу во главе с министром земледелия. На местах были введены посты (должности) уполномоченных, которые практически реализовывали продовольственную политику Временного правительства.

За первые три месяца были реквизированы все запасы продовольствия, заготовленного представителями торговли. После этого уполномоченные оказались «на мели», т. к. сами организовать вывоз хлеба на рынки они не смогли.

В декабре 1916 г. в России была введена обязательная хлебная повинность (продразверстка)². Реализация данного мероприятия вызвала резкое противодействие со стороны населения. Крестьяне предпочитали держать хлеб у себя в качестве определенной ценности, не разменивая его на бумажные деньги, которые неуклонно девальвировались. Основная причина такого положения дел заключалась в том, что твердые цены не соблюда-

* Судоргин Николай Сергеевич — доцент кафедры истории государства и права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», кандидат исторических наук.

лись, в сущности они были уже официально отменены вследствие установления разных прибавок на провоз, хранение и т.д.

Принцип твердых цен много раз нарушался, поэтому другого результата ожидать было невозможно. В качестве яркого примера, характеризующего сложившуюся ситуацию, можно привести следующий: в Чистополе местный уполномоченный отдал приказ отпускать хлеб по повышенной цене, рассчитывая усилить подвоз хлеба. Результат получился прямо противоположный: хлеб сразу исчез с рынка. Крестьяне, видя, что цена прибавлена, решили, что твердые цены отменены, и стали выжидать дальнейшего повышения³. Указанные события свидетельствуют, что вся действовавшая на тот момент в России организация продовольственного дела показала свою полную несостоятельность.

Земские и государственные общественные организации неоднократно пытались вмешаться в политику твердых цен. Сразу же после известного декрета Временного правительства представители Союза городов направили в Особое совещание по продовольствию записку, в которой подвергли критике политику цен министерства земледелия как неспособную обеспечить стабильность рынка. В записке речь шла о необходимости введения более глубоких и действенных мер, регулирующих рынок продовольствия⁴.

Представители Всероссийского союза городов (так же как и представители Всероссийского земского союза) вошли в состав Особого совещания, однако реально изменить ситуацию в этой области так и не смогли.

7 января 1917 г. в Москве состоялось заседание Главного комитета Всероссийского союза городов, на котором было проанализировано положение дел в Особом совещании по продовольствию. В выступлениях (докладах) Громана и М.М. Федорова прозвучали резкие нападки на министра земледелия Риттиха, который «совершенно игнорирует и «третирует» представителей общественных организаций в Особом совещании и самовольно проводит такие ответственные меры, как отмену твердых цен на хлеб, приостановку мясопусного закона и т.д.»⁵.

Об этой критической ситуации говорилось и в донесении, направленном начальнику отделения по охране общественной безопасности и порядка г. Москвы от 10 января 1917 г. Громан в своем выступлении, характеризуя сложившиеся обстоятельства, предложил «...немедленно отозвать представителей обоих союзов от этого совещания»⁶. Его энергично поддерживали видные деятели Городского союза — Астров и Кишкин. Однако после вмешательства главноуполномоченного М.В. Челнокова, заявившего, что подобный вопрос может быть решен лишь совместно обоими Союдами, принятие соответствующего решения было отложено. Подобные факты свидетельствуют о тесном взаимодействии данных общественных организаций в тот кризисный для страны период.

В похожей ситуации находились и представители Всероссийского земского союза. Так, 27 января 1917 г. состоялось заседание Костромского гу-

бернского земского собрания, на котором обсуждалось продовольственное состояние губернии. Было принято постановление, в котором говорилось о том, что продовольственная разруха в губернии приняла за последнее время такие размеры, что охватила все области продовольствия и проникла даже в те районы, где, казалось бы, не должны были чувствоваться последствия продовольственных трудностей. В постановлении в категоричной и безапелляционной форме утверждалось, что «...губернское земство пыталось и пытается смягчить... продовольственный кризис в губернии, но сознает, что никакие меры не могут принести существенной пользы, пока продовольственные предприятия будут по-прежнему диктоваться несогласованными и бессистемными распоряжениями из Петрограда»⁷.

В резолюции Казанского губернского собрания от 21 января 1917 г. также особо подчеркивалось, что «выполнение трудного и ответственного дела... По снабжению армии и населения продовольствием... встречается постоянно непреодолимые затруднения к успешному выполнению порученного ему дела»⁸.

Основная причина подобных затруднений заключалась, по мнению гласных, в недостатке необходимого доверия к хозяйственному знанию и опыту земских людей и вытекавшей отсюда полной несогласованности во взглядах правительства и земства, а следовательно, во взаимном непонимании друг друга⁹.

Сопоставляя все вышеприведенные данные деятельности участников Общегородского и Общеземского союзов в конце 1916 – начале 1917 г., можно сделать вывод о том, что для того, чтобы вывести страну из углублявшегося хозяйственного кризиса, необходимо создать эффективную систему государственных органов, которые смогли бы объединить «все дееспособные силы нации в лице общественных организаций, обнимающих все слои населения и переход власти в руки ответственных выразителей мысли и воли, борющихся за достойное историческое существование народа»¹⁰.

Как показало последующее развитие событий, создать единую «фронду» государственные и общественные организации не смогли. Основная причина заключалась в том, что лидеры этих организаций по-разному видели конечную цель подобного объединения. Очень показательна в данном отношении позиция известного издателя Д.И. Сытина: «...Торгово-промышленный класс объединиться, сложиться в мощную всероссийскую организацию очень не прочь, но у него нет ни малейшего желания идти в этом отношении в поводу...у интеллигентов — политических теоретиков из Городского и Земского Союзов: у них одни задачи, у нас — другие. Пока война, конечно, у всех одна общая политическая задача. Дальше — все пути врозь. Они пойдут рука об руку с рабочими и революционерами, а нам это не по пути»¹¹.

Начиная с 1917 г., особенно в советской историографии, постоянно утверждалось, что знаменитый предприниматель П.П. Рябушинский при-

зывал своих единомышленников придушить русский народ «костлявой рукой голода». Однако, по нашему мнению, это всего лишь яркий образец того, как можно исказить смысл фразы, вырвав ее из общего контекста. Между тем П.П. Рябушинский в своем выступлении 3 августа 1917 г. на Торгово-промышленном съезде буквально сказал следующее: «К сожалению, нужна костлявая рука голода и народной нищеты, чтобы она схватила горло лжедрузей народа, членов разных комитетов и советов, чтобы они опомнились»¹².

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что к началу 1917 г. вопрос о власти в Российской империи был напрямую связан с решением продовольственной проблемы. Только решив указанную задачу, можно было говорить о политических приоритетах во властных структурах.

¹ См.: Авербах Е.И. Законодательные акты, вызванные войной 1914–1917 гг. Пг., 1918. Т. 5. С. 82.

² См.: Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы I мировой войны. М., 1973. С. 482.

³ См.: ГАРФ. Ф. 102 ДОО. Оп. 1917. Д. 343. Ч. 47. Л. 24 об.

⁴ См.: Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России 1914–1917). Л., 1985. С. 119.

⁵ ГАРФ. Ф. 102 ДОО. Оп. 1917. Д. 343. Ч. 47. Л. 9.

⁶ Там же.

⁷ ГАРФ. Ф. 102 ДОО. Оп. 1917. Д. 343. Ч. 35. Л. 5 об.

⁸ Там же. Ч. 28. Л. 2.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 116. Л. 9.

¹¹ ГАРФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 116. Л. 8.

¹² Кузмицев А., Петров Р. Русские миллионщики // Семейные хроники. М., 1993. С. 108.

И.Х. Хутуев*

РЕЛИГИОЗНОЕ ЗНАНИЕ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ГАРМОНИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПРАВОМ И ОБЩЕСТВОМ

Право относится к числу фундаментальных ценностей мировой культуры, выработанных человечеством в ходе его развития. Ценностные свойства права обусловлены его значением как особой формы общественных отношений, его местом и задачами в социальной системе общества.

Воплощая мир отношений — от главных, глубинных пластов жизни до самых житейских, — право тем самым объективизирует и реализует в законах требования культуры, социального прогресса, цивилизации в целом¹.

* Хутуев Ислам Хусейнович — соискатель кафедры теории государства и права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

Особого внимания заслуживает характеристика права как нормативно-ценностной регулирующей системы. Где есть общество, там должны быть и правила общежития, или социальные нормы, определяющие поведение человека в обществе. Значительную и важную группу социальных норм представляют религиозные нормы.

Религией называется живой духовный союз человека с Богом, который состоит в том, что Бог открывает человеку свою сущность и свою волю (отсюда «откровение»), а человек, вступая в этот союз и пребывая в общении с Божеством, делает волю Божию своей нормой и отдает свои силы на ее осуществление². Понятно, что религиозный человек, воспринимая волю Божию в виде правил поведения, видит в Божестве установителя этих заповедей.

Религиозные каноны (предписания, правила) представляют собой регулятивную систему, действующую в обществе с самых ранних этапов развития человечества. То, что предписывают нормы религиозного характера, является во всех зрелых и развитых религиях известным внутренним душевным поведением или деланием (молитва, подчинение своих желаний заповедям). Наконец, религиозная норма имеет свою санкцию. Нарушитель ее чувствует себя стоящим перед лицом Божия гнева и, может быть, наказания; к этому может присоединиться даже исключение из союза верующих. При этом верующие обычно подразумевают, что норма религиозная, являясь выражением воли Божией, не отменяет и не изменяет голос совести, но придает ему особую силу и дополняет его требования новыми. Вот почему религия иногда поглощает мораль.

Общепризнанные права человека в любой стране зависят от исторического развития ее государственности, характера общественно-политического строя, расстановки социальных сил от национальных, религиозных, культурных, правовых традиций, национальной психологии, наконец, от общей политической и правовой культуры населения.

На процесс формирования и развития российской государственности, а также на своеобразие складывающейся в ее рамках политико-правовой культуры значительное влияние оказывали: во-первых, особенности геополитического положения страны — между Востоком и Западом; во-вторых, ее пространственно-географические характеристики и природно-климатические условия; в-третьих, многоэтнический и многоконфессиональный состав населения; в-четвертых, быт, традиции и религиозные верования ее народов³.

Ислам и мусульманское право, поскольку они стали признаваемы и уважаемы в России, являются неотъемлемой частью ее культуры и правовой панорамы. Ислам и мусульманское право по-прежнему остаются векторами, определяющими формирование мировоззрения и правосознания северокавказского этнического социума. В обширной сфере отношений в семье, браке, наследовании, вопросах личного статуса, в конфессиональном сообществе нормы традиционного права — адата и шариата — сохра-

няют свою силу, регулируя процессы, целиком или частично находящиеся вне контроля государства. Феномен преемственности норм мусульманского права сквозь два столетия, разные эпохи и политические режимы в процессах развития российской государственности обусловлен его эндогенностью в динамике систем права России.

Право всегда было и остается частью человеческой культуры. В то же самое время сегодня оно во многом определяет как развитие культуры, так и ее «доступность», возможность приобщиться к культурным достижениям, будь то материальной культуры или культуры духовной для каждого конкретного человека. Так, «прямая» и «обратная» связь культуры и права, их взаимное влияние в современном мире очевидны и не нуждаются в специальных доказательствах.

Тем не менее, одним из следствий глубинной связи культуры и права оказывается то, что полноценное участие человека в культурной жизни общества зачастую оказывается попросту невозможно в условиях низкой правовой культуры как самого человека, так и общества в целом. В то же время правовые средства выступают одной из ведущих гарантий общедоступности достижений культуры как одного из ведущих факторов в процессах социализации индивида, в т. ч. его правовой социализации, а также реализации права человека на свободное развитие, неоднократно декларированное в международном праве и получившее безоговорочную поддержку мирового сообщества в целом⁴. Умение пользоваться своими правами, знание и полноценное приобщение к практике участия в социально-правовом общении каждой личности — важнейшие проблемы, которые стоят сегодня перед большинством государств.

Ключом к пониманию и оценке путей решения задач социализации индивида, его правовой социализации как одной из основ приобщения человека к сфере общей культуры, гарантированности для него права на свободное развитие является оценка состояния правовой культуры в стране, а также учет недостатков в этой связи, поиск путей их преодоления.

Под правовой культурой принято понимать состояние общественного сознания и социальной практики, сложившееся на основе многократного повторения определенной деятельности, систематического функционирования и взаимодействия различных элементов нормативной системы общества.

Значительная часть мира живет по канонам, базирующимся на исламской концепции прав человека, в основе которой лежат обязанности человека. Среди них первостепенное значение придается подчинению власти. При этом в отличие от западной либеральной концепции, которая видит основной смысл закрепления прав человека в их охране от посягательств со стороны государства, ислам, как подчеркивают мусульманские юристы, в частности Абдалла бин Абдель Мухсин ат-Турки, рассматривают власть как институт, связанный с шариатом и играющий главную роль в претворении его предписаний, в т. ч. относительно прав и свобод человека⁵. Именно

поэтому, скажем, исламские представления о свободе, равенстве, справедливости во многом не совпадают с европейским их пониманием. Это касается не только общих категорий, но и конкретных прав и свобод человека.

По мнению С. Бенхабиб, «у групп идентичности (в данном случае — мусульман) нет права лишать своих детей накопленного человечеством знания и достижений цивилизации ради передачи по наследству их собственного образа жизни; у них есть право на передачу своим детям основ своего образа жизни наряду с другими формами знания, которые имеются в распоряжении человечества»⁶. С этой точки зрения, нельзя оправдать никакую образовательную систему, запрещающую знакомство детей с наиболее продвинутыми формами знания и анализа, доступными человечеству. Именно поэтому необходим государственный стандарт в сфере образования, причем как можно более высокий, с точки зрения его соответствия, включения в него новейших данных науки и современных культурных достижений.

Таким образом, знание не является целью образования, оно — лишь путь, ведущий к гармонии человека с миром. Нравственно-религиозное содержание знания служит важным условием понимания жизни в ее полноте. Востребованность религиозного знания обусловлена рядом причин, в т. ч. ограниченностью возможностей чистой науки выйти в нравственную сферу. Выход из этого тупика лежит в сфере светской религиозности, свободной от догматики, открытой новому научному знанию, этике жизни, духовности. Нравственно-мировоззренческий потенциал религиозного знания актуализирует проблему формирования правовых основ его использования в сфере образования, перевода категорий образовательной философии в правовое поле.

Итогом длительного развития мировой религиозно-философской мысли, как известно, стало формирование церкви как политического института гражданского общества. Несмотря на то, что светский характер Российского государства исключает возможность влияния церкви на политическую жизнь общества, вопрос о свободе совести, ее правовом регулировании постоянно находится в нашей стране в центре внимания.

Религия является составной частью жизни российского общества и отечественная педагогика должна это учитывать. Камнем преткновения для возрождения религиозной мысли в образовании, как правило, становится толкование понятий «светское государство» и «светское образование». Но ведь светское государство — это юридическое понятие, сформулированное во многом в противовес государству атеистическому, т. е. очевидна попытка преодолеть атеистические и материалистические взгляды, которые никогда не были традиционными, народными, не были и первоосновой культурной жизни. Между тем российское законодательство об образовании устанавливает принцип, согласно которому образование должно базироваться на национальных и культурных традициях российского наро-

да. Представляется, что законодательство возвращает нас к религиозным традициям.

Большинство европейских законодательных систем предполагает поддержку традиционных религий в образовательной и социальной сферах, мотивируя эту поддержку тем, что признанные религии содействуют укреплению норм нравственности и социальной стабильности. Отправной точкой такого признания служит социальное и моральное влияние религии на граждан и на общество в целом. Государство может и должно обращаться за помощью к религиозным организациям, сохраняющим духовно-нравственные ценности намного эффективнее.

Мнение о том, что религиозное образование в светской школе недопустимо ввиду наличия в ней верующих других религий или неверующих детей — это ошибочное толкование конституционных прав граждан. Граждане России вправе путем добровольного волеизъявления потребовать образовательной услуги — получения знаний о своей традиционной культуре и ее основах. Получение ими такой образовательной услуги на основе принципа добровольности никоим образом не ущемляет конституционные права и законные интересы других лиц, включая право на свободу совести, не оскорбляет их религиозные чувства и не препятствует реализации их прав.

Государство вправе осуществлять сотрудничество в сфере образования с религиозными объединениями, в т. ч., с учетом обязанности представителей религиозных и национальных меньшинств знать основы культуры большинства⁷.

Если государство создаст условия для обеспечения возможности изучения меньшинствами своих культур, то необходимость знания культуры большинства нисколько не ущемляет в правах национальные и религиозные меньшинства.

Для того чтобы новые правовые ценности органично вошли в правовую культуру, быт и привычки членов общества, необходимо не только вести постоянную правовоспитательную работу, но и правильно определить круг этих ценностей.

В современном мире государство обычно является светским и не связывает себя какими-либо религиозными обязательствами. Его сотрудничество с религиозными объединениями ограничено рядом областей и основано на взаимном невмешательстве в дела друг друга. Однако, как правило, государство сознает, что земное благоденствие немислимо без соблюдения определенных нравственных норм, необходимых и для вечного спасения человека. Поэтому задачи и деятельность религиозных объединений и государства могут совпадать как в достижении земной пользы, так и в осуществлении спасительной миссии.

Во всех областях регламентации жизни общества за цель следует принимать не абстрактное понятие высшего блага, а наименьшее зло в обществе. Из этого следует исходить, говоря о фундаментальных правах и свободах человека в нашем обществе. Некоторые ограничения в свободе сло-

ва и еще больше в свободе действия должны существовать. Государство должно нести контролирующую функцию, но такая применяется исключительно по отношению к внешним проявлениям деятельности человека, включая соблюдение его гражданами очевидных и однозначных истин, выраженных в главных религиозных принципах: не убий, не укради. Внутренняя же жизнь человека, его убеждения, вера не должны контролироваться государством.

Исповедовать веру — значит открыто признавать ее, следовать ей, т. е. жить согласно ее канонам и догмам, вести личную, семейную и общественную жизнь в соответствии со своим религиозным мировоззрением. Религия есть частное дело каждого человека, дело его личного внутреннего чувства и разума.

Религиозная организация получает свой авторитет в государстве не автоматически, только потому, что таковой является, а лишь при условии, если предлагает то, что люди считают полезным для благополучия своего существования. Только в таком случае неверующий или инакововеряющий человек увидит, что за намерениями, идеями и целями религиозного объединения скрывается то, что является важным и для него.

Государство должно поддерживать и защищать религиозные и культурные формы жизни своих граждан. С другой стороны, несмотря на то, что государство самостоятельно стало мирской силой, религиозные объединения не могут сложить с себя религиозную ответственность за положение общества.

Государство, как верно отмечает Р. Теле, должно стоять на защите полной свободы религиозных объединений в исполнении своей миссии в обществе, в выражении позиций конфессий по различным вопросам, в удовлетворении религиозных потребностей людей в таких специфичных социальных структурах, как вооруженные силы, больницы, школы и тюрьмы⁸. А религиозные объединения помогают государству тем, что укрепляют общество и каждого его члена в основополагающих ценностях, на которых, в конечном итоге, и основывается сама традиция общества.

Оценивая деятельность традиционных конфессий в жизни современного российского общества, следует, конечно, признать положительное значение их активного социального служения, позитивную роль в возрождении во многом утерянных после распада бывшего СССР нравственных ценностей. Социальная работа церкви — одно из важных направлений восстановления находящейся в глубоком упадке социальной сферы. Существенен вклад религиозных объединений в восстановление и приумножение культурного наследия России. Возрождение национальных традиций народов России также во многом обусловлено возрождением их религиозных традиций.

Можно отметить и встречную тенденцию. Религиозные организации часто используют свой авторитет для поддержки политики государства. Это

знаменует, на наш взгляд, важное направление в развитии государственно-конфессиональных отношений.

Возрастает роль печатных изданий, которые духовно просвещают и образуют многих верующих как в России, так и за ее пределами; проповедуют человеколюбие; на конкретных исторических и современных примерах показывают лучшие образцы гуманизма. Так, в Чеченской Республике с ноября 1990 г. издается региональная общественно-религиозная газета «Зори ислама», основная тематика которой — традиционный ислам, история его распространения на Кавказе, жития мусульманских святых, суры Корана, религиозное образование молодежи.

Символом возрождения духовности становится строительство мечетей, учебных зданий. В столице Чечни — г. Грозном — 17 октября 2008 г. состоялось торжественное открытие самой крупной в Европе мечети им. Ахмата Кадырова «Сердце Чечни». Помимо самой мечети, в комплекс Исламского центра входит центральный офис Духовного управления мусульман, Российский исламский университет им. Кунта-хаджи Кишиева, исламская библиотека, общежитие для студентов и гостиница. Мероприятие было приурочено к проведению в республике 18–19 октября 2008 г. II Международного миротворческого форума «Ислам — религия мира и созидания». В работе форума приняли участие религиозные деятели и ученые из разных регионов России и 32 стран мира.

В заключение отметим, что в современном демократическом государстве религиозные вероучения выполняют роль регулятора нравственных ценностей в обществе, носителя моральных традиций и устоев. Россия в XX в. прошла сложный путь формирования отношения к религии и чувствам верующих и встала на позиции веротерпимости и толерантности.

В последнее время в обществе усиливается внимание к совершенствованию духовно-нравственного воспитания как одного из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности в целом. Сегодня, когда в российском обществе возникла угроза ценностно-морального вакуума, религиозное образование становится одной из возможностей исправить существующее положение вещей. Важнейшее направление, которое может уберечь наше общество от нравственной деградации, — возвращение людей к своей традиционной вере.

¹ См.: Алексеев С.С. Теория права. М., 1994. С. 57–58.

² См.: Ильин И.А. Теория права и государства (воспроизводится по изданиям 1915 и 1956 гг.). М., 2003. С. 97.

³ См.: Саидов А.Х. Общепризнанные права человека: учебное пособие / под ред. И.И. Лукашука. М., 2002. С. 16.

⁴ См.: Поленина С.В., Скурко Е.В. Право и культура: от правовой культуры к культурным правам // Российская юстиция. 2007. № 12. С. 23.

⁵ См.: Сюкияйнен Л.Р. Исламская концепция прав человека // Права человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2002. С. 283.

⁶ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2005. С. 149.

⁷ См.: Понкин И.В. Современное светское государство: конституционно-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 148.

⁸ Теле Р. Церковь и гражданское общество // День: ежедневная всеукраинская газета. 2000. № 236.

О.Н. Полуда*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ ОБЪЕКТОВ ПОСЕССИОННОГО ПРАВА В РОССИИ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА

Исследование правового положения субъектов посессионных отношений неизменно ведет к поиску ответа на вопрос об объектах данных правоотношений, т. е. что могло служить средством осуществления интереса субъектов. При этом возникают вопросы: каковы сущностные признаки объектов посессионных правоотношений, в чем состоит отличие их правового статуса от других объектов государственной собственности рассматриваемого периода, являлся ли их состав неизменным вплоть до начала XX в.?

Для того чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо в первую очередь исследовать особенности объектов посессионных отношений. Иными словами, наше исследование будет определяться поиском ответа на вопрос о том, какие признаки были присущи объектам рассматриваемых правоотношений.

Во все исторические периоды основным объектом имущественных отношений была именно земля. Она являлась основным средством феодального производства и, следовательно, в основе имущественных отношений всегда лежало владение землей. В начале XVIII в. поземельные отношения в России характеризовались относительной статичностью. Верховным «обладателем» казенного имущества — крепостных и земли (поместья) — являлось государство, которое как собственник определяло порядок его использования. Постепенно включаясь в систему товарно-денежных отношений уже в начале XVIII века, государственная земля становится первичным пособием к фабрикам и заводам. В то же время сохранение феодально-крепостнических устоев серьезно тормозило развитие промышленности, особенно горной и металлургической, где использовался труд посессионных крестьян. В столь сложных условиях развитие отечественной промышленности требовало привлечения денежных средств. Поэтому вполне логичной, с точки зрения целесообразности, выглядит передача казенного имущества в частные руки.

Термин «посессия» в 1797 г. начинает применяться, прежде всего, по отношению к казенным землям, «к частным фабрикам и заводам приписанным, точно ли употребляются для тех надобностей, которые к непрерывному и действительному существованию заводов и фабрик необходимы, и для которых к оным приписаны»¹. Казенные земли не могли отчуж-

* Полуда Оксана Николаевна — соискатель кафедры истории государства и права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

даться от завода никакими способами, в т. ч. и за долги, если только на это не давалось соответствующее разрешение государственного органа.

Государственная земля и ее недра как объект рассматриваемых отношений — явление достаточно новое в дореволюционном праве, имеющее свои специфические черты. В частности, владение недвижимым имуществом частными лицами осуществлялось на праве поместной системы, вызванной теми особыми условиями, в которых находилась Россия. Собственником крепостных и земли был государь, помещик являлся только условным владельцем и сохранял свои права до тех пор, пока служил.

Итак, сущность поместной системы заключалась в пользовании, в вознаграждении за службу недвижимым имуществом, которое было в то же время источником средств для отправления этой службы. Российскому праву был также известен и более свободный тип земельного владения — вотчинное право, допускавшее отчуждение и передачу имущества по наследству. Новые объекты указанных правоотношений обязывали их участников иначе организовывать эксплуатацию промышленных предприятий. Вместе с тем передача казенных земель частным лицам в известной мере напоминала традиционное для средневековой России пожалование — настолько эта передача была льготной для дворян, которые до начала XIX в. оставались монопольными субъектами землевладения и крестьянами. Исключение из этой монополии составляли лишь владельцы посессионных земель, которыми могли быть и купцы. Но их право на эксплуатацию крепостных имело сугубо целевой характер — заводское действие.

В то же время при переходе казенных предприятий — заводов — к частным владельцам отечественная промышленность, разумеется, не перестала быть «государевым делом» первостепенной важности. Во многом по этой причине взаимные отношения государства и заводладельцев вначале были во многом схожи с отношениями, вытекающими из поместной системы, в которой владение землей также происходило во имя и для «государева дела».

Петр I взял из этой системы все, что в ней было существенного, ее главный принцип и основу, развил их в соответствии с потребностями места и времени и сделал краеугольным камнем воздвигаемого им здания «частной» горнозаводской промышленности и, возможно, не столько под влиянием холодного расчета и по ясно сознанным плану, сколько под давлением сложившихся веками привычек и традиций Московского юридического быта и всего уклада предшествовавшей государственной жизни².

Действительно, аналогия с поместной системой наблюдалась в самом способе перехода казенных заводов к частным владельцам. Таким типичным для установления поместных отношений способом служило пожалование. Яркой иллюстрацией тому служат пожалованные железные заводы, счастливым обладателем которых стал Никита Демидов³. Согласно царскому указу горнозаводское дело из непосредственного владения государства переходило к частному лицу. Последний, подобно владельцу по-

местья, являлся, прежде всего, служилым человеком. Заводы с обширной территорией ненаселенных («порозжих») земель отдавались Демидову во владение с широким правом пользования, аналогичного вознаграждению за службу помещику в виде пользования крепостным трудом и землей.

Вместе с тем основания владения казенным имуществом первых промышленников были гораздо шире оснований помещного права как в публичном, так и в гражданско-правовом отношении. Привилегии и правомочия, предоставляемые заводовладельцам, носили политическую окраску, например, исключаясь из ординарной подсудности, промышленник получал право суда над своими наемными и рабочими людьми. Несмотря на политические прерогативы посессионеров, их владение, несомненно, содержало и частнопровые элементы и, прежде всего, владение и пользование. Относительно пользования заводами, т. е. извлечения из них доходов, промышленник мог продавать на сторону весь товар, оставшийся после необходимой его поставки в казну, т. н. «покрытия казенных надобностей».

Говоря о гражданской стороне владения посессионеров, законодатель не отделял заводы в тесном смысле от приписанных к ним земель и лесов. Поскольку последние были неотделимы от первых, т. к. составляли обязательное условие их существования. Со временем права посессионеров все более усиливались со стороны гражданских элементов в ущерб элементам публичным.

В связи с этим при сохранении публичного характера института и условий заводского действия наследственный характер владения и права отчуждения заводов дают основание предполагать, что в силу объективных условий права посессионеров были приближены к праву собственности, существовавшему в России в XVIII веке.

Иными словами, права условных владельцев, говоря современным языком, шли по пути приватизации, и это касалось не только заводов, но и приписанных к ним земель, недр и леса, составляющих, согласно законодательству, их «принадлежность» и разделяющих их судьбу⁴.

Относительно прав на недра заводских земель ст. 200 Проекта горного положения 1806 г. гласила: «Если кто намерен искать руды в землях помещичьих, или в округах частным лицам принадлежащих заводов, чьи бы земли ни были: тот должен испросить на то позволение от помещика, заводчика или его заводской конторы и сделать с ним условия, на которых он берется искать руды. Эти рудники составляют принадлежность тех заводов, в которых земля, где они лежат, отведена. Но в землях, принадлежащих к заводу частного владельца не по праву помещика, а отведенных к нему из казны, всякий имеет право искать руды другого металла, кроме того, который выплавляется на заводе и эти руды принадлежат казне»⁵.

Последнее положение настоящей статьи регламентировало право заводчика допускать, а следовательно, и не допускать к добыче руд постороннее лицо, предоставляя ему это право как фактическому собственнику.

Итак, в соответствии с дореволюционным законодательством объект посессионных отношений составляли заводы, в состав которых, кроме земли и ее недр, входили леса, а также фабричные, жилые и казенные строения⁶.

Свод законов Российской империи, в основном подтверждая положения Проекта 1806 г., содержал определение «горного промысла» и окончательно утвердил деление заводов на казенные и частные. Так, согласно закону, под горным промыслом понималось добывание, плавление, вываривание и обработка минеральных естественных произведений, находящихся на поверхности и в недрах земли, такие как: земля и камни; металлы; соли: поваренная, квасцы, купорос и т.д.; горючие вещества. Законом определялось, что к горным заводам принадлежат те, которые занимаются обработкой вышеуказанных минеральных произведений. Таковыми же заводами считаются и фабрики, учрежденные для обращения обработанных произведений в изделия, если они состоят в ведомстве Горного управления. Горные промыслы и заводы были как казенными, так и частными; могли находиться в частном владении, на праве посессионном или на праве владельческой собственности. К частным горным промыслам и заводам, состоящим на праве посессионном, принадлежат те из них, которые имеют пособие (или помощь) от казны в виде земли либо леса⁷.

Посессионные заводы, в отличие, например, от владельческих заводов фабрик и мануфактур, создававшихся исключительно на средства самих владельцев, были юридически связаны с государственными пособиями. С переходом такого завода другому лицу последнему автоматически переходили и отведенные к заводу земли и леса, а также «приписные казенные люди»⁸. С прекращением деятельности заводов их владелец терял право владения и пользования землей и лесами, данными в качестве пособий для развития горного дела. Эти земли и леса возвращались в собственность государства.

К владельческим заводам и промыслам относились те, которые были учреждены частными лицами и действовали без пособия от казны на землях, принадлежащих на праве полной собственности⁹.

Таким образом, посессионные заводы не относились ни к разряду казенных, ни к разряду заводов, состоящих на праве полной частной собственности. Они составляли отдельный вид владения — посессии, характерными признаками которого были принадлежащие частным лицам горные промыслы и заводы и отведенные к ним казенные земли и леса.

К самостоятельным заводам, согласно законодательству, относились казенные заводы, обустройство которых осуществлялось исключительно на государственные средства. Эти заводы отличались формой собственности, абсолютным их хозяином являлось государство. Предназначение заводов, учрежденных правительством, заключалось в содействии и поощрении частной промышленности: «не быть ей преградою». Доход с их дея-

тельности должен был быть, по меньшей мере, сопоставим с затратами на их обустройство и содержание¹⁰.

Впрочем, назначение казенных заводов не в коей мере не исчерпывалось материально-технической помощью частным предпринимателям. Как правило, при освоении новых промышленных районов первыми появлялись именно государственные предприятия и только на базе их строились частные. Например, родоначальником частных заводов на Урале был построенный на государственные средства Невьянский завод. Надзор за деятельностью государственных заводов (как и частных) осуществляла Берг-коллегия.

Итак, казенная промышленность служила основным средством по оказанию помощи частным предпринимателям, направленным на ускорение развития промышленности России. Раздача построенных государственных заводов частным лицам была составной частью экономической политики абсолютизма. Однако, забегаая вперед, отметим, что в пореформенный период фабрики и заводы, находящиеся на праве собственности, переживали глубокий кризис. Так, столичная пробочная фабрика прекратила свое существование 31 декабря 1899 г., о чем было незамедлительно уведомлено С.-Петербургское Главное Казначейство. Сумма ее штрафного капитала, составляющая 79 руб. 17 коп., была зачислена в специальные средства Министерства финансов и Департамента торговли и мануфактур. Лесопильный завод Рода, также находившийся в Санкт-Петербурге и закрывшийся 12 ноября 1891 г., задолжал штрафного капитала казне в сумме 147 руб. 33 коп.

Администрация столичного Северного металлического завода, занимавшегося постройкой мостов и производством всевозможных железных конструкций и закрытого в 1899 г., направила Господину Старшему фабричному Инспектору С.-Петербурга штрафную книжку и сберегательную книжку Государственного банка с суммой в 168 руб. 76 коп. штрафного капитала.

И, например, одна из столярных фабрик Санкт-Петербурга по причине нехватки средств продолжать производство не могла и была закрыта 22 мая 1900 г., штрафной капитал ее составлял 24 руб. 08 коп.¹¹

Таким образом, анализ архивных материалов дает основание полагать, что конец XIX — начала XX в. в России характеризовался спадом промышленного производства: заводы и фабрики, находившиеся в частной собственности, были подвержены банкротству. Именно посессионные предприятия первыми не выдерживали конкуренции и разорялись из-за ограничений правового статуса. Все попытки владельцев стабилизировать финансово-правовое положение предприятий наталкивались на пережитки феодального законодательства времен Петра I.

¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXIV. № 18211. К этому же времени относили появление термина «посессия». См.: Михайлов Н.Н. Об историче-

ском и современном значении посессионного права // Горный Журнал. 1862. Ч. IV. С. 330–344; Семевский В.И. Крестьяне в царствование Императрицы Екатерины II. СПб., 1881. С.406.

² См.: Записка о посессионном праве. СПб., 1913. С. 9.

³ См.: Полное собрание законов Российской империи. Т.V. № 3504. СПб., 1830.

⁴ См.: Свод законов гражданских // Свод законов Российской империи. Т. X, ч. 1. СПб., 1893, ст. 388.

⁵ См.: Проект горного положения. СПб., 1806. Ст. 200.

⁶ См.: Устав горный // Свод законов Российской империи. Т. VII. Кн. 2. СПб., 1893. Ст. 230.

⁷ См.: Устав горный // Свод законов Российской империи. Т.VII. Кн.2. СПб., 1893. Ст. 1, 3–5.

⁸ Там же. Ст. 224, 248–253.

⁹ См.: Устав горный // Свод законов Российской империи. Т. VII. Кн. 2. СПб., 1893. Ст. 6; см. также: Уставы монетный, горный и о соли // Свод законов Российской империи. Т.VII. СПб., 1857.

¹⁰ См.: Устав горный // Свод законов Российской империи. Т. VII. Кн. 2. СПб., 1893. Ст. 38–39.

¹¹ См.: ЦГИА Санкт-Петербурга. Ф. 1229 Фабричной инспекции Петербургской губернии.

Оп. 1. Ед. хр. 177. Д. Переписка о штрафных капиталах закрывшихся промышленных заведений. Л. 3, 9, 10, 33.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Т.Г. Командирова*

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЯХ В СФЕРЕ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА (НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Согласно положению п. 1 ст. 38 Конституции РФ материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Безусловно, эта норма служит основной гарантией в сфере охраны и защиты прав ребенка (несовершеннолетнего) в Российской Федерации.

Для того чтобы уяснить суть гарантий, необходимо рассмотреть понятие «гарантии» и их содержание.

По определению С.И. Ожегова, гарантии — это ручательство, порука в чем-нибудь, обеспечение¹. В справочной юридической литературе гарантии связываются с законностью (от англ. *guaranties of legality*), т. е. это обусловленная закономерностями общественного развития система условий и средств, обеспечивающая законность и тем самым формирующая состояние социальных отношений, способствующая движению страны к демократии, созданию правового государства.

Раскрытие содержания гарантий обычно ведется через систему гарантий прав и свобод человека и гражданина. Так, в конституционном праве, как правило, гарантии рассматриваются через конкретные конституционные статьи². Ряд ученых-конституционалистов выделяют отдельные группы гарантий. Так, например, С.А. Авакьян приводит следующие группы гарантий: материальные, организационные, духовные и непосредственно юридические³. При этом в научной литературе юридические гарантии также классифицируются в зависимости от правовой природы: 1) прямо установленные в законодательстве; 2) существующие в рамках юридиче-

* Командирова Татьяна Геннадьевна — научный сотрудник НИС НИО ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

ского процесса, т. е. процедур, правил, придающих им четкий, упорядоченный характер⁴.

Федеральное законодательство раскрывает и конкретизирует закрепленные в российском Основном Законе положения, гарантирующие охрану и защиту прав ребенка (несовершеннолетнего) в Российской Федерации.

В числе актов федерального законодательства в сфере охраны и защиты прав ребенка (несовершеннолетнего) в Российской Федерации в первую очередь следует назвать Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»⁵. Согласно указанному Закону ребенком признается лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия). Необходимо помнить, что именно в таком ключе понятие «ребенок», закреплено в ст. 1 Конвенции о правах ребенка⁶.

Предметом регулирования рассматриваемого Закона являются «отношения, возникающие в связи с реализацией основных гарантий прав и законных интересов ребенка в Российской Федерации» (ст. 2)⁷. Следует подчеркнуть, что Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» содержит обширный перечень важнейших положений в исследуемой сфере правового регулирования.

В первую очередь необходимо обратить внимание на то, что признается приоритетной государственная политика в интересах детей, а также закрепляются следующие принципы, т. е. основополагающие начала этой политики:

законодательное обеспечение прав ребенка. Представляется, что законодатель предусматривает обязательное правовое закрепление прав ребенка как одну из гарантий их дальнейшей реализации, охраны, а также защиты, поскольку право существует и охраняется законом только в случае его соответствующего нормативного закрепления, при аналогичных условиях оно может считаться нарушенным и подлежит защите;

поддержка семьи в целях обеспечения воспитания, отдыха и оздоровления детей, защиты их прав, подготовки к полноценной жизни в обществе. В данном случае действует простой алгоритм «полноценное развитие ребенка без семьи невозможно», следовательно, государственная поддержка семьи напрямую выступает гарантией охраны прав ребенка;

ответственность должностных лиц, граждан за нарушение прав и законных интересов ребенка, причинение ему вреда. Данное положение, безусловно, гарантирует защиту нарушенных прав ребенка, поскольку предусматривает неотвратимые негативные последствия для нарушителей указанных прав;

поддержка общественных объединений и иных организаций, осуществляющих деятельность по защите прав и законных интересов ребенка. На наш взгляд, это существенная гарантия, обеспечивающая четкий механизм защиты нарушенных прав ребенка.

Далее в числе нормативных актов в сфере охраны и защиты прав ребенка (несовершеннолетнего) в России следует назвать Семейный кодекс

РФ (далее — СК РФ)⁸. В указанном правовом акте правам ребенка посвящена отдельная глава, включающая в себя 7 статей.

Исследуя положения гл. 11 СК РФ, следует обратить внимание, что статьи в ней расположены так, что каждая из них закрепляет одно конкретное право, раскрывая его содержание. В числе основных прав ребенка прописаны следующие: право жить и воспитываться в семье; право на общение с родителями и другими родственниками; право на защиту; право выражать свое мнение; право на имя, отчество и фамилию; имущественные права.

Также необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что относительно каждого права ребенка СК РФ прописывает соответствующую обязанность родителя или лица, его заменяющего. Думается, такой подход позволил законодателю максимально гарантировать охрану закрепленных прав ребенка, а также предусмотреть механизм защиты.

Рассматривая правовые гарантии в сфере охраны и защиты прав ребенка (несовершеннолетнего), необходимо отметить, что вышеуказанные акты законодательства направлены на регулирование прав и интересов всех детей, без исключения, проживающих на территории России.

Однако в числе законодательных актов, закрепляющих правовые гарантии в сфере охраны и защиты прав ребенка, следует выделить те, субъектами правового регулирования которых выступают отдельные категории несовершеннолетних.

Анализируя Федеральный закон от 16 апреля 2001 г. № 44-ФЗ «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей»⁹, следует обратить внимание на то обстоятельство, что среди прочих в качестве целей данного Закона закреплены следующие: оказание содействия в устройстве детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семьи граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, создание условий для реализации права граждан, желающих принять детей на воспитание в свои семьи, на получение полной и достоверной информации о таких детях.

Безусловно, указанные положения служат дополнительной гарантией реализации прав ребенка, закрепленных в СК РФ, а также регулируют механизм формирования и использования государственного банка данных о детях, оставшихся без попечения родителей.

Рассматривая положения Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹⁰, необходимо отметить, что в числе основных задач деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних названа задача обеспечения защиты их прав и законных интересов. Думается, в данном случае иначе и быть не может. Однако, на наш взгляд, эту задачу следовало бы в ст. 2 указанного Закона поставить на первое место в списке, т. к. предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовер-

шеннолетних, выявление и устранение причин и условий, способствующих этому, социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий уже по смыслу являются составными элементами обеспечения защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

Анализируя Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»¹¹, считаем, что указанный правовой акт также следует отнести к числу содержащих правовые гарантии в сфере охраны и защиты прав ребенка (несовершеннолетнего) в Российской Федерации с одной лишь оговоркой: субъектами правового регулирования в данном случае являются лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей — лица в возрасте от 18 до 23 лет, у которых, когда они находились в возрасте до 18 лет, умерли оба или единственный родитель, а также которые остались без попечения единственного или обоих родителей, и имеют в соответствии с указанным Законом право на дополнительные гарантии по социальной поддержке.

¹ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 10-е изд., стер. М., 1973. С. 117.

² См.: Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебник. М., 2005. С. 199–292.

³ См.: Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 683–687.

⁴ См.: Конституционное право России: учебник для студентов вузов / под ред. А.С. Прудникова, В.И. Авсеенко. М., 2006. С. 232–233.

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3802.

⁶ См.: Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. 44-я сессия. Дополнение № 49 (А/44/49). С. 230–239.

⁷ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3802.

⁸ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996 г. № 1, ст. 16.

⁹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001 г. № 17, ст. 1643.

¹⁰ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999 г. № 26, ст. 3177.

¹¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996 г. № 52 ст. 5880.

А.Ю. Соколов*

ИЗЪЯТИЕ ВЕЩЕЙ И ДОКУМЕНТОВ КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Изъятие вещей и документов представляет собой одну из форм административного вмешательства в правовой статус личности, затрагивающего ее имущественное положение. Последняя систематизация законода-

* Соколов Александр Юрьевич — доцент кафедры административного и муниципального права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», кандидат юридических наук.

тельства об административной ответственности сохранила изъятие вещей и документов как меру обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Вместе с тем в действующем Кодексе РФ об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ¹) законодатель несколько изменил формулировку объекта изъятия. В соответствии с ч. 1 ст. 27.10 КоАП РФ изъятию уполномоченными законом должностными лицами подлежат вещи, явившиеся орудиями совершения или предметами административного правонарушения, а также документы, имеющие значение доказательств по делу об административном правонарушении.

Изъятие вещей и документов как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях может преследовать по различным категориям дел несколько целей. Во-первых, это обеспечение сохранности доказательств по делу об административном правонарушении (ч. 1 ст. 27.10 КоАП РФ). Во-вторых, это пресечение противоправного деяния. Такая цель имеет место, например, при незаконном хранении или перевозке наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 6.8 КоАП РФ), когда изъятие данных объектов пресекает возможность противоправного распоряжения ими или их использования и прекращает совершение административного правонарушения. В-третьих, по делам об административных правонарушениях, за совершение которых предусмотрено наказание в виде **возмездного изъятия орудия** совершения или предмета административного правонарушения, **конфискации орудия** совершения или предмета административного правонарушения, **лишения специального права**, предоставленного физическому лицу, применение данной меры преследует цель обеспечения исполнения постановления по делу об административном правонарушении.

В научной литературе выделяются следующие признаки изъятия вещей и документов как способа получения доказательств в ходе производства по делам об административных правонарушениях: 1) действие должно быть процессуальным; 2) направленность на получение сведений о фактах (доказательствах); 3) возможность непосредственного воздействия компетентного должностного лица на изымаемые предметы; 4) проявление инициативы должностным лицом; 5) перемещение таковых (вещей и документов) в иное, контролируемое компетентными должностными лицами, место; 6) действие предполагает разрешение вопроса о судьбе изъятого по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении².

Вместе с тем не все указанные признаки подчеркивают индивидуальность изъятия вещей и документов и позволяют охарактеризовать данную меру именно как меру обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Так, все без исключения меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях применяются компетентными должностными лицами непосредственно в процессуальном порядке, определенном законодательством.

Получение сведений о фактах не является единственной целью применения изъятия вещей и документов. В случае изъятия водительского удостоверения, удостоверения тракториста-машиниста (тракториста), удостоверения судоводителя, удостоверения пилота по делам об административных правонарушениях, за совершение которых предусмотрено наказание в виде *лишения специального права*, предоставленного физическому лицу, применение данной меры направлено на обеспечение исполнения постановления по делу об административном правонарушении.

Не представляется целесообразным и выделение в качестве юридически значимого такого признака, как проявление инициативы должностным лицом, осуществляющим производство по делу об административном правонарушении³, поскольку законодатель не ставит вопрос о привлечении к административной ответственности в зависимости от добровольности сдачи вещей и документов.

Анализ действующего административно-деликтного законодательства позволяет выделить следующие признаки изъятия вещей и документов как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях:

1. Изъятие вещей и документов носит личный характер и состоит в ограничении лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в административном порядке права владения, пользования и распоряжения определенным имуществом.

2. Применение изъятия вещей и документов возможно не только в отношении имущества, находящегося на праве законного владения, пользования и распоряжения у лиц, в отношении которых реализуется рассматриваемая мера. Данное имущество может находиться у таких лиц также и в незаконном владении. В последнем случае изъятие будет носить необратимый характер.

3. Изъятие вещей и документов применяется только в отношении орудий совершения, предметов административного правонарушения либо документов, имеющих значение доказательств по делу об административном правонарушении. Круг орудий совершения или предметов административного правонарушения определяется исходя из содержания составов совершенных административных правонарушений.

4. Ограничение права собственности, являющееся следствием изъятия при условии применения к законным владельцам, носит временный характер и осуществляется до разрешения вопроса о судьбе изъятого по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении.

5. Изъятие предполагает перемещение вещей и документов в контролируемое компетентными должностными лицами место. Изъятые вещи и документы до рассмотрения дела об административном правонарушении хранятся в местах, определяемых лицом, производившим изъятие вещей и документов, в порядке, установленном соответствующим федеральным органом исполнительной власти⁴.

6. Осуществление изъятия вещей и документов допускается лишь в случаях их обнаружения на месте совершения административного правонарушения либо при осуществлении личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице, досмотра транспортного средства, осмотра принадлежащих юридическому лицу территорий, помещений и находящихся у него товаров, транспортных средств и иного имущества, а также соответствующих документов (ч. 1, 2 ст. 27.10 КоАП РФ).

7. Изъятие вещей и документов применяется как к физическим, так и юридическим лицам, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении.

8. Изъятие не предполагает итоговое разрешение вопроса о переходе права на изъятое имущество. Изъятые вещи и документы хранятся до прекращения производства по делу об административном правонарушении либо вступления в силу постановления по делу об административном правонарушении о назначении наказания, не связанного с конфискацией, возмездным изъятием или лишением специального права. По наступлении указанных событий судья, орган, должностное лицо, осуществляющие производство по делу об административном правонарушении, должны возвратить вещи и документы, не изъятые из гражданского оборота, законному владельцу⁵. При неустановлении законного владельца они передаются в собственность государства. Изъятые ордена, медали, нагрудные знаки к почетным званиям Российской Федерации, РСФСР, СССР подлежат возврату их законному владельцу, а если он не известен, направляются в Администрацию Президента РФ.

В юридической литературе существуют различные мнения в отношении определения элементов, составляющих содержание и структуру изъятия. Так, В.Н. Григорьев, рассматривая изъятие как прием правоохранительной деятельности, выделяет в его структуре следующие действия: а) проникновение в место поиска; б) поисковые действия; в) изъятие обнаруженных объектов; г) документальное оформление изъятия⁶. Б.Б. Айдаровым все действия, входящие в содержание деятельности по изъятию предметов и документов, выделены в пять блоков: 1) установление оснований для изъятия предметов и документов; 2) подготовка к изъятию предметов и документов; 3) собственно изъятие предметов и документов; 4) документальное оформление изъятия; 5) завершающие действия⁷.

На наш взгляд, в структуре изъятия вещей и документов как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях можно выделить следующие этапы: 1) подготовительный; 2) изъятие обнаруженных объектов; 3) документальное оформление.

Подготовительный этап включает в себя производство целого ряда действий: установление сведений о наличии имущества, подлежащего изъятию и его местонахождению; владельцев данного имущества; приглашение понятых; подготовка технических средств фиксации данного административно-процессуального действия.

Для проведения процессуальных действий с вещественными доказательствами, обращение с которыми требует определенных навыков, могут быть привлечены соответствующие специалисты, что является обязательным при наличии подозрения, что вещественные доказательства представляют определенную опасность (взрывчатые вещества, яды, радиоактивные материалы и т.д.) либо при их изъятии могут быть утрачены следы правонарушения⁸.

Изъятие вещей, явившихся орудиями совершения или предметами административного правонарушения, и документов, имеющих значение доказательств по делу об административном правонарушении, осуществляется в присутствии двух понятых. При необходимости изъятые вещи и документы должны быть упакованы и опечатаны с прикреплением на упаковке пояснительной надписи, содержащей перечень вложенного, вид и дату процессуального действия, Ф.И.О. лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, подпись должностного лица, осуществившего изъятие (п. 9 ст. 27.10 КоАП РФ).

Вместе с тем указанная формулировка, допускающая упаковку и опечатывание изъятых вещей лишь в необходимых случаях, представляется не вполне корректной. Данный способ обеспечения сохранности доказательств по делу должен применяться на практике во всех случаях, что позволит избежать впоследствии при рассмотрении дела об административном правонарушении сомнений в их достоверности.

В случае, если изъять объект в целом невозможно, лицо, осуществляющее производство по делу об административном правонарушении, вправе изъять часть объекта, на котором находятся или могут находиться следы (микроследы), имеющие отношение к делу, и который не является неделимой вещью⁹.

При необходимости в процессе изъятия вещей и документов применяются фото- и киносъемка, видеозапись, иные установленные способы фиксации вещественных доказательств. В случае изъятия документов, за исключением удостоверений и временных разрешений на право управления транспортным средством соответствующего вида, лицу, у которого изымаются документы, передаются их копии.

При совершении административного правонарушения, влекущего лишение права управления транспортным средством соответствующего вида, у водителя, судоводителя, пилота изымается водительское удостоверение, удостоверение тракториста-машиниста (тракториста), удостоверение судоводителя, удостоверение пилота. Соответствие указанных положений ч. 2 ст. 35 Конституции РФ, закрепляющей право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им, не раз признавалось Конституционным Судом¹⁰, поскольку на период та-

кого изъятия законом предусматривается выдача временного разрешения на управление транспортным средством соответствующего вида на срок до вступления в законную силу постановления по делу об административном правонарушении.

Об изъятии вещей и документов составляется протокол либо делается соответствующая запись в протоколе о доставлении, в протоколе осмотра места совершения административного правонарушения или в протоколе об административном задержании.

Вместе с тем во многих случаях изъятие вещей и документов производится по результатам осуществления личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице, досмотра транспортного средства, осмотра принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий, вещей, документов. В этой связи следует согласиться с мнением отдельных исследователей, высказывающихся за целесообразность синхронного оформления результатов применения данных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях¹¹.

Об изъятии водительского удостоверения, удостоверения тракториста-машиниста (тракториста), удостоверения судоводителя, удостоверения пилота делается запись в протоколе об административном правонарушении или в протоколе осмотра места совершения административного правонарушения.

В протоколе об изъятии вещей и документов указываются сведения о виде и реквизитах изъятых документов, о виде, количестве, иных идентификационных признаках изъятых вещей, в т. ч. о типе, марке, модели, калибре, серии, номере, иных идентификационных признаках оружия, о виде и количестве боевых припасов, а также делается запись о применении фото- и киносъемки, видеозаписи, иных установленных способов фиксации документов.

Статья 27.11 КоАП РФ предусматривает обязательные случаи проведения оценки изъятых вещей и других ценностей, когда: 1) за совершенное административное правонарушение предусмотрено назначение административного наказания в виде административного штрафа, исчисляемого в величине, кратной стоимости изъятых вещей; 2) изъятые вещи подвергаются быстрой порче и направляются на реализацию или уничтожение; 3) изъятые из оборота в соответствии с законодательством РФ этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция подлежат направлению на переработку или уничтожению.

В общем порядке указанные вещи и документы хранятся при деле об административном правонарушении. При невозможности такого хранения изъятые вещи и документы сдаются в специально оборудованное помещение с ограниченным доступом либо, в силу их громоздкости или иных причин, могут быть переданы по договору в организацию, осуществляющую их хранение. При хранении изъятых вещей и документов должны быть приняты меры по обеспечению их сохранности, а также сохранению их призна-

ков, свойств и имеющихся на них следов и исключено их использование для служебных и иных целей, не связанных с производством по делу об административном правонарушении. При передаче дела об административном правонарушении в другой орган, судье, должностному лицу изъятые вещи и документы подлежат передаче вместе с делом об административном правонарушении.

Особый порядок определен законом для хранения изъятых: а) огнестрельного оружия и патронов к нему, иного оружия, а также боевых припасов¹²; б) вещей, подвергающихся быстрой порче¹³; в) наркотических средств и психотропных веществ¹⁴; г) этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, не отвечающим обязательным требованиям стандартов, санитарных правил и гигиенических нормативов¹⁵.

Образцы подлежащих уничтожению наркотических средств и психотропных веществ, этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции в соответствии с ч. 12 ст. 27.10 КоАП РФ хранятся до вступления в законную силу постановления по делу об административном правонарушении¹⁶.

Учитывая вышеизложенное, изъятие вещей и документов как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях представляет собой урегулированные административно-процессуальными нормами действия компетентных органов и их должностных лиц, выражающиеся в принудительном временном ограничении в административном порядке физических или юридических лиц, совершивших административное правонарушение, права владения, пользования, распоряжения такими вещами и документами с последующим перемещением вещей и документов в места, контролируемые должностными лицами.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1.

² См.: Айгистов Р.Р. Изъятие предметов и документов как способ получения доказательств в административном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 59–68.

³ См.: Там же. С. 64.

⁴ См.: Приказ МВД РФ от 31 декабря 2009 г. № 1025 «Об утверждении Инструкции о порядке хранения вещей, явившихся орудиями совершения или предметами административного правонарушения, и документов, имеющих значение доказательств по делу об административном правонарушении» // Российская газета 2010. 10 марта; Приказ Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 30 июля 2007 г. № 238 «Об утверждении Инструкции о порядке хранения изъятых вещей и документов до рассмотрения дела об административном правонарушении в территориальных органах ФСКН России». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант-Максимум»; Приказ ФСБ РФ от 6 июня 2007 г. № 293 «Об утверждении Инструкции о порядке хранения изъятых вещей и документов по делам об административных правонарушениях, подведомственным пограничным органам» // Российская газета. 2007. 25 июля; Приказ Федеральной таможенной службы от 18 декабря 2006 г. № 1339 «О порядке хранения изъятых вещей и документов, имеющих значение доказательств по делам об административных правонарушениях» // Российская газета. 2007. 23 мая.

⁵ Вместе с тем на основании п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6) по делам об административных правонарушениях в таможенной сфере выдача изъятых или арестованных товаров либо транспортных средств их владельцу производится только после таможенного оформления. Указанные требования основываются на положениях ч. 4 ст. 4.1 КоАП РФ, в соответствии с которыми назначение административного наказания не освобождает лицо от исполнения обязанности, за неисполнение которой было назначено административное наказание.

⁶ См.: Григорьев В.Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика). М., 1994. С. 171.

⁷ См.: Айдаров Б.Б. Сущность и правовые формы изъятия (получения) предметов и документов правоохранительными органами: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 38.

⁸ См. п. 9 приказа Федеральной таможенной службы от 25 декабря 2006 г. № 1363 «Об утверждении Инструкции о порядке изъятия, хранения, учета, передачи и уничтожения вещественных доказательств, ценностей и иного имущества по уголовным делам и материалам проверок сообщений о преступлениях в таможенных органах Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант-Максимум».

⁹ См. п. 12 приказа Федеральной таможенной службы от 25 декабря 2006 г. № 1363 «Об утверждении Инструкции о порядке изъятия, хранения, учета, передачи и уничтожения вещественных доказательств, ценностей и иного имущества по уголовным делам и материалам проверок сообщений о преступлениях в таможенных органах Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант-Максимум».

¹⁰ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2000 г. № 76-О «По жалобе гражданина Пойма Игоря Геннадьевича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 244, частями первой и седьмой статьи 245 и статьей 246 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 4; Определение Конституционного Суда РФ от 29 апреля 1999 г. № 61-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Беляева Бориса Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 244 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант-Максимум».

¹¹ См.: Гапонов О.Н. Реализация мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 105-106.

¹² См.: Постановление Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 32, ст. 3878.

¹³ См.: Постановление Правительства РФ от 19 ноября 2003 г. № 694 «Об утверждении Положения о сдаче для реализации или уничтожения изъятых вещей, явившихся орудиями совершения или предметами административного правонарушения, подвергающихся быстрой порче» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 47, ст. 4545.

¹⁴ См.: Постановление Правительства РФ от 18 июня 1999 г. № 647 «О порядке дальнейшего использования или уничтожения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также инструментов и оборудования, которые были конфискованы или изъяты из незаконного оборота либо дальнейшее использование которых признано нецелесообразным» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 27, ст. 3360.

¹⁵ См.: Постановление Правительства РФ от 11 декабря 2002 г. № 883 «Об утверждении Положения о направлении на переработку или уничтожение изъятых из незаконного оборота либо конфискованных этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 51, ст. 5080.

¹⁶ В определении от 15 января 2008 г. № 408-О-П судьи Конституционного Суда РФ отмечают, что ч. 12 ст. 27.10 КоАП РФ «Изъятие вещей и документов» не предусматривает возможность направления на переработку или уничтожение алкогольной продукции без соответствующего судебного решения.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

В.В. Понявин*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПРЕДМЕТА ИЗГОТОВЛЕНИЯ ИЛИ СБЫТА ПОДДЕЛЬНЫХ ЦЕННЫХ БУМАГ И ПЛАТЕЖНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Правовая оценка какого-либо явления выражается в нормативно-правовом акте или в их совокупности, описывающей и регулирующей это явление. Совершенствование правовой оценки заключается в изменении, корректировке или исключении текста нормативно-правового акта, т. е. в процессе правотворчества. В свою очередь, совершенствование правовой оценки общественно опасных деяний, каковыми являются изготовление или сбыт поддельных ценных бумаг и платежных документов, выражается в шлифовании текста Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) в силу того, что последний служит единственным источником уголовного права.

Важнейшую роль играет качество проводимых изменений. По этому поводу достаточно объективно высказывается Д.А. Керимов: «... Чем совершеннее текст закона, тем меньше вызовет он затруднений при его реализации»¹. В уголовном праве «качество уголовного законодательства как позитивная теоретическая категория включает в себя достаточный уровень законодательной техники, согласование отдельных частей закона, согласованность уголовного закона с законодательными актами других отраслей права и обеспечивается полнотой и обоснованностью проведенных криминализации и пенализации, своевременностью и безошибочностью осуществленных декриминализации и депенализации»².

На качество уголовного законодательства также влияет и последовательность принимаемых поправок, т. е. отсутствие противоречий во вносимых изменениях. Так, уголовно-правовая оценка изготовления или сбыта поддель-

---

* Понявин Виталий Владимирович — аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

ных ценных бумаг и платежных документов менялась уже не раз. С 1997 г. в ст. 186 УК РФ вносились изменения 3 раза, а в ст. 187 УК РФ — 1 раз. Сначала Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», который существенно реформировал весь УК РФ, были внесены изменения в ст. 186 и 187. Из санкций всех частей ст. 186 УК РФ исключалось наказание в виде конфискации, вместо которого был введен штраф. Кроме того, в связи с отменой ст. 16 УК РФ, регламентирующей неоднократность преступлений, из ст. 186 УК РФ было исключено указание на повышенную ответственность лица, ранее судимого за данное преступление. Этим же законом в санкции ч. 1 ст. 187 УК РФ увеличился размер штрафа, а в ч. 2 ст. 187 УК РФ штраф был введен как дополнительное наказание к лишению свободы вместо конфискации. Из ч. 2 ст. 187 УК РФ также была исключена неоднократность.

Федеральный закон от 28 апреля 2009 г. № 66-ФЗ «О внесении изменений в статью 186 Уголовного кодекса Российской Федерации» криминализовал хранение и перевозку в целях сбыта поддельных денег и ценных бумаг.

Последние изменения, которые коснулись ст. 186, были внесены Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы». Этим законом в санкции ч. 2 и ч. 3 ст. 186 УК РФ было введено дополнительное наказание в виде ограничения свободы.

Несмотря на проведенные изменения, правовая оценка изготовления или сбыта поддельных ценных бумаг и платежных документов нуждается в совершенствовании. С этой целью должны быть уточнены: предмет преступного изготовления или сбыта поддельных ценных бумаг и платежных документов; объективная сторона этого преступления; его субъективная сторона.

В данной статье рассматриваются некоторые вопросы совершенствования правовой оценки предмета преступного изготовления или сбыта поддельных ценных бумаг и платежных документов.

С целью конкретизации предмета преступного посягательства изменения следует внести только в ст. 187 УК РФ, в силу того, что в ст. 186 УК РФ предмет преступления обозначен правильно. Термин «ценные бумаги в валюте Российской Федерации или в иностранной валюте», используемый в ст. 186 УК РФ, был заимствован из Закона РФ от 9 октября 1992 г. № 3615-1 «О валютном регулировании и валютном контроле»³, который в настоящее время не действует. Однако этот термин является более точным, по сравнению с общим термином, «ценные бумаги», используемым в действующем Федеральном законе от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», и лучше характеризует предмет рассматриваемого преступления, поскольку объектом изготовления или сбыта поддельных ценных бумаг являются финансовые отношения в части безналичного денежного оборота. Использование термина «ценные бумаги» в ст. 186 УК РФ позволило

бы квалифицировать по этой статье изготовление или сбыт поддельных коносаментов, складских и залоговых свидетельств, которые фактически являются товарораспорядительными документами, а не средством безналичного денежного обращения, поэтому объект этих преступлений другой и ответственность за них должна наступать по другой статье.

Совершенно иная ситуация с предметом преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ. Термин «кредитные и расчетные карты» оставляет за рамками предмета преступления предоплаченные банковские карты, а также предоплаченные телефонные и транспортные карты, которые приобретают все большее распространение и повышают свою роль в безналичном денежном обороте. При этом общественная опасность изготовления или сбыта поддельных предоплаченных карт ничуть не меньше таких же действий в отношении кредитных и расчетных банковских карт. Данное утверждение обосновывается следующим.

Общественная опасность заключается в способности деяния «причинять существенный вред охраняемым уголовным законом объектам (интересам)»⁴. Общественная опасность преступлений в сфере экономической деятельности «проявляется многоаспектно и состоит в причинении или угрозе причинения вреда экономическим, социальным, политическим и иным интересам»⁵. В то же время возможный вред или угроза вреда, создаваемые подделкой и кредитных, и расчетных, и предоплаченных карт находятся на одном и том же уровне, поскольку транспортные организации и организации связи, эмитирующие карты, являются такими же полноправными участниками рынка, как и банки. Сами же предоплаченные карты несут ту же функцию, что и кредитные или расчетные — осуществление безналичных расчетов. Учитывая, что общественная опасность деяния служит основанием для его криминализации, необходимо установить равную ответственность за подделку кредитных, расчетных и предоплаченных карт, включив последние в текст ст. 187 УК РФ.

«Криминализация есть законодательное признание определенных деяний преступными и наказуемыми, т.е. установление за их совершение уголовной ответственности»⁶. Для того чтобы признать деяние преступлением и установить за него уголовную ответственность, необходимо соблюдать принципы криминализации. В уголовно-правовой науке существуют различные мнения по поводу того, какие принципы криминализации существуют и сколько их. Так, В.Н. Кудрявцев и В.В. Лунеев называют следующие:

- а) криминализируемое деяние должно быть общественно опасным;
- б) оно должно иметь достаточно широкую распространенность;
- в) ожидаемые положительные последствия криминализации должны превышать ее отрицательные последствия;
- г) криминализация деяния не должна противоречить Конституции РФ, действующему праву и международным соглашениям Российской Федерации;
- д) она не должна противоречить нормам нравственности;
- е) криминализация должна быть осуществима в процессуальном и криминалистическом аспектах;

ж) криминализация не должна проводиться, если борьба с данным вредным для общества деянием возможна и эффективна при помощи иных, более мягких мер⁷.

Против некоторых из этих принципов выступает Н.А. Лопашенко, совершенно справедливо отмечая, что принцип общественной опасности деяния является не принципом, а основанием криминализации. По ее мнению, принципы криминализации должны определять не общественную опасность деяния вообще, а достаточность объективно существующей общественной опасности для введения уголовного запрета, а принцип непротиворечивости криминализации Конституции РФ, действующему праву и международным соглашениям является общеправовым принципом законности и его не следует выделять в качестве отдельного принципа криминализации⁸. В подтверждение своей позиции автор приводит более сжатый перечень принципов криминализации:

- 1) достаточная общественная опасность криминализируемых деяний;
- 2) относительная распространенность этих деяний;
- 3) возможность позитивного воздействия уголовно-правовой нормы на общественно опасное поведение;
- 4) преобладание позитивных последствий криминализации;
- 5) неизбыточность уголовно-правового запрета;
- 6) своевременность криминализации⁹.

Данные принципы должны быть соблюдены не только при создании новой уголовно-правовой нормы, но и при внесении изменений в действующую статью, в результате которых осуществляется криминализация деяния. Поэтому данное условие обязательно и для установления уголовного запрета на изготовление или сбыт поддельных предоплаченных карт. О достаточной общественной опасности таких действий уже было сказано выше. Что касается относительной распространенности изготовления или сбыта поддельных предоплаченных карт и своевременности их криминализации, то в данном случае показательными будут несколько примеров.

Так, в 2009 г. в Свердловской области предстали перед судом двое граждан Российской Федерации и гражданка Китайской Народной Республики за изготовление поддельных телефонных карт оплаты международной связи. Им было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 171 УК РФ («Незаконное предпринимательство, совершенное организованной группой, сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере»). В результате своей деятельности соучастники получили за 2008 г. преступный доход на общую сумму более 4,6 млн руб.¹⁰

В том же 2009 г. в подмосковном городе Зеленограде сотрудниками УБЭП ГУВД г. Москвы были задержаны участники преступной группы, занимавшейся изготовлением и распространением поддельных карт для проезда в метро. В числе задержанных были организаторы, изготовители, распространители и посредники — всего около сотни человек, которые только за 2008 г. реализовали больше 1 млн поддельных проездных. Среди десятка основных ор-

ганизаторов преступного бизнеса — бывший сотрудник московского метрополитена, который участвовал в пусконаладочных работах новой электронной дистанционной билетно-пропускной системы, разработанной одним из предприятий Зеленограда. Он обнаружил в защите этой системы существенные «дыры», позволяющие, при наличии определенной базы данных, изготовить поддельный проездной билет. Несколько привлеченных им программистов службы сигнализации и связи московского метро наладили промышленный выпуск поддельных билетов на квартире, используя похищенную базу данных метрополитена и программу для кодирования. Электронные чипы для билетов доставлялись контрабандой из Китая. Для сбыта подделок была создана сеть распространителей из сотни нелегальных мигрантов¹¹.

Как видно из этих примеров, изготовление и сбыт поддельных предоплаченных карт обладают относительной распространенностью и необходимость криминализации этих деяний не утратила своей актуальности.

Если же рассматривать криминализацию изготовления и сбыта поддельных предоплаченных карт с точки зрения соблюдения принципов неизбыточности уголовного запрета и преобладания позитивных последствий этой криминализации, то и эти принципы не будут оставлены в стороне. Сложно себе представить «добросовестных изготовителей в целях сбыта поддельных предоплаченных карт», несправедливое наказание которых могло бы служить негативным последствием этого уголовно-правового запрета, поэтому, с точки зрения теории, ничто не мешает реализации целей восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения подобных преступных действий.

Вторым недостатком в описании предмета преступления в ст. 187 УК РФ является использование термина «платежные документы». Это объясняется следующим. Определение платежного документа, содержащееся во Временном положении ЦБ РФ от 10 февраля 1998 г. № 17-П «О порядке приема к исполнению поручений владельцев счетов, подписанных аналогами собственноручной подписи, при проведении безналичных расчетов кредитными организациями», и определение расчетного документа, содержащегося в Положении ЦБ РФ от 3 октября 2002 г. № 2-П «О безналичных расчетах в Российской Федерации», идентичны по смыслу. Однако Положение ЦБ РФ «О безналичных расчетах в Российской Федерации», в отличие от Временного положения ЦБ РФ «О порядке приема к исполнению поручений владельцев счетов...», содержит, кроме определения, еще и перечень расчетных документов, а также устанавливает порядок их составления и использования, т.е. гораздо шире характеризует их.

Неопределенность того, какие документы относятся к «иным платежным документам, не являющимся ценными бумагами», вызывает споры и на практике. Так, двое граждан Российской Федерации обратились в Конституционный Суд РФ с жалобами на нарушение положениями ст. 187 УК РФ их конституционных прав, а именно тем, что неопределенность понятия «иные платежные документы, не являющиеся ценными бумагами»

допускает произвольное толкование этой статьи. Однако Конституционный Суд РФ отказал им в принятии их жалоб к рассмотрению, определив, что установление того, какие документы подпадают под признаки преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, «относится к ведению органов предварительного расследования, прокурора и суда и производится по уголовному делу на основе фактических обстоятельств»¹².

Возможность самостоятельного толкования термина «платежные документы» приводит к тому, что правоохранительные органы включают в их число товарные и кассовые чеки. Однако товарные и кассовые чеки по своим функциям значительно отличаются как от платежных поручений, так и от платежных требований, инкассовых поручений и аккредитивов, которые, несомненно, являются платежными документами. Платежные поручения, платежные требования, инкассовые поручения и аккредитивы (расчетные документы) используются непосредственно для осуществления безналичных расчетов, а кассовые и товарные чеки лишь удостоверяют факт осуществленного платежа и не являются основанием для проведения безналичного платежа. Таким образом, товарные и кассовые чеки нельзя ставить в один ряд с расчетными документами и относить их к предмету преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ. Такой же точки зрения придерживаются Г.А. Есаков и И.А. Клепицкий¹³.

Учитывая все вышеизложенное, во избежание спорного толкования понятия «иные платежные документы», следует заменить его термином «расчетные документы», закрытый перечень которых определен Центральным банком РФ. Это нововведение обеспечит большую согласованность уголовного законодательства об ответственности за изготовление поддельных ценных бумаг и платежных документов с законодательством других отраслей права, их терминологическую определенность, что является одним из направлений совершенствования уголовного законодательства об экономических преступлениях в целом.

¹ Керимов Д.А. Законодательная техника. М., 2000. С. 55.

² Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С. 53.

³ См.: Российская газета. 1992. 4 нояб.

⁴ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть М., 1997. С.118.

⁵ Жалинский А.Э. Преступления в сфере экономической деятельности в трактовке нового Уголовного кодекса // Журнал российского права. 1997. № 8. С. 77.

⁶ Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. Т. 1: Общая часть. М., 2004. С. 161.

⁷ См.: Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2001. С. 22.

⁸ См.: Лопашенко Н.А. Указ. соч. С. 107.

⁹ См.: Там же. С. 108.

¹⁰ URL: <http://dkvartal.ru/news/4812297> (дата обращения: 15.04.2010).

¹¹ URL: <http://www.zelenograd.ru/news/view.php3?id=3437> (дата обращения: 15.04.2010).

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2005 г. № 66-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного суда РФ от 25.01.2005 № 69-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ См.: Есаков Г.А., Рарог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2007. С. 300 (автор главы — Г.А. Есаков); Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 451.

Д.С. Павлин*

СООТНОШЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ДОКАЗЫВАНИЮ И УСТАНОВЛЕНИЮ

В учебной и монографической литературе по уголовному процессу и криминалистике широко оперируют такими понятиями, как «обстоятельства, подлежащие доказыванию», «обстоятельства, подлежащие установлению», «предмет доказывания». Между тем не всегда проводится четкая дифференциация этих понятий, имеет место их смешение.

Что касается категорий «обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу» и «предмет доказывания», то они рассматриваются как тождественные. М.А. Чельцов определял предмет доказывания как факт, подлежащий установлению¹. Данное определение весьма краткое и не согласуется с положениями формальной логики. Предмет доказывания — это совокупность фактических данных (система фактов). Даже, если автор представлял его в виде единого факта, то остается неясным, какие именно данные должны быть включены в предмет доказывания.

П.А. Лупинская обоснованно полагала, что это совокупность юридически значимых фактических обстоятельств, которые необходимо установить для разрешения уголовного дела или принятия решений по отдельным правовым вопросам².

В.П. Божьев определяет предмет доказывания как совокупность обстоятельств, которые должны быть установлены в процессе доказывания для правильного разрешения уголовного дела, включая обстоятельства, имеющие уголовно-правовое значение. В.П. Божьев не поясняет термин «обстоятельства, имеющие уголовно-правовое значение». Думается, что это обстоятельства, влияющие на решение вопросов, касающихся квалификации деяния, назначения вида и срока наказания. Автор подчеркивает, что знание предмета доказывания позволяет властным субъектам судопроизводства осуществлять доказывание целенаправленно. Предмет доказывания важен и для всех других субъектов судопроизводства, позволяя им эффективнее отстаивать свои процессуальные интересы и защищать права³.

Похожие определения предмета доказывания можно встретить в работах А.Р. Белкина⁴, Н.С. Мановой⁵, И.Б. Михайловской⁶, Е.В. Рябцевой⁷.

Уголовно-процессуальный закон описывает предмет доказывания таким образом, что каждый из пунктов ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) содержит обобщенные признаки соответствующих обстоятельств. При этом, исходя из данного в каждом пункте общего понятия, предполагается необходимость установления и признаков, непосредственно в этой норме закона не обозначенных. Такое компактное описание дает целостное представление о содержании предмета доказывания и его структуре.

* Павлин Денис Сергеевич — аспирант кафедры криминалистического обеспечения расследования преступлений ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

Исследуя предмет доказывания, авторы выделяли в предмете доказывания главный факт и иные факты, касающиеся обстоятельств уголовного дела. В настоящий момент указанный термин употребляется значительно реже.

В уголовно-процессуальной литературе понятие «главный факт» впервые было сформулировано М.С. Строговичем⁸, хотя им на тот момент в литературе уже оперировали⁹. По поводу определения содержания главного факта в литературе ведутся споры. По мнению некоторых авторов, главный факт — это состав преступления¹⁰.

На связь предмета доказывания и состава преступления обращалось внимание еще в дореволюционной литературе. Л.Е. Владимиров считал, что «quid probandum» есть вопрос того или другого уголовного случая, определяемого, так или иначе, в Кодексе. Содержание предмета доказывания в его понимании определяется нормами уголовного права, а судопроизводство — это «способ исследования, исполняющий программу, установленную уголовным законом»¹¹. Таким образом, автором не отвергается возможность включения в предмет доказывания иных обстоятельств. Позднее в литературе высказывалось мнение, согласно которому к числу обстоятельств, подлежащих доказыванию, могут быть отнесены только вопросы «в соответствии с отдельными элементами состава преступления»¹².

Вполне обосновано мнение о недопустимости ограничения содержания главного факта только рамками состава преступления, т. к. признаки различных составов преступления не определяют полностью предмет уголовно-процессуального доказывания¹³.

В литературе высказано положение, в соответствии с которым содержание главного факта существенно расширяется, т. к. в него включают все обстоятельства, содержащиеся в ст. 73 УПК РФ¹⁴.

Получила отражение и иная позиция, согласно которой главный факт — это все обстоятельства, подлежащие доказыванию, которые указаны в уголовно-процессуальном законе, т. к. они имеют уголовно-правовое значение, а обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, выходят за его рамки, т. к. данными свойствами не обладают¹⁵.

По нашему мнению, главный факт не может включать все обстоятельства, определенные в ст. 73 УПК РФ. Суть выделения главного факта состоит в том, что, если он не доказан, иные, указанные в ст. 73 УПК РФ обстоятельства, доказывать нерационально. Еще Л.Е. Владимиров отмечал, что в «quid probandum» входят вопросы о том, совершилось ли событие преступления, было ли оно деянием подсудимого и вменяем ли последний¹⁶. Таким образом, необходимо установить, прежде всего, такие обстоятельства, как событие преступления и виновность в его совершении конкретного лица (пп. 1, 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), т. к. без них все иные обстоятельства значения уже иметь не будут.

И.Б. Михайловская полагала, что в действующем уголовно-процессуальном законе главный факт выражается в четырех основных вопросах (ст. 229 УПК РФ): 1) доказано ли, что имело место деяние, в совершении

которого обвиняется подсудимый; 2) доказано ли, что это деяние совершил подсудимый; 3) является ли это деяние преступлением, и каким пунктом, частью, статьей УК РФ оно предусмотрено; 4) виновен ли подсудимый в совершении этого преступления¹⁷. С указанным суждением можно согласиться лишь при условии, что речь идет о доказанности главного факта в ходе судебного разбирательства, т. к. решаемые вопросы отнесены законодателем к постановлению приговора. На стадии же предварительного расследования определяющую роль играют: 1) наличие события преступления; 2) виновность лица в совершении преступления (форма вины и мотивы); 3) обстоятельства, опровергающие первые два пункта; 4) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния.

Доказывание события преступления раскрывает составляющие его элементы — время, место, способ и другие обстоятельства совершения противоправного деяния. Событие преступления и виновность лица тесно взаимосвязаны. Уголовный процесс начинается и продолжается, пока есть основание предполагать, что совершено преступление и существует лицо, его совершившее. Когда такое предположение не подтверждается доказательствами, уголовное дело или уголовное преследование в отношении конкретного лица прекращается.

Выделение главного факта достаточно условно в том смысле, что это никоим образом не должно сказаться на исследовании иных обстоятельств, имеющих значение для дела, субъектом доказывания. Акцентируя внимание на главном факте, можно сделать вывод, что последствия неустановления события преступления и виновности конкретного лица в совершении преступления имеют иное процессуальное значение, чем неустановление таких обстоятельств, как, например, характер и размер вреда, причиненного преступлением, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание и др. В то же время, выделяя главный факт, никоим образом нельзя умалять значение этих обстоятельств, т. к. они имеют значение для установления отдельных элементов предмета доказывания. Установление главного факта предмета доказывания идет параллельно с установлением иных обстоятельств дела.

В ходе доказывания фактов, входящих в предмет доказывания, в большинстве случаев необходимо устанавливать обстоятельства, прямо не указанные в ч. 1 ст. 73 УПК РФ, но в своей совокупности имеющие значение для вывода о наличии или отсутствии события преступления, виновности конкретного лица в его совершении, характере и степени ответственности этого лица, а также характере и размере причиненного ущерба. Такие обстоятельства в литературе получили наименование «доказательственные факты». Понятие и содержание данного термина в литературе трактуется по-разному. Одни авторы имеют в виду доказательственные факты, служащие основанием для установления главного факта¹⁸. Другие вкладывают в этот термин более широкое понятие, относя к доказательственным вообще все факты, с помощью которых возможно установить истину по делу¹⁹. Некоторыми учеными данный термин

представляется как факты, из которых познается предмет доказывания²⁰. Наконец, иногда категория «доказательственные факты» связывается с косвенными доказательствами²¹. «Доказательства, — пишет А.А. Хмыров, — содержанием которых являются сведения о промежуточных фактах, не входящих в предмет доказывания, но в силу своей объективной связи с ним дающих основание для вывода о наличии или отсутствии обстоятельств исследуемого преступления, являются косвенными»²².

Многозначность рассматриваемого термина и связанная с этим возможность терминологических недоразумений обусловила решение именовать в настоящей работе промежуточными факты, представляющие промежуточные тезисы относительно конечных выводов по уголовному делу.

Промежуточные факты — факты, с помощью которых устанавливают или опровергаются обстоятельства, подлежащие доказыванию. Их установление представляет собой необходимое звено познания событий прошлого, по поводу которого возбуждено уголовное дело. Однако многостороннее значение одних и тех же фактов реальной действительности ни в коей мере не колеблет принципиального положения о необходимости четко отграничить факты, входящие в предмет доказывания, от промежуточных. Обстоятельства, подлежащие доказыванию, остаются таковыми независимо от того, что они одновременно могут быть вспомогательным средством установления других важнейших обстоятельств. Это выражает диалектическую взаимосвязь жизненных явлений. Нельзя поэтому признать убедительной аргументацию М.С. Строговича, выступающего за отнесение промежуточных фактов к предмету доказывания, иначе, по его мнению, в качестве таковых «будут использованы факты, которые сами не доказаны с полной достоверностью»²³. Мысль о необходимости обеспечить достоверность фактического материала, используемого для обоснования выводов по уголовному делу, совершенно бесспорна. Но речь идет о необходимости при построении и обосновании системы этих выводов отличать конечные, выступающие целью доказывания, непосредственной базой для применения норм уголовного и гражданского права, от промежуточных, служащих достижению этой цели.

По нашему мнению, наиболее полно отражает сущностную и содержательную стороны определение предмета доказывания, данное А.А. Эйсманом: «Предмет доказывания — это система обстоятельств, выражающих свойства и связи исследуемого события, существенные для правильного разрешения уголовного дела и реализации в каждом конкретном случае задач судопроизводства»²⁴. Указанные обстоятельства устанавливаются путем процессуального доказывания, т. е. с помощью предусмотренных законом средств и способов. Определенность предмета доказывания обуславливает направление и границы исследования обстоятельств происшествия. Правильное установление предмета доказывания по конкретному уголовному делу — условие целенаправленной деятельности органов расследования и суда, обеспечения полноты, всесторонности, объективности исследования обстоятельств дела²⁵.

Следует отметить, что уголовно-процессуальный закон не дифференцирует предмета доказывания по какому-либо основанию. Однако на теоретическом уровне это вполне допустимо. Основываясь на положениях ст. 73 УПК РФ, можно выделить общий, специальный и индивидуальный предмет доказывания. В зависимости от характера каждое из обстоятельств, входящих в общий предмет, наполняется конкретным содержанием соответствующими положениями уголовно-процессуального, уголовного законодательства, а в случае бланкетности последнего — нормами иных законодательных или подзаконных нормативно-правовых актов. Так, предусмотренные п. 7 ст. 73 УПК РФ обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, конкретизируются ст. 24–28 УПК РФ, ст. 75–86 УК РФ.

Специальный же предмет доказывания наполняется обстоятельствами, подлежащими доказыванию не во всех, а только в отдельных, прямо предусмотренных УПК РФ случаях. К ним можно отнести обстоятельства, подлежащие доказыванию: 1) по делам о неоконченных преступлениях; 2) по делам о преступлениях, совершенных в соучастии; 3) по делам о преступлениях несовершеннолетних; 4) по делам о применении принудительных мер медицинского характера; 5) по делам, подлежащим прекращению по нереабилитирующим основаниям.

Содержание индивидуального предмета доказывания формируют факты и обстоятельства конкретного уголовного дела, имеющие значение для установления наличия или отсутствия отдельных обстоятельств, входящих в предмет доказывания, а также собирания, проверки и оценки доказательств по делу.

Принципиальное значение для разработки криминалистических методик расследования имеют обстоятельства, подлежащие установлению, т. е. совокупность обстоятельств, включая обстоятельства, подлежащие доказыванию, и иные обстоятельства, не указанные в законе, но способствующие доказыванию, требующие определения по конкретным категориям дел в зависимости от следственных ситуаций. Данная трактовка обстоятельств, подлежащих установлению, дает основание широкого понимания указанной категории. Логично, что прежде, чем доказывать то или иное обстоятельство расследуемого дела, необходимо в первую очередь установить конкретный факт. Обстоятельства, подлежащие установлению, базируются непосредственно на правовых предписаниях, т. к. содержат совокупность фактических данных, без использования которых в соответствии с требованиями УПК РФ невозможно разрешение уголовного дела.

В толковом словаре под редакцией Т.Ф. Ефремовой слово «устанавливать» понимается как «обнаруживать, выяснять, выявлять что-либо». Напротив, слово «доказывать» истолковывается как «подтверждать, обосновывать что-либо фактами, доводами»²⁶.

В.В. Степанов под обстоятельствами, подлежащими установлению, понимает «аккумулированные криминалистикой на основе материально-

го и уголовно-процессуального права фактические данные по отдельным группам уголовных дел, без которых при расследовании и судебном рассмотрении конкретных уголовных дел не могут быть реализованы задачи уголовного судопроизводства»²⁷.

Механизм научного формирования обстоятельств, подлежащих установлению, представляет собой многоступенчатую систему, включающую как анализ, так и синтез, стадии интеграции и дифференциации. Первую ступень использования в криминалистике материального права представляет анализ. Он включает познание положений общей и особенной частей материального права. Их синтез формирует уголовно-правовой блок обстоятельств. Реализация материального права осуществляется через призму уголовно-процессуальных положений. Интеграция уголовно-правовых и уголовно-процессуальных данных завершает создание обстоятельств, подлежащих установлению по группе преступлений.

Не все обстоятельства, устанавливаемые по уголовному делу с помощью доказательств, входят в предмет доказывания. При доказывании возникает необходимость установить ряд таких вспомогательных фактов, которые не включаются в обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, и служат лишь средством для установления обстоятельств, составляющих предмет доказывания по делу²⁸.

Таким образом, полагаем, что отличия предмета доказывания от обстоятельств, подлежащих установлению, состоят в следующем:

1. Степень научного обобщения обстоятельств, подлежащих установлению гораздо выше предмета доказывания.
2. Объем обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, зависит от конкретной следственной ситуации, в то время как предмет доказывания опирается только на предписания материального и процессуального законов.
3. Обстоятельства, подлежащие установлению, служат средством для установления обстоятельств, составляющих предмет доказывания по делу.
4. Предмет доказывания определен уголовно-процессуальным законом и не подлежит изменению (за исключением внесения соответствующих изменений законодателем). Обстоятельства же, подлежащие установлению, подвержены изменениям на различных стадиях расследования.
5. Объем понятия «обстоятельства, подлежащие установлению» шире понятия «обстоятельства, подлежащие доказыванию».

¹ См.: Чельцов М.А. Уголовный процесс: учебник. М., 1948. С. 137.

² См.: Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. 2-е изд., перераб и доп. М., 2009. С. 290.

³ См.: Божьев В.П. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.П. Божьева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 120–121.

⁴ См.: Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2007. С. 38.

⁵ См.: Манова Н.С., Францифоров Ю.В. Уголовный процесс: учебник для высших и средних учебных заведений. М., 2010. С. 89.

⁶ См.: Михайловская И.Б. Понятие предмета доказывания по уголовному делу // Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая / под ред. Н.В. Жогина. М., 1966. С. 185.

⁷ См.: Рябцева Е.В. Уголовный процесс: учебник. М., 2009. С. 138.

⁸ См.: Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / отв. ред. Б.С. Никифоров. М., 1955. С. 281–282.

- ⁹ См.: Владимирова Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 180.
- ¹⁰ См.: Лупинская П.А. Доказательства в советском уголовном процессе: лекции для студентов ВЮЗИ. М., 1955. С. 6; Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 83.
- ¹¹ Владимирова Л.Е. Указ. соч. С. 180.
- ¹² Васильев А.Н., Мудьюгин Г.Н., Якубович Н.А. Планирование расследования преступлений / под ред. А. С. Голунского. М., 1957. С. 21.
- ¹³ См.: Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М., 1964. С. 31.
- ¹⁴ См.: Эйсман А.А. Обстоятельства, подлежащие доказыванию // Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973. С. 185; Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. М., 2007. С. 173; Арсеньев В. Д. Указ. соч. С. 21–22 и др.
- ¹⁵ См.: Арсеньев В.Д. Указ. соч. С. 20.
- ¹⁶ См.: Владимирова Л.Е. Указ. соч. С. 181.
- ¹⁷ См.: Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2008. С. 78.
- ¹⁸ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса, М., 1958. С. 196.
- ¹⁹ См.: Шаламов М.П. Теория улик. М., 1960. С. 9.
- ²⁰ См.: Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 138.
- ²¹ См.: Винберг А.И., Миньковский Г.М., Рахунов Р.Д. Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1956. С. 8.
- ²² Хмыров А.А. Косвенные доказательства. М., 1979. С. 13.
- ²³ Строгович М.С. Указ. соч. С. 367.
- ²⁴ Эйсман А.А. Понятие предмета доказывания // Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1973. С. 139.
- ²⁵ См.: Там же.
- ²⁶ URL: <http://www.folkslovar.ru/u2994.html> (дата обращения: 02.04.2011).
- ²⁷ Степанов В.В. Предмет доказывания как элемент методики расследования // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2002. С. 114.
- ²⁸ См.: Эйсман А.А. Указ. соч. С. 140–141.

Н.И. Насиров*

СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО ПОЛЕЗНЫХ СВЯЗЕЙ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ С ВНЕШНИМ МИРОМ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ИХ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

Одной из целей наказания по действующему Уголовному кодексу РФ (далее — УК РФ) является исправление осужденных (ч. 2 ст. 43). В соответствии с ч. 1 ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее — УИК РФ) исправление осужденных — это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения.

Заметим, что в юридической литературе наряду с термином «исправление» употребляется термин «ресоциализация» осужденных к лишению свободы. М.Д. Шаргородский писал: «Если социализация индивида прошла негативно, то требуется ресоциализация такой личности ... Государство в подобном случае вынуждено привлечь и к уголовной ответственности, а при необходимости применить меры уголовного наказания. С этого

* Насиров Немэт Интигам оглы — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

момента и начинается для осужденного процесс его ресоциализации, исправления (в широком смысле этого слова)»¹.

Н.А. Стручков полагал, что ресоциализацию можно рассматривать как процесс, состоящий из двух этапов — пенитенциарного (во время отбывания наказания) и постпенитенциарного (после освобождения от наказания). Элементами ресоциализации обладает и профилактическое воздействие, оказываемое на лиц с отклоняющимся поведением с целью воспрепятствовать совершению преступления².

Ресоциализация осужденных, пишет М.С. Рыбак, предполагает многоплановую и многоаспектную организаторскую и воспитательную деятельность в процессе исполнения наказания со стороны исправительных учреждений, направленную на обеспечение реализации целей наказания, социализацию десоциализированной личности осужденного, восстановление утраченных им социальных контактов, подготовку его к жизни на свободе. Ресоциализация осужденного — это целенаправленный процесс перерождения преступника в законопослушного человека (гражданина)³.

В литературе высказано предложение о закреплении термина «ресоциализация» в уголовном и уголовно-исполнительном законодательствах России⁴. Следует также отметить, что в пенитенциарном законодательстве ряда зарубежных стран в настоящее время в качестве одной из целей деятельности по исполнению уголовного наказания указывается ресоциализация осужденных. Так, согласно ч. 1 ст. 7 УИК Республики Украина «государство уважает и охраняет права, свободы и законные интересы осужденных, обеспечивает необходимые условия для их исправления и ресоциализации ...»⁵.

С учетом вышеизложенных позиций, а также опираясь на законодательство зарубежных стран, полагаем целесообразным узаконить термин «ресоциализация» в УИК РФ.

Среди уголовно-правовых средств борьбы с преступностью уголовное наказание в виде лишения свободы занимает ведущее место в системе наказаний⁶. Это достаточно распространенное в уголовном законе и в практике применения судами наказание⁷, обладающее наибольшим числом правоограничений для осужденного, следовательно, повышенной по отношению к другим видам наказания репрессивностью⁸.

Характерной чертой лишения свободы как меры уголовного наказания является изоляция индивида от свободного общества путем направления его в тот или иной вид исправительного учреждения (далее — ИУ). В зависимости от возраста, пола, тяжести совершенного преступления, а также с учетом того, отбывало ли ранее данное лицо уголовное наказание в виде лишения свободы или осуждено к данному уголовному наказанию впервые, оно направляется в колонию-поселение или помещается в лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму. Несовершеннолетние, не достигшие 18-летнего возраста к моменту вынесения приговора, помещаются в воспитательные колонии.

Исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы в том или ином ИУ предполагает установление нормами уголовно-исполнительного

законодательства России определенного режима. Режим выражает сущность и содержание наказания, поскольку в нем осуществляется кара, т.е. совокупность применяемых к осужденным мер принуждения и правоограничений⁹. Карательная функция режима реализуется путем установления различных правоограничений осужденным в процессе отбывания наказания. Они охватывают, прежде всего, сферу их субъективных прав, свобод и законных интересов, определяемую изоляцией от общества. Это в первую очередь касается социальных связей осужденных¹⁰.

Как показывает практика, ослабление социальных связей, несомненно, способствует распаду семей осужденных (по данным специальной переписи, распадается каждая вторая семья осужденной женщины и каждая третья семья осужденного мужчины)¹¹. Именно по этим соображениям необходимо не только сохранять социально полезные связи осужденного с внешним миром, но и следует их расширять и развивать. Как отмечает О.Е. Ноянова, «... даже находясь в условиях лишения свободы, индивид должен иметь возможность поддерживать связь с обществом, чтобы после освобождения вернуться в общество и быть его полноценным и правопослушным гражданином»¹².

По мнению М.С. Рыбака, в пенитенциарной системе надлежит предусматривать такой режим и условия жизнедеятельности осужденных, которые способствовали бы их ресоциализации, а не отчуждению от общественных институтов. Разрешение данной проблемы, пишет автор, возможно посредством расширения связей осужденных с внешним миром¹³.

Необходимо отметить, что социально полезные связи осужденных к лишению свободы с внешним миром в действующем уголовно-исполнительном законодательстве России реализуется в различных формах:

свидания с родственниками, с адвокатом для получения юридической помощи (ст. 89 УИК РФ);

встречи со священнослужителями (ч. 4 ст. 14 УИК РФ);

переписки (ст. 91 УИК РФ);

выезды за пределы исправительных учреждений (ст. 97 УИК РФ);

получение посылок, передач и бандеролей (ст. 90 УИК РФ) и т. д.

Остановимся на некоторых из них более подробно.

Хотя лишение свободы как уголовное наказание предполагает полную изоляцию индивида от общества, при наличии установленных законом оснований и условий предусмотрена возможность осужденным к лишению свободы выезжать за пределы исправительного учреждения.

В соответствии со ст. 97 УИК РФ выезды за пределы исправительных учреждений предоставляются только осужденным, содержащимся в исправительных колониях, в воспитательных колониях, оставленным в установленном порядке в следственных изоляторах и тюрьмах для ведения работ по хозяйственному обслуживанию. Такого права не имеют следующие категории осужденных:

при особо опасном рецидиве преступлений, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы;

приговоренные к пожизненному лишению свободы;
больные открытой формой туберкулеза;
не прошедшие полного курса лечения венерического заболевания, алкоголизма, токсикомании, наркомании;
ВИЧ-инфицированные.

В соответствии с ч. 1 ст. 97 УИК РФ осужденным к лишению свободы предоставляются следующие виды выездов за пределы исправительных учреждений:

1) краткосрочные продолжительностью до 7 суток, не считая времени, необходимого для проезда туда и обратно, в связи с исключительными личными обстоятельствами (смерть или тяжелая болезнь близкого родственника, угрожающая жизни больного; стихийное бедствие, причинившее значительный материальный ущерб осужденному или его семье), а также для предварительного решения вопросов трудового и бытового устройства осужденного после освобождения;

2) длительные на время ежегодного оплачиваемого отпуска, а осужденным, указанным в ч. 2 ст. 103 УИК РФ, или осужденным, не обеспеченным работой по не зависящим от них причинам, на срок, равный времени ежегодного оплачиваемого отпуска.

Осужденным женщинам, имеющим детей в домах ребенка исправительных колоний, может быть разрешен краткосрочный выезд за пределы исправительных учреждений для устройства детей у родственников либо в детском доме на срок до 15 суток, не считая времени, необходимого для проезда туда и обратно, а осужденным женщинам, имеющим несовершеннолетних детей-инвалидов вне исправительной колонии, один краткосрочный выезд в год для свидания с ними на тот же срок (ч. 2 ст. 97 УИК РФ).

Таким образом, данный институт позволяет смягчать изоляцию от общества, сохранять и развивать социально полезные связи осужденных с внешним миром (обществом).

Как уже отмечалось, осужденным женщинам, имеющим детей в домах ребенка исправительных колоний, может быть разрешен краткосрочный выезд за пределы исправительных учреждений для устройства детей у родственников либо в детском доме на срок до 15 суток, не считая времени, необходимого для проезда туда и обратно, а осужденным женщинам, имеющим несовершеннолетних детей-инвалидов вне исправительной колонии, в год может быть разрешен один краткосрочный выезд за пределы исправительных учреждений для свидания с ними на тот же срок.

Данный институт включает в себя общепризнанные принципы и нормы международного права. В международных правовых актах, являющихся частью российской правовой системы, проблеме детства уделено серьезное внимание. В ч. 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка подчеркнута, что во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодатель-

ными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка¹⁴. В п. 1 ст. 9 Конвенции подчеркнута, что ребенок не может быть разлучен со своими родителями, «за исключением случаев, когда компетентные органы, согласно судебному решению, определяют ... что такое разлучение необходимо в наилучших интересах ребенка».

Несмотря на это, следует констатировать, что ч. 2 ст. 97 УИК РФ в том виде, в котором она представлена в уголовно-исполнительном законодательстве России, требует научного осмысления, а также разработки рекомендаций по ее совершенствованию. Этим, видимо, объясняется то, что в российских условиях краткосрочный выезд за пределы исправительных учреждений для встречи с несовершеннолетними детьми-инвалидами, находящимися вне исправительной колонии, возможен только по отношению к осужденным женщинам. В этой связи возникает вопрос: как быть с одинокими осужденными мужчинами, имеющими на иждивении несовершеннолетних детей-инвалидов вне исправительной колонии? Не ущемляется ли в данном случае право одним родителем за счет предоставления привилегий другому?

Следует отметить, что согласно п. 2 ст. 38 Конституции РФ, «забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей». Равенство прав и обязанностей родителей, провозглашенное Основным Законом России, обеспечивается Семейным кодексом РФ¹⁵, в соответствии с ч. 1 ст. 61 которого «родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (родительские права)». Конвенция о правах ребенка также гласит: «Государства-участники предпринимают все возможные усилия к тому, чтобы обеспечить признание принципа общей и одинаковой ответственности обоих родителей за воспитание и развитие ребенка» (ч. 1 ст. 18).

Как видим, за счет предоставления краткосрочных выездов за пределы исправительных учреждений для встречи с несовершеннолетними детьми-инвалидами, находящимися вне исправительной колонии, осужденным женщинам, права на воспитание ребенка одинокими осужденными мужчинами, имеющими на иждивении несовершеннолетних детей-инвалидов вне исправительной колонии, ущемляются, в то время, как уже отмечалось, воспитание и забота о детях — равное право и обязанность родителей. Их равноправие обеспечивается международно-правовыми, конституционно-правовыми и семейно-правовыми нормами.

Представляется целесообразным расширить сферу применения краткосрочных выездов за пределы исправительных учреждений для встречи с несовершеннолетними детьми-инвалидами находящимися вне исправительной колонии, осужденным женщинам, распространив ее на осужденных одиноких мужчин, имеющих на иждивении несовершеннолетних детей-инвалидов вне исправительной колонии. Расширив сферу применения краткосрочных выездов за пределы исправительных учреждений для встречи с несовершеннолетними детьми-инвалидами, находящимися вне исправительной колонии, относительно осужденных одиноких мужчин, имеющих на иждивении несовершеннолетних детей-инвалидов вне испра-

вительной колонии, во-первых, можно сохранить и укрепить родственные отношения между отцом и ребенком; во-вторых, реализовать принцип равноправия родителей, провозглашенный Конституцией РФ.

Уголовно-исполнительным законодательством России предусмотрено несколько видов свиданий осужденных с родственниками: 1) краткосрочные — продолжительностью 4 ч; 2) длительные — продолжительностью 3 суток на территории ИУ; 3) длительные — продолжительностью 5 суток с проживанием вне территории ИУ.

Краткосрочные свидания предоставляются осужденным с родственниками или иными лицами в присутствии представителей администрации исправительного учреждения.

Длительные свидания с правом совместного проживания (на территории исправительного учреждения) предоставляются осужденным с супругой (супругом), родителями, детьми, усыновителями, усыновленными, родными братьями и сестрами, дедушками и бабушками, а в исключительных случаях — с разрешения начальника исправительного учреждения — с иными лицами. Для проведения длительных свиданий с правом совместного проживания в исправительных учреждениях имеются специально оборудованные на охраняемой территории помещения.

Длительное свидание за пределами исправительного учреждения предоставляется осужденным с родителями, усыновителями, родными братьями и сестрами, дедушками и бабушками с правом совместного проживания в специальном, принадлежащем учреждению помещении, расположенном за пределами охраняемой территории, либо с вышеназванными родственниками по месту их жительства. Последнее возможно, если, во-первых, родственники проживают в месте дислокации исправительного учреждения; во-вторых, если есть твердая убежденность в том, что иные, помимо родителей, родственники смогут обеспечить законопослушное поведение осужденного на таком свидании.

Свидания с родственниками, предоставляемые осужденным, направлены на сохранение и развитие семейных, родственных и иных социально полезных связей осужденных во время отбывания ими наказания в виде лишения свободы. Свидания осужденных с супругами, родителями, детьми способны разнообразить, оживить их жизнь, придать ей смысл¹⁶.

Сохранение семейных отношений для осужденного к лишению свободы — важный стимулирующий фактор, содействующий его стремлению к исправлению. Как отмечается в юридической литературе, «семья имеет важное значение в жизни любого человека. Особенно велика ее роль для осужденного»¹⁷.

Сохранение семейных отношений для осужденного — важный стимулирующий фактор, содействующий его стремлению к исправлению. Многие осужденные стараются сохранить брачные отношения или заключить брак в период пребывания в исправительном учреждении¹⁸.

Заметим, что осужденным, содержащимся в местах лишения свободы, разрешена регистрация брака как с лицами, находящимися на свободе, так

и с осужденными, содержащимися в исправительных колониях. Согласно ч. 7 ст. 27 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (по состоянию на 28 июля 2010 г. № 241-ФЗ), «государственная регистрация заключения брака с лицом ... отбывающим наказание в местах лишения свободы, производится в помещении, определенном начальником соответствующего учреждения по согласованию с руководителем органа записи актов гражданского состояния»¹⁹.

Регистрация брака осужденных осуществляется администрацией исправительного учреждения, которая, во-первых, в ряде случаев юридически оформляет существовавшие добрачные отношения и предоставляет осужденному супругу определенные права, например, право на совместное проживание в колонии-поселении на арендованной или собственной жилой площади на территории колонии или за ее пределами, на длительные свидания и т.п.²⁰

Однако предоставляемые длительные свидания в связи с регистрацией брака входят в число свиданий, положенных осужденному в зависимости от условий содержания в конкретной колонии. В этой связи возникает вопрос: как быть в случае, если перед заключением брака осужденный использовал право на длительное свидание с родственниками? Из содержания ст. 89 УИК РФ вытекает, что если перед заключением брака осужденный использовал право на длительное свидание с родственниками, то длительное свидание с женой ему не положено.

Необходимо заметить, что по пенитенциарному законодательству ряда зарубежных стран такие свидания не входят в счет положенных и предоставляемых в порядке поощрения. Например, согласно ч. 5 ст. 83 УИК Республики Беларусь²¹ осужденным, отбывающим лишение свободы в исправительных и воспитательных колониях, а также оставленным в следственных изоляторах и тюрьмах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, при заключении брака в период отбывания наказания предоставляется длительное свидание продолжительностью до 3 суток, которое не входит в счет положенных и предоставляемых в порядке поощрения свиданий.

Правовое регулирование предоставления дополнительных свиданий осужденным при регистрации брака по уголовно-исполнительному законодательству Республики Беларусь может быть воспринято и уголовно-исполнительным законодательством России с соответствующей корректировкой.

Выводы о целесообразности предоставления осужденным к лишению свободы длительного свидания сроком до 3 суток при заключении брака подтверждены результатами анкетирования сотрудников исправительных учреждений. Из 50 опрошенных респондентов на поставленный вопрос: «Следует ли в УИК РФ включить норму, предусматривающую предоставление осужденным к лишению свободы длительное свидание сроком до 3 суток при заключении брака?» 31 респондент, или 62 %, дали положительный ответ, 18, или 36 %, ответили отрицательно и 1, или 2 %, воздержался²².

Вполне вероятно, что такой гуманный шаг государства по отношению к лицам, находящимся в местах лишения свободы, даст им шанс сохранить

социальные связи и создать семью. Кроме того, представляется возможным добиться положительных результатов в деле ресоциализации осужденных к лишению свободы, поскольку «семья имеет важное значение в жизни любого человека. Особенно велика ее роль для осужденного»²³.

Можно предположить, что некоторые предложенные нами меры будут способствовать совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства России в области сохранения и развития социально полезных связей осужденных к лишению свободы с внешним миром.

¹ Шаргородский М.Д. Система наказаний и их эффективность // Советское государство и право. 1968. № 11. С. 57.

² См.: Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Общей части. М., 1984. С. 161.

³ См.: Рыбак М.С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2001. С. 18.

⁴ См.: Рыбак М.С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики. Саратов, 2001. С. 153.

⁵ Уголовно-исполнительный кодекс Республики Украины от 11 июля 2003 г. (с изм. и доп. по состоянию на 4 ноября 2010 г.). URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T031129.html (дата обращения: 18.03.2011).

⁶ См.: Ялунин В.У. Реформа уголовно-исполнительной системы современной России: проблемы, тенденции, перспективы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 106.

⁷ См.: Маликов Б.З. Лишение свободы в политике наказания и законодательстве России. Самара, 2003. С. 53; Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие. Самара, 2003. С. 239.

⁸ См.: Уголовное право. Общая часть / под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 1996. С. 382.

⁹ См.: Шмаров И.В. Уголовно-исполнительное право: учебник. М., 1998. С. 305.

¹⁰ См.: Уголовно-исполнительное право: учебник / под ред. В.И. Селиверстова. М., 2003. С. 181.

¹¹ См.: Михлин А.С. Гуманизация уголовно-исполнительного законодательства в свете Конституции Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2005. № 5. С. 4.

¹² Ноянова О.Е. Международные стандарты общения осужденных к лишению свободы с внешним миром и их реализация в российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 12.

¹³ См.: Рыбак М.С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики. Саратов, 2001. С. 147.

¹⁴ См.: Конвенция о правах ребенка: принята 20 ноября 1989 г. Резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН, вступила в силу 2 сентября 1990 г., ратифицирована постановлением ВС СССР от 13 июня 1990 г. № 1559-1 // Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. М., 1990. С. 388–409.

¹⁵ См.: Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию на 23 декабря 2010 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 16; 2010. № 52, ч. 1, ст. 7001.

¹⁶ См.: Миняева Т. Правовое регулирование семейных отношений осужденных, отбывающих лишение свободы // Российская юстиция. 2003. № 7. С. 63.

¹⁷ См.: Шмаров И.В. Указ. соч. С. 99.

¹⁸ См.: Добрынина М.Л. Правовой статус осужденных к лишению свободы // Российский следователь. 2006. № 11. С. 34.

¹⁹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 47, ст. 5340; 2010. № 31, ст. 4210.

²⁰ См.: Миняева Т. Указ. соч. С. 63.

²¹ См.: Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь (с изм. и доп. по состоянию на 5 мая 2010 г.). URL: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?regnom=1952&page=1 (дата обращения: 05.02.2011).

²² См.: Насиров Н.И. Сроки в уголовно-исполнительном законодательстве России и их правовое регулирование в процессе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 23.

²³ Шмаров И.В. Указ. соч. С. 99.

Е.В. Вавилин*

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В СТРАХОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Споры в страховых правоотношениях, как правило, связаны с попытками страховщиков оспорить размер страховой выплаты. Являясь профессиональным участником страхового рынка, недобросовестный страхователь изыскивает пути, чтобы избежать страхового возмещения либо уменьшить его размер после наступления страхового случая. Мотивы таких действий объяснимы. Вместе с тем необходимо, исходя из материалов практики, обозначить ряд наиболее распространенных правовых проблем, возникающих на пути осуществления страхователем своего права на возмещение убытков при наступлении страхового случая.

Размер страховой выплаты зависит от вида страхования и размера страховой суммы. Страховая сумма является существенным условием договора страхования. Статья 947 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) дифференцирует размер страховой суммы в зависимости от вида страхования. По договору имущественного страхования страховая сумма представляет собой денежную сумму, в пределах которой страховщик обязуется выплатить страховое возмещение. В данном случае ее размер определяет предел ответственности по договору страхования. Следовательно, страховое возмещение может быть меньше страховой суммы. По договору личного страхования страховая сумма представляет собой сумму, которую страховщик обязан выплатить при наступлении страхового случая.

Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4051-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (с изм. от 29 ноября 2010 г.)¹ следующим образом конкретизирует понятия «страховая сумма» и «страховая выплата»:

1) страховая сумма — денежная сумма, которая установлена федеральным законом и (или) определена договором страхования, и исходя из кото-

---

* Вавилин Евгений Валерьевич — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

рой устанавливаются размер страховой премии (страховых взносов) и размер страховой выплаты при наступлении страхового случая (п. 1 ст. 10);

2) страховая выплата — денежная сумма, установленная федеральным законом и (или) договором страхования и выплачиваемая страховщиком страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю при наступлении страхового случая (п. 3 ст. 10). Закон использует в качестве синонимов термины «страховая выплата» и «страховое возмещение», подчеркивая возместительный характер этой выплаты.

По общему правилу страховая сумма определяется соглашением сторон в соответствии с правилами ст. 947 ГК РФ. Договором страхования может быть установлена сумма ниже страховой стоимости, т. е. возможно неполное имущественное страхование, регулируемое нормами ст. 947, 949, 951 ГК РФ. В подобной ситуации осуществляется частичное возмещение убытков застрахованному лицу. Риск оставшейся суммы имущественного ущерба лежит на страхователе, а порядок расчета страхового возмещения зависит от того, какая система возмещения заложена договором страхования: система пропорционального обеспечения, система первого риска или система предельного обеспечения.

От неполного страхования следует отличать случаи неполной утраты имущества. Отметим, что при полном страховании, даже если имущество утрачено частично, размер страховой выплаты должен быть равен размеру реальных убытков. Иными словами, при отсутствии указания в договоре на неполное страхование имущества страховое возмещение должно выплачиваться в размере страховой суммы при полной утрате имущества, либо полного возмещения убытков в застрахованном имуществе, возникших в результате наступления страхового случая.

Показательно в этом отношении определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 27 апреля 2010 г. № ВАС-4557/10. Его суть заключается в следующем. Коллегия судей Высшего Арбитражного Суда РФ рассмотрела заявление ОАО «Военно-страховая компания» о пересмотре в порядке надзора постановления Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда и постановления Федерального арбитражного суда по делу № А20-1681/2009 Арбитражного суда Кабардино-Балкарской Республики по иску ЗАО «Игорь-333» к ОАО «Военно-страховая компания» в лице Кабардино-Балкарского филиала о взыскании 6 928 9000 руб. страхового возмещения.

Между ЗАО «Игорь-333» и ОАО «Военно-страховая компания» был заключен договор страхования имущества, объектом страхования по которому явились товары в обороте на сумму 27328900 руб. Застрахованное имущество в период действия договора было похищено. Сумма ущерба составила 25807703 руб. Страховщик в добровольном порядке выплатил страховое возмещение в размере 9971984 руб. Решением Арбитражного суда Кабардино-Балкарской Республики с ОАО «Военно-страховая компания» в пользу ЗАО «Игорь-333» взыскано 712765 руб. страхового возмещения. На момент рассмотрения спора разница между выплаченным стра-

ховым возмещением и размером ущерба, причиненным хищением застрахованного имущества составила 6928900 руб. Суд первой инстанции, руководствуясь положениями ст. 309, 310, 929, 930 и 963 ГК РФ, пришел к выводу об обоснованности предъявленного требования и удовлетворил иск.

Шестнадцатый арбитражный апелляционный суд постановлением от 10 декабря 2010 г., отменив решение суда первой инстанции вследствие допущенных им нарушений норм процессуального права удовлетворил исковое требование ЗАО «Игорь-333» в заявленном размере. Федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа постановлением от 26 февраля 2010 г. оставил постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда без изменения. Заявитель (ОАО «Военно-страховая компания») просит о пересмотре указанных судебных актов, ссылаясь на неверное толкование судами условий договора страхования в части определения страховой суммы и неверное применение положений ст. 431, 434, 452, 940 и 942 ГК РФ. Также заявитель полагает, что суды при рассмотрении спора необоснованно не применили подлежащее применению положение ст. 949 ГК РФ и неправильно применили ст. 430 Кодекса, что привело к неверному расчету страхового возмещения.

Высший Арбитражный Суд РФ справедливо отказал в передаче в Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ дела № А20-1681/2009 для пересмотра в порядке надзора, ссылаясь на то, что довод заявителя о неверной оценке судами условия договора страхования в части определения размера страховой суммы неоснователен, поскольку для установления действительной воли сторон суды в соответствии с положениями ст. 432, 940 и 942 ГК РФ принимали во внимание не только содержание страхового полиса, но также заявления на страхование, установившего страховую сумму в размере 27328900 руб. Наличие неполного имущественного страхования по спорному договору страхования судами при оценке обстоятельств спора не установлено, а потому довод заявителя о неприменении судами положений ст. 949 ГК РФ не обоснован.

Поскольку размер страховой выплаты императивно ограничен величиной страховой стоимости имущества, последняя имеет безусловное значение. Страховая стоимость имущества определяется, исходя из его действительной стоимости в месте его нахождения в день заключения договора страхования. Иными словами, учитывается среднерыночная стоимость данного имущества. ГК РФ предоставляет страховщику право определять страховую стоимость имущества путем осмотра или экспертизы (п. 1 ст. 945). По смыслу ст. 945 ГК РФ указанные действия могут не производиться, а страховая стоимость имущества может определяться соглашением сторон. Основанием для определения действительной стоимости также могут служить предоставленные страхователем документы, содержащие сведения о стоимости имущества (чеки, накладные, счета-фактуры и т.д.).

Цена имущества с течением времени может в значительной мере варьироваться, поэтому при заключении договора страхования целесообразно учитывать реальную рыночную стоимость имущества на момент заклю-

чения договора. Рыночная стоимость имущества может определяться способами, установленными ст. 40 Налогового кодекса РФ от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2010 г.)².

Между тем споры относительно страховой стоимости имущества после наступления страхового случая — наиболее распространенная категория дел.

Ссылаясь на умышленное введение в заблуждение страхователем относительно действительной стоимости страхуемого имущества в целях снижения размера страховой премии, страховщики зачастую стремятся уменьшить размер страховой выплаты. Можно констатировать, что ситуация в данном случае выглядит довольно благополучно, поскольку суды заняли единодушную позицию о неправомерности подобных действий страховщика, основываясь на положениях ст. 948 ГК РФ. Страховая стоимость в судебном порядке может быть оспорена после заключения договора только в случае, когда страховщик не воспользовался своим правом на оценку страхового риска (п. 1 ст. 945 ГК РФ), и если установлен факт обмана со стороны страхователя относительно этой стоимости.

Ситуации, когда страхователь оспаривает страховую стоимость имущества в сторону повышения, встречаются гораздо реже и связаны с неполным страхованием имущества. В данном случае имеет место недобросовестное исполнение страховщиком своей обязанности возместить часть понесенных страхователем убытков, поскольку при неполном страховании применяется система пропорционального возмещения, предполагающая при наступлении страхового случая возмещение ущерба в размере, пропорциональном отношению страховой суммы к страховой стоимости (ст. 949 ГК РФ). Таким образом, если повышается страховая стоимость имущества, соответственно уменьшается сумма страхового возмещения. В качестве примера можно привести решение Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате РФ от 30 октября 2001 г. по делу № 12/2001³. Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота обратилась в Морскую арбитражную комиссию при Торгово-промышленной палате РФ с требованием о выплате страхового возмещения по договору страхования судна в установленном размере. Страховщик после наступления страхового случая настаивал на уменьшении размера страхового возмещения по договору страхования судна, ссылаясь на то, что до заключения договора страхователь был обязан установить реальную (рыночную) стоимость судна, для чего необходимо было привлечь профессионального эксперта. Страхователь данных действий не совершил, в связи с чем страховщик заявил, что страхователь намеренно сообщил ему заведомо ложные сведения в части реальной стоимости судна с целью снизить размер страховой премии. Истец заявил, что, являясь государственной организацией, он добросовестно указал страховую стоимость судна, равную его балансовой стоимости. Рыночную стоимость судна он не знал и не мог знать. Несоответствие балансовой стоимости судна

рыночной должно было быть известно, по мнению истца, страховщику, а следовательно, страхователь был избавлен от обязанности сообщать страховщику данную информацию. Поскольку страховщик при заключении договора не воспользовался своим правом на производство осмотра и оценки страхуемого судна, то, по мнению истца, в соответствии с п. 1 ст. 947 ГК РФ он утратил право на оспаривание страховой стоимости и обязан выплатить страховое возмещение в пределах установленной страховой стоимости судна.

Арбитры признали, что судно, находящееся в оперативном управлении государственного образовательного учреждения, оценивалось по его балансовой стоимости. На момент заключения договора страхования истцу была известна лишь его балансовая стоимость, которую он и мог сообщить страховщику. Подписав договор страхования, страховщик подтвердил достаточность сообщенных ему страхователем сведений о страховой стоимости судна. Ответчик довольствовался этими сведениями, страхуя судно на протяжении нескольких лет. Обладая правом на оценку страхового риска, страховщик ни разу им не воспользовался. Поэтому арбитры сочли, что страховщик был не в праве впоследствии, при наступлении страхового случая, ссылаться на предоставление ему неверных сведений о стоимости объекта страхования как на основание для отказа в выплате страхового возмещения. Арбитры установили, что страховщик в данном случае не вправе уменьшить размер страховой выплаты.

Минимальные размеры страхового возмещения могут быть ограничены путем использования франшизы, т. е. размера убытка, в пределах которого, согласно договору, страховщик освобождается от страховой выплаты.

Существует два вида франшизы — условная (невывчитаемая) и безусловная (вывчитаемая). В первом случае страховщик полностью освобождается от возмещения ущерба, который не превышает размера франшизы, но возмещает весь ущерб, превысивший размер франшизы. При безусловной франшизе не рассматриваются убытки, меньше ее размера, но при превышении размера убытков франшизы страховая выплата производится в размере ущерба, уменьшенном на сумму франшизы. Данный институт имеет целью избавить страховщика от расчетов по незначительным выплатам и побудить страхователя проявить должную заботу об имуществе, а также предпринимать все необходимые меры для его сохранности. Страхователю следует осмотрительно подходить к условиям договора, которые устанавливают размер безусловной франшизы от страховой стоимости всего имущества, поскольку убытки, причиненные наступлением страхового случая, не превышающие размер безусловной франшизы, не возмещаются. В этом смысле недобросовестный страховщик имеет законную возможность, получив страховую премию, избежать страховых выплат.

Так, обращает на себя внимание постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 22 апреля 2010 г. по делу № А06-2638/2009. Индивидуальный предприниматель Р. подал в Федеральный

арбитражный суд Поволжского округа исковое заявление к ЗАО «Страховая Группа «УралСиб»» о взыскании страхового возмещения в сумме 310113 руб. Р. обратился в Арбитражный суд Астраханской области с иском к ЗАО «Страховая Группа «УралСиб»» о взыскании страхового возмещения в сумме 310113 руб., мотивируя свое требование неисполнением страховой компанией обязательств по возмещению убытков при наступлении страхового случая, что подтверждено актами о гибели животных. Решением Арбитражного суда Астраханской области в иске отказано. Постановлением Двенадцатого арбитражного апелляционного суда решение суда оставлено без изменения.

Судебные инстанции исходили из того, что между сторонами был заключен договор добровольного страхования животных, по условиям которого сумма страхового возмещения уменьшается на величину безусловной франшизы, установленной в процентном соотношении от страховой суммы. С учетом того, что сумма ущерба страхователя полностью покрывается франшизой, требования предпринимателя удовлетворению не подлежат.

Заявитель указал, что при определении размера безусловной франшизы судебные инстанции неверно истолковали условия договора, а также не применены и положения ст. 949 ГК РФ, предусматривающие обязанность страховщика возмещать страхователю часть понесенных убытков в тех случаях, когда страховая сумма установлена ниже страховой стоимости. Кроме того, в договоре не предусмотрено, что безусловная франшиза при каждом страховом случае должна исчисляться от всей страховой стоимости.

Согласно договору добровольного страхования животных, заключенному между ЗАО «СГ «УралСиб»» и индивидуальным предпринимателем Р., страховщик обязался за обусловленную плату при наступлении страхового случая выплатить страховое возмещение в пределах страховой суммы. Страховая сумма составила 2 622 301 руб., общая стоимость застрахованного поголовья животных — 5 401 550 руб. (разд. 4 договора страхования). Размер безусловной франшизы, исчисляемый от страховой суммы застрахованного поголовья крупного рогатого скота, установлен в размере 5% от страховой суммы поголовья животных (крупного рогатого скота), для мелкого рогатого скота — 4% от страховой суммы поголовья мелкого рогатого скота. В период действия договора произошли страховые случаи, а именно — гибель некоторых животных. По каждому страховому случаю ЗАО «СГ «УралСиб»» отказано в страховом возмещении, поскольку сумма безусловной франшизы превышает сумму страхового возмещения, предъявленного страхователем.

Федеральный арбитражный суд Поволжского округа оставил решения судов предыдущих инстанций без изменения, установив, что сумма страхового возмещения, рассчитываемая с учетом неполного имущественного страхования, уменьшается на величину безусловной франшизы. Поскольку по каждому страховому случаю убытки составили меньше установлен-

ного размера франшизы, то страховая компания правомерно отказала в выплате страхового возмещения.

Подобная проблема стоит в одном ряду со многими спорными ситуациями и связана с категорией т. н. «размера ответственности» страховщика по договору. Исходя из правовой природы договора страхования, ответственность страховщика прекращается в момент прекращения договора, независимо от количества наступивших страховых случаев. Таким образом, может ли страхователь требовать возмещения по каждому страховому случаю, наступившему в период действия договора? Этот вопрос до конца не решен ни практикой, ни доктриной. Иногда договором может быть установлена т. н. система первого риска, когда возмещение производится в размере ущерба, но в пределах страховой стоимости независимо от количества страховых случаев, риск остальных убытков при наступлении последующих страховых случаев в период действия договора ложится на страхователя. Иной вариант, когда стороны оговаривают в договоре условие о так называемом «лимите ответственности», указав на то, что общий размер страховых выплат не может превышать определенного процента ущерба. На наш взгляд, для предупреждения спорных ситуаций, связанных с упомянутыми обстоятельствами в договорах добровольного страхования имущества, целесообразно ограничивать срок его действия, например, моментом наступления первого (второго и т.д.) страхового случая.

Иначе этот вопрос решается Федеральным законом от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (в ред. от 7 февраля 2011 г.)⁴: страховщик при наступлении каждого страхового случая (независимо от их числа в течение срока действия договора обязательного страхования) обязуется возместить потерпевшим причиненный вред (п. 7). Аналогичную норму содержит ст. 276 Кодекса торгового мореплавания РФ от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (с изм. от 22 ноября 2010 г.): за убытки, причиненные несколькими следующими друг за другом страховыми случаями, страховщик несет ответственность, если даже общая сумма таких убытков превышает страховую сумму.

Таким образом, можно констатировать, что задача воплощения принципа добросовестности в нормах, регулирующих страховые правоотношения, остается решенной не в полной мере: необходимы такие установления, которые не просто декларировали бы это начало, а побуждали субъектов к конкретным действиям, непосредственно воздействовали на поведение участников гражданского оборота. Целесообразно выработать критерии определения недобросовестных действий, которые остаются в отечественном законодательстве в большинстве случаев не до конца осмысленными.

¹ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2, ст. 56.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3824.

³ См.: Дедиков С.В. Оспаривание страховой стоимости // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 3.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 18, ст. 1720.

О.Н. Ермолова*, Е.А. Мотыван**

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ О ПОНЯТИИ ДОГОВОРА В СВЕТЕ ПРОЕКТА ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На обсуждение юридической общественности вынесен проект федерального закона (далее — Проект) о внесении изменений в Гражданский кодекс РФ (далее — Кодекс), в котором сохранилось понимание договора как соглашения лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Данное определение позволяет отнести договор к юридическим фактам. Как и в действующем Кодексе все три главы подразд. 2 разд. III регулируют договор как юридический акт, являющийся основанием возникновения, изменения и прекращения правоотношения, а не самим правоотношением. По этой причине к договорам применяются правила о двух- и многосторонних сделках. При этом авторы Проекта предлагают ограничить применение данного правила тезисом «если иное не установлено настоящим Кодексом», что в аспекте придания Проектом договору большей самостоятельности в регулировании общественных отношений представляется логичным. Однако следует учитывать, что общие положения о договоре содержатся в разд. III Кодекса «Общая часть обязательственного права», а понимание договора как юридического факта не позволяет относить его к институту «обязательственное право».

С учетом названий подразд. 2 «Общие положения о договоре» и гл. 27 «Понятие и условия договора», на наш взгляд, необходимо более пристальное внимание уделить условиям договора, а также вопросам исполнения и действия договора, в т. ч. его прекращения.

Представляется необходимым определение в Кодексе условий договора через категорию обязательства и обоснования таким образом применения норм об обязательствах. Статья об условиях договора видится между ст. 420 и 421 ГК РФ примерно следующего содержания: «Условиями договора являются положения, выраженные в виде пунктов (разделов и т. п.) о содержании обязательств сторон (условия о предмете и встречном предоставлении, иные условия об обязательствах); предпосылках их возникновения; о порядке, объеме и сроках исполнения; об ответственности за их нарушение или неисполнение, об их изменении и прекращении».

Пункт 2 статьи должен устанавливать, что «условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев... (переносим из п. 4 ст. 420) и, что условия договора не должны противоречить общим началам гражданского законодательства.

---

* Ермолова Ольга Николаевна — доцент кафедры международного частного и предпринимательского права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», кандидат юридических наук.

** Мотыван Екатерина Андреевна — аспирант кафедры международного частного и предпринимательского права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

Отдельную статью в гл. 27 следовало бы посвятить исполнению договора. Статья 424 Кодекса использует этот оборот, однако, очевидно, не в соответствии с тем значением, которое подразумевается в других статьях. В анализируемой статье исполнение договора сведено к исполнению основного обязательства одной из сторон, исполнение же основного обязательства другой стороны — встречное предоставление — к оплате по цене. Необходимо отметить, что встречное предоставление не во всех договорах определяется ценой, поэтому в ст. 423 Кодекса речь идет именно о встречном предоставлении. Таким образом, ст. 424 Кодекса посвящена лишь тем возмездным договорам, встречное предоставление в которых определяется в денежном эквиваленте. Более того, содержание п. 3 указанной статьи позволяет сделать вывод о намерении законодателя восполнить пробел договора о встречном предоставлении определением обычно взимаемой цены за аналогичные товары, работы, услуги. То есть заключительный пункт подлежит применению ко всем возмездным договорам, а не только к предусматривающим оплату по цене.

Исполнение договора можно было бы определить как исполнение обязательств, возникающих из него. Такая формулировка соответствует духу разд. IV «Отдельные виды обязательств», в котором речь идет об определении условий обязательств из различных договоров, их исполнении, ответственности за нарушение или неисполнение. Условия обязательства определяются именно в целях надлежащего исполнения, а также применения мер ответственности за нарушение (неисполнение).

Положения о прекращении договора необходимо раскрыть в п. 4 ст. 425 Кодекса: «Договор прекращается истечением срока действия договора, расторжением либо отказом от договора (исполнения договора)». И далее уместно поместить содержание ст. 450¹ Проекта, в которой речь идет о прекращении договора, а не его расторжении. Об этом свидетельствует фраза из п. 1 этой статьи: «Договор прекращается...».

Значительная часть изменений общих положений о договоре касается регулирования публичного, предварительного договоров, договора присоединения, а также появления новых договоров — рамочного и опционного.

Стороной публичного договора (ст. 426) предлагается признавать лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, а не коммерческую организацию. Данное изменение позволит распространить действия положений Кодекса о публичном договоре на большее число правоотношений, в которые вступает потребитель, поскольку субъектами деятельности в сфере торговли, оказания услуг являются также индивидуальные предприниматели и некоммерческие организации, осуществляющие предпринимательскую деятельность.

Наряду с этим предлагается изменить правила определения цены и иных условий договора. Так, по мнению авторов Проекта, цена товаров, работ услуг должна быть одинаковой не для всех потребителей, а лишь для потребителей соответствующей категории. В отношении иных условий пу-

бличного договора предлагается установить запрет на их определение «исходя из преимуществ отдельных потребителей или оказания им предпочтения, за исключением случаев, когда законом или иными правовыми актами допускается предоставление льгот отдельным категориям потребителей».

Авторами Проекта при этом не устранена нечеткость определения публичного договора. В литературе уже обращалось внимание на то, что в качестве индивидуализирующего признака договора не может выступать указание на характер деятельности, поскольку им охвачены все виды предпринимательской деятельности — продажа товаров, выполнение работ, оказание услуг. По этой причине законодатель вынужден был в скобках перечислить эти виды деятельности более конкретно и оставить перечень открытым, а также квалифицировать договор как публичный применительно к каждому конкретному договору (ст. 492, 626, 730, 789, 834, 908, 919, 927 Кодекса).

Полагаем, что целесообразно было бы указать в качестве контрагента по договору потребителя, тем более, что далее в статье именно о потребителях и идет речь, а в ряде вышеуказанных статей сделан акцент на участии в договоре именно гражданина.

Даже если имеется намерение сделать акцент не на потребителя-гражданина (в аспекте понимания закона о защите прав потребителей), что следует из оборота «каждый, кто обратится», использованном в ст. 426, то достаточно указания на субъекта договора — лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность. Эта ситуация также нашла отражение в нормах ГК РФ. Таким образом будут закреплены основы правового режима предпринимательского договора

Обстоятельство присоединения к договору присоединения в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, по замыслу авторов Проекта, не должно служить препятствием на пути к изменению или расторжению договора присоединения по основаниям п.2 ст.428 Кодекса. Такая позиция представляется обоснованной, поскольку при заключении договора присоединяющаяся сторона независимо от своего статуса лишена возможности участвовать в выработке условий договора. Следовательно, право предъявить требование об изменении или расторжении договора присоединения является мерой защиты присоединившейся к договору стороны от умаления ее прав положениями договора. В этой связи действующее ограничение в использовании лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, таких средств защиты ничем не оправдано.

Вместе с тем включение в ст. 428 Кодекса п. 3, распространяющего действие нормы, регулирующей отношения сторон при договоре присоединения на остальные виды договоров, представляется отнюдь не бесспорным. Заключение договора присоединения, равно как и публичного договора, служит исключением из общего принципа свободы заключения договора, поскольку в согласовании условий участвует лишь одна сторона. Данный принцип реализуется в этом случае лишь в части права другой сто-

роны отказаться от вступления в договорные отношения. Между тем предпосылками заключения публичного договора и договора присоединения являются, с одной стороны, потребность потребителя (присоединяющейся стороны) в их заключении (договор на оказание услуг связи, медицинских услуг, энергоснабжения и т.п.) и, с другой стороны, ограниченность в выборе контрагентов. Этим и обусловлены дополнительные меры защиты потребителя и присоединяющейся стороны.

Во всех иных случаях надлежит руководствоваться принципом свободы договора, который состоит не только в праве каждой из сторон заключить договор или отказаться от его заключения, но и в свободе определения условий договора по своему усмотрению (ст. 421 Кодекса). Из этого следует, что сам факт заключения договора должен свидетельствовать о том, что стороны выразили в его содержании общую волю, как это предполагает ст. 432 Кодекса. Лишь в этом случае можно рассчитывать на соответствующее отношение сторон и к формированию условий сделки, к их исполнению.

Появление нового основания для изменения или расторжения договора в виде имевшего место «затруднения при согласовании его условий» не способствует ответственному отношению стороны к заключению договора и, как следствие, устойчивому обороту. Наличие «затруднений» в согласовании условий договора должно, по нашему мнению, иметь единственный результат — отказ стороны заключить договор. Для тех случаев, когда сторона вынуждена заключить договор на крайне невыгодных для себя условиях, предусмотрен специальный механизм защиты — признание кабальной сделки недействительной (ст. 179 Кодекса).

Кроме того, необходимо отметить, что положения ст. 428 Кодекса не содержат квалифицирующего договор признака и касаются лишь особого порядка заключения договора. По этой причине статью следовало бы называть «Заключение договора путем (в порядке) присоединения» и изложить ее в следующей редакции: «В порядке присоединения заключается договор, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могут быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом» и поместить ее после ст. 445. Содержание п. 2 следует включить в текст данной статьи либо указать в п. 2 ст. 450 ГК в качестве самостоятельного основания для изменения или расторжения договора по требованию одной из сторон.

Авторы Проекта предлагают заменить требование к установлению в предварительном договоре существенных условий основного договора необходимостью определить «те условия основного договора, относительно которых, по заявлению одной из сторон, должно быть достигнуто соглашение при заключении предварительного договора». Одновременно с этим предлагается рассматривать разногласия по условиям основного договора в порядке, предусмотренном ст. 446 Кодекса.

Таким образом, при невозможности установить существенные условия основного договора из содержания предварительного договора, возник-

нет необходимость в их определении непосредственно на этапе заключения основного договора. В случае же возникновения разногласий (ст. 446) либо уклонения стороны от заключения договора (п. 5 ст. 429) существенные условия будут определяться судом.

Именно наличие существенных условий в договоре позволяет установить содержание прав и обязанностей сторон, а следовательно, квалифицировать договор как основание возникновения конкретного вида обязательства. В случае уклонения стороны от заключения договора суд по заявлению другой стороны будет вынужден «конструировать» договорное обязательство в своем решении. Такой подход к регулированию процедуры заключения договора ведет, по нашему мнению, к выхолащиванию договорного процесса и принципа свободы договора.

С другой стороны, необходимость согласования условий «по заявлению стороны» может способствовать активному вовлечению участников в договорный процесс. Однако отсутствие заявлений относительно существенных условий договора, а следовательно, и их согласования в предварительном договоре, в ситуации уклонения от заключения основного договора влечет последствия в виде заключения договора на условиях, указанных в решении суда.

Переходя к вопросу о выделении в ГК РФ рамочного договора, следует отметить насущную необходимость закрепления положений об организационных договорах в целом и, соответственно, включения статьи «Организационные договоры» примерно следующего содержания: «Участники гражданского оборота в целях урегулирования будущих отношений вправе заключать (свободны в заключении?) организационные договоры, в т. ч. предварительный, рамочный, учредительный, о совместной деятельности и иные.

Организационным признается договор, по которому стороны обязуются участвовать в будущих гражданско-правовых отношениях и определяют порядок такого участия».

Концепция развития гражданского законодательства РФ, одобренная Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г., рекомендует закрепить в виде самостоятельной договорной конструкции т. н. рамочный договор, не порождающий обязательство заключить договор в будущем (что типично для предварительного договора), а представляющий собой договор, условия которого подлежат применению и детализации в будущем (договор с «открытыми» условиями) (п.7.8 разд.V Концепции).

Новая договорная конструкция получила отражение в ст. 429¹ Проекта. Рамочный договор как соглашение сторон относительно общих условий будущих взаимных обязательств способен регулировать отношения сторон лишь в случае заключения последующих, отдельных, договоров, содержащих конкретные условия обязательств.

Таким образом, рамочный договор направлен на регулирование отношений по заключению основных (отдельных, исполнительских, договоров-

сателлитов) договоров, а впоследствии — на регулирование отношений, возникающих из отдельных договоров. Однако для проявления юридической связи между договорами в текст отдельных договоров должна быть включена ссылка на рамочный договор.

Редакция ст. 429¹ Кодекса может быть представлена в следующем виде:

«1. Рамочным договором признается договор, определяющий общие условия будущих обязательств сторон, которые конкретизируются и уточняются посредством заключения сторонами отдельных договоров.

2. Условия, содержащиеся в рамочном договоре, подлежат применению к отношениям сторон, не урегулированным при заключении отдельных договоров, в случаях, если это предусмотрено законом или договором».

На наш взгляд, необходимо акцентировать внимание на сроке действия рамочного договора. Авторы проекта не посчитали необходимым включить указание на срок в текст предлагаемой статьи, однако логика договорных отношений диктует необходимость ограничения срока действия договора, во исполнение которого не были заключены отдельные договоры. Аналогично нормам о сроке в предварительном договоре предлагаем использовать годичный срок для установления договорных отношений между сторонами, в противном случае считать рамочный договор прекратившим действие.

Гражданское законодательство не определяет опцион в качестве самостоятельной договорной конструкции. До 1 января 2010 г. определение опционной сделки содержалось в ст. 8 Закона РФ от 20 февраля 1992 г. № 2383-1 «О товарных биржах и биржевой торговле» и таковой именовалась уступка прав на будущую передачу прав и обязанностей в отношении биржевого товара или контракта на его поставку. На наш взгляд, подобное определение не выражало сущности сделок, совершаемых в процессе биржевой торговли, в качестве опционных. В Письме Государственного комитета РФ по антимонопольной политике РФ от 30 июля 1996 г. № 16-151/АК «О форвардных, фьючерсных и опционных биржевых сделках» разъяснялось, что под опционным контрактом (опционом) следует понимать «документ, определяющий права на получение (передачу) имущества (включая деньги, валютные ценности и ценные бумаги) или информации с условием, что держатель опционного контракта может отказаться от прав по нему в одностороннем порядке».

Рассматривая опционный договор в качестве востребованного инструмента биржевой торговли, мы разделяем позицию авторов Проекта о целесообразности регулирования опциона как самостоятельной договорной конструкции.

Достаточно удачным представляется предложение авторов Проекта определить предмет опционного договора как предоставление на возмездной основе одной стороной права другой стороне заключить договор на предусмотренных условиях в течение всего срока действия опциона (ст. 429² Кодекса). Данная конструкция охватывает все разновидности биржевых опционных сделок (сделок с премией), заключаемых на практи-

ке со следующими условиями: отказа от договора, кратного изменения количества товара, выбора стороны по будущему договору (выступить продавцом или покупателем) и т. д.

Однако с позиции формулирования законодателем понятия договора через обязательства сторон можно предложить определение опционного договора как договора, по которому одна сторона обязуется заключить в течение срока действия договора по требованию другой стороны договор о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг на условиях, предусмотренных опционным договором. В этом случае заключение договора для стороны является обязательным и при уклонении от заключения основного договора, будут применяться положения, предусмотренные п. 4 ст. 445 ГК РФ.

Следует согласиться с предлагаемым в правовой литературе¹ подходом к квалификации опционного договора как возмездного одностороннего предварительного договора. При этом термин «односторонний» в данном случае указывает на то, что обязанность заключить основной договор возложена только на одну из сторон. При делении договоров на односторонние и двусторонние опционный договор относится ко второй группе, поскольку порождает встречные обязанности у обеих сторон.

Во исполнение провозглашенной в Концепции развития гражданского законодательства задачи «не допустить дальнейшего разрушения стабильности гражданского оборота» авторами Проекта предлагается следующий комплекс мер, направленных на сокращение легальных возможностей признания сделок недействительными: введение запрета на оспаривание сделки (лицом ее одобрившим; стороной, подтвердившей сделку; лицом, допустившим недобросовестное поведение после совершения сделки); ограничение на применение судом последствий недействительности ничтожной сделки (ст. 166 Кодекса). Определенные ограничения предлагается предусмотреть и в отношении оспаривания договора. В частности, в ст. 431¹ «Недействительность договора» предлагается в качестве условия для признания договора ничтожным и (или) применения последствий недействительности договора закрепить предоставление заинтересованным лицом доказательств нарушения его прав и охраняемых законом интересов в результате заключения соответствующего договора (абз. 1 п. 3 ст. 431¹). Одновременно с этим предлагается установить запрет на применение судами последствий недействительности договора по собственной инициативе (абз. 2 п. 3 ст. 431¹).

Согласно действующим положениям Кодекса заинтересованность лица служит условием для предъявления им требования о применении последствий недействительности сделки (п. 3 ст. 166 Кодекса). Однако категория заинтересованности в гражданском законодательстве не раскрывается. Анализ практики применения судами и арбитражными судами положений Кодекса о недействительности сделок позволяет сделать вывод о том, что для установления заинтересованности лица в применении последствий недействительности сделки суды не всегда оценивают, нарушены ли оспа-

риваемым договором права и законные интересы, и каким образом применение последствий недействительности сделки приведет к восстановлению этих прав². Не всегда учитываются судами положения ст.4 ГПК РФ и ст.4 АПК РФ, в соответствии с которыми обратиться в суд (арбитражный) за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов вправе заинтересованное лицо. В этой связи раскрытие в статье, посвященной недействительности договора, содержания термина «заинтересованное лицо» представляется логичным, поскольку способно унифицировать судебную практику по данной категории дел.

Изъятие из компетенции суда полномочий применять по собственной инициативе последствия недействительности договора представляется обоснованной мерой. Так, согласно ст. 12 Кодекса применение последствий недействительности сделки, в т. ч. договора, является способом защиты субъективных гражданских прав. В соответствии со ст.1 Кодекса гражданские права осуществляются участниками гражданских правоотношений своей волей и в своем интересе. Следовательно, применение последствий недействительности договора судом в отсутствие инициативы на то стороны договора или заинтересованного лица должно носить исключительный характер.

В п.4 ст.431¹ Кодекса авторами Проекта предлагается запретить признание договора недействительным по иску контрагента, принявшего от стороны по договору исполнение, но не исполнившее своего обязательства (полностью или частично).

Следуя буквальному содержанию нормы, препятствием на пути к оспариванию договора призвано стать любое неисполнение стороной обязательства. Между тем возможность исполнения по частям может следовать из условий самого обязательства (например, купля-продажа с оплатой товара в рассрочку), закона, а также обычая делового оборота (ст. 311 ГК РФ). Из контекста статьи не следует, что препятствием к оспариванию договора станет лишь то неисполнение, которое сопряжено с нарушением условий договора. Следовательно, применение данной нормы может породить такую практику, когда добросовестный контрагент будет вынужден произвести досрочное исполнение в целях получения возможности оспорить договор. В этой связи возникает вопрос: какой смысл имеет исполнение договора стороной, требующей признания этого договора недействительным, если последствием такого признания станет двусторонняя реституция в соответствии со ст. 167 Кодекса?

По нашему мнению, к вопросу ограничения возможностей защиты прав в целом и оспаривания договора в частности следует подходить с осторожностью. Признание договора недействительным, с одной стороны, влечет разрыв договорного правоотношения и в той или иной степени нарушает нормальное функционирование гражданского оборота. С другой стороны, институт недействительности сделок является основным инструментом для защиты прав и интересов добросовестных лиц, нарушенных заключением догово-

ра. Исполнение сделки одной стороной — не основание оставлять в силе договор с «пороками». Кроме того, осознание сторонами договора риска признания сделки недействительной и наступления негативных, как правило, последствий, побуждает более ответственно относиться к заключению договора.

В п.5 ст.431¹ Проекта предлагается предоставить возможность сторонам договора, исполнение которого связано с осуществлением предпринимательской деятельности, предусмотреть в соглашении иные последствия недействительности договора, по сравнению с общими последствиями недействительности сделки (ст.167 Кодекса).

В силу логических рассуждений соглашение сторон о последствиях недействительности договора служит одним из условий договора либо самостоятельным договором. Что будет составлять предмет такого соглашения, если не реституция — передача иных вещей, прощение долга, предоставление прав, отказ от прав, совершение иных действий, воздержание от совершения? Не является ли такая альтернатива основанием возникновения нового обязательства?

Кроме того, непонятно, какое значение будет иметь данное соглашение в случае оспаривания договора заинтересованным лицом, для которого как раз важны стандартные последствия — реституция. Каким образом будут восстановлены права этого заинтересованного лица? Да и о многостороннем соглашении в норме ничего не сказано.

В целом выделение отдельной статьи о недействительности договоров недостаточно обосновано. Все предложения вполне могут быть отражены в общих положениях о сделках, применяемых и к односторонним сделкам, и к договорам. Тем более, что в ст. 12 ГК РФ не указан такой способ защиты прав, как признание недействительным договора и применения последствий его недействительности.

Согласно Проекту факт заключения договора под влиянием заблуждения предлагается рассматривать в качестве основания не только для признания сделки недействительной, но и для возмещения убытков стороной, способствовавшей введению в заблуждение, а также для расторжения или изменения договора (ст. 431² Проекта).

Возможность изменения или расторжения договора как альтернатива признанию договора недействительным также представляется нам положительным изменением. Общие последствия недействительности сделки не всегда отвечают интересам сторон в частности и гражданского оборота в целом, поскольку не оставляют возможности разрешить спор посредством прекращения или изменения правоотношений.

Тенденции развития договорного права, предлагаемые Проектом, свидетельствуют о неугасающем интересе к понятию «договор» в теории и практике гражданского права.

¹ См.: *Меньшин П.А.* Опционный договор // *Право и экономика.* 2008. № 5.

² См.: *Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 ноября 2006 г. № 9148/06.* Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

С.А. Кузнецова*

ВИДЫ ТРУДОВОГО СТАЖА ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом. Государственные пенсии и социальные пособия устанавливаются законом — данные положения закреплены в Конституции РФ.

Правовое регулирование трудовых пенсий осуществляется Федеральным законом от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (с изм. и доп.)¹ (далее — Закон № 173-ФЗ), дающим определения основных понятий. Трудовая пенсия — ежемесячная денежная выплата в целях компенсации застрахованным лицам заработной платы и иных выплат и вознаграждений, утраченных ими в связи с наступлением нетрудоспособности вследствие старости или инвалидности, а нетрудоспособным членам семьи застрахованных лиц — заработной платы и иных выплат и вознаграждений кормильца, утраченных в связи со смертью этих застрахованных лиц, право на которую определяется в соответствии с условиями и нормами, установленными Законом № 173-ФЗ. При этом наступление нетрудоспособности и утрата заработной платы и иных выплат и вознаграждений в таких случаях предполагаются и не требуют доказательств.

Выделяются следующие виды трудовых пенсий: трудовая пенсия по старости; трудовая пенсия по инвалидности; трудовая пенсия по случаю потери кормильца.

В соответствии с новым российским законодательством одним из основных условий пенсионного обеспечения для подавляющей части населения (за исключением военнослужащих и приравненных к ним категорий граждан) является страховой стаж. Страховой стаж не может быть менее 5 лет. Согласно Закону № 173-ФЗ это учитываемая при определении права на трудовую пенсию суммарная продолжительность периодов работы и (или) иной деятельности, в течение которых уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд РФ, а также иных периодов, засчитываемых в страховой стаж, в частности:

1) период прохождения военной службы, а также другой приравненной к ней службы, предусмотренной Законом РФ «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Го-

---

* Кузнецова Светлана Анатольевна — старший преподаватель кафедры трудового права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

сударственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей»;

2) период получения пособия по обязательному социальному страхованию в период временной нетрудоспособности;

3) период ухода одного из родителей за каждым ребенком до достижения им возраста 1,5 лет, но не более 3-х лет в общей сложности;

4) период получения пособия по безработице, период участия в оплачиваемых общественных работах и период переезда по направлению государственной службы занятости в другую местность для трудоустройства;

5) период содержания под стражей лиц, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности, необоснованно репрессированных и впоследствии реабилитированных, и период отбывания наказания этими лицами в местах лишения свободы и ссылке;

6) период ухода, осуществляемого трудоспособным лицом за инвалидом I группы, ребенком-инвалидом или за лицом, достигшим возраста 80 лет;

7) период проживания супругов военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, вместе с супругами в местностях, где они не могли трудиться в связи с отсутствием возможности трудоустройства, но не более 5 лет в общей сложности;

8) период проживания за границей супругов работников, направленных в дипломатические представительства и консульские учреждения Российской Федерации, постоянные представительства Российской Федерации при международных организациях, торговые представительства Российской Федерации в иностранных государствах, представительства федеральных органов исполнительной власти, государственных органов при федеральных органах исполнительной власти либо в качестве представителей этих органов за рубежом, а также в представительства государственных учреждений Российской Федерации (государственных органов и государственных учреждений СССР) за границей и международные организации, перечень которых утверждается Правительством РФ, но не более 5 лет в общей сложности.

Данный вид стажа имеет значение не только в пенсионном законодательстве, но также и в Законе РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» (с изм. и доп.)². Так, вышеназванный Закон предоставляет возможность на основании закрепленных в нем условий для досрочного назначения трудовой пенсии по старости. Пункты 1 и 2 ст. 32 устанавливают, что гражданам, не достигшим возраста 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин и имеющим страховой стаж продолжительностью 25 лет для мужчин и 20 лет для женщин, а также необходимый стаж на соответствующих видах работ, дающий им право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости, по предложению органов службы занятости при отсутствии возможности для трудоустройства, если они признаны безработными гражданами из числа лиц, уволенных в связи с

ликвидацией организации либо прекращением деятельности индивидуальным предпринимателем, сокращением численности или штата работников организации, индивидуального предпринимателя, с их согласия, может назначаться пенсия на период до наступления возраста, дающего право на трудовую пенсию по старости, в т. ч. досрочно назначаемую трудовую пенсию по старости, но не ранее чем за 2 года до наступления соответствующего возраста.

Кроме того, согласно ч. 2 ст. 28 вышеназванного Закона, время, в течение которого гражданин в установленном Законом порядке получает пособие по безработице, стипендию, принимает участие в оплачиваемых общественных работах, время, необходимое для переезда по направлению органов службы занятости в другую местность для трудоустройства, а также период временной нетрудоспособности, отпуска по беременности и родам, призыва на военные сборы, привлечения к мероприятиям, связанным с подготовкой к военной службе (альтернативной гражданской службе), исполнением государственных обязанностей, не прерывают трудового стажа. Следует отметить, что непрерывный трудовой стаж, применяемый в целях исчисления пособия по временной нетрудоспособности, утратил свое значение с 1 января 2007 г., когда он был заменен новым видом стажа — страховым.

Таким образом, вторым видом страхового стажа, предусмотренного законодательством, является страховой стаж для определения размеров пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам. Он предусмотрен Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»³.

В страховой стаж для определения размеров пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам (страховой стаж) включаются периоды работы застрахованного лица по трудовому договору, государственной гражданской или муниципальной службы, а также периоды иной деятельности, в течение которой гражданин подлежал обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством.

В страховой стаж наравне с периодами работы и (или) иной деятельности засчитываются периоды прохождения военной службы, а также иной службы, предусмотренной Законом РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей»⁴.

Исчисление страхового стажа производится в календарном порядке. В случае совпадения по времени нескольких периодов, засчитываемых в страховой стаж, учитывается один из таких периодов по выбору застрахованного лица.

Правила подсчета и подтверждения страхового стажа устанавливаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социального страхования. Такие правила утверждены Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 6 февраля 2007 г. № 91 «Об утверждении Правил подсчета и подтверждения страхового стажа для определения размеров пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам»⁵.

В страховой стаж включаются: а) периоды работы по трудовому договору; б) периоды государственной гражданской или муниципальной службы; в) периоды иной деятельности, в течение которой гражданин подлежал обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, в т. ч.:

периоды деятельности индивидуального предпринимателя, индивидуальной трудовой деятельности, трудовой деятельности на условиях индивидуальной или групповой аренды, периоды деятельности физических лиц, не признаваемых индивидуальными предпринимателями (занимающихся частной практикой нотариусов, частных детективов, частных охранников, иных лиц, занимающихся в установленном законодательством РФ порядке частной практикой), члена крестьянского (фермерского) хозяйства, родовой, семейной общины малочисленных народов Севера до 1 января 2001 г. и после 1 января 2003 г., за которые уплачены платежи на социальное страхование;

периоды деятельности в качестве адвоката до 1 января 2001 г., а также периоды указанной деятельности, за которые уплачены платежи на социальное страхование, после 1 января 2003 г.;

периоды работы члена колхоза, члена производственного кооператива, принимающего личное трудовое участие в его деятельности, до 1 января 2001 г., а также периоды указанной работы, за которые уплачены платежи на социальное страхование, после 1 января 2001 г.;

периоды исполнения полномочий членом (депутатом) Совета Федерации Федерального Собрания РФ, депутатом Государственной Думы Федерального Собрания РФ, периоды замещения государственных должностей Российской Федерации, государственных должностей субъектов РФ, а также муниципальных должностей, замещаемых на постоянной основе;

периоды деятельности в качестве священнослужителя, за которые уплачены платежи на социальное страхование;

периоды привлечения к оплачиваемому труду лица, осужденного к лишению свободы, при условии выполнения им установленного графика работы, после 1 ноября 2001 г.

В страховой стаж наравне с периодами работы и (или) иной деятельности, засчитываются периоды прохождения военной службы, а также иной службы, предусмотренной Законом РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах

по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей».

Таким образом, законодательство устанавливает два вида страхового стажа, имеющих разное назначение и разные правила исчисления. Думается, что они должны иметь и различные наименования.

Для назначения трудовой пенсии по старости в настоящее время имеет значение также и общий трудовой стаж, определению которому в ч.3 ст.30 дает Закон № 173-ФЗ: под общим трудовым стажем понимается суммарная продолжительность трудовой и иной общественно полезной деятельности до 1 января 2002 г. Данный вид стажа необходим для определения расчетного размера трудовой пенсии застрахованных лиц, для конвертации его в расчетный пенсионный капитал. Статья 30 Закона № 173-ФЗ устанавливает оценку пенсионных прав застрахованных лиц. Граждане по своему выбору согласно пп. 3, 4, 6 определяют расчетный размер трудовой пенсии.

В целях определения расчетного размера трудовой пенсии застрахованных лиц в соответствии с п. 3 ст. 30 Закона № 173-ФЗ под общим трудовым стажем понимается суммарная продолжительность трудовой и иной общественно полезной деятельности до 1 января 2002 г., в которую включаются:

периоды работы в качестве рабочего, служащего (в т. ч. работа по найму за пределами территории Российской Федерации), члена колхоза или другой кооперативной организации; периоды иной работы, на которой работник, не будучи рабочим или служащим, подлежал обязательному пенсионному страхованию; периоды работы (службы) в военизированной охране, органах специальной связи или в горноспасательной части независимо от ее характера; периоды индивидуальной трудовой деятельности, в т. ч. в сельском хозяйстве;

периоды творческой деятельности членов творческих союзов — писателей, художников, композиторов, кинематографистов, театральных деятелей, а также литераторов и художников, не являющихся членами соответствующих творческих союзов;

служба в Вооруженных силах РФ и иных созданных в соответствии с законодательством РФ воинских формированиях, Объединенных Вооруженных силах Содружества Независимых Государств, Вооруженных силах бывшего СССР, органах внутренних дел РФ, органах внешней разведки, органах федеральной службы безопасности, федеральных органах исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба, бывших органах государственной безопасности РФ, а также в органах государственной безопасности и органах внутренних дел бывшего СССР (в т. ч. в периоды, когда эти органы именовались по-другому), пребывание в партизанских отрядах в период Гражданской войны и Великой Отечественной войны;

периоды временной нетрудоспособности, начавшейся в период работы и период пребывания на инвалидности I и II группы, полученной вследствие увечья, связанного с производством, или профессионального заболевания;

период пребывания в местах заключения сверх срока, назначенного при пересмотре дела;

периоды получения пособия по безработице, участия в оплачиваемых общественных работах, переезда по направлению службы занятости в другую местность и трудоустройства.

Исчисление продолжительности периодов трудовой и иной общественно полезной деятельности до 1 января 2002 г., включаемых в общий трудовой стаж, производится в календарном порядке по их фактической продолжительности, за исключением периодов работы в течение полного навигационного периода на водном транспорте и периодов работы в течение полного сезона в организациях сезонных отраслей промышленности.

Периоды работы в течение полного навигационного периода на водном транспорте и в течение полного сезона в организациях сезонных отраслей промышленности включаются в общий трудовой стаж как полный год работы независимо от фактической продолжительности этих периодов.

В праве социального обеспечения «трудовой стаж» имеет несколько значений, является юридическим фактом, с которым связывается наступление правовых последствий, а также самостоятельным правовым институтом данной отрасли права. Трудовой стаж служит основанием для возникновения правоотношений в пенсионном обеспечении, предоставлении различных видов пособий и льгот.

Реформа пенсионного обеспечения, проходящая в России, направлена на снижение значения института общего трудового стажа и замены его институтом страхового стажа.

В сфере трудовых правоотношений трудовой стаж также выполняет значительную функцию. Трудовой кодекс РФ в ст. 122 регулирует порядок предоставления ежегодных оплачиваемых отпусков. Право на использование отпуска за первый год работы возникает у работника по истечении 6 месяцев его непрерывной работы у данного работодателя. Статья 322 ТК РФ регулирует порядок предоставления и соединения ежегодных оплачиваемых отпусков, где также закреплено: «Ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск ...предоставляется работникам по истечении шести месяцев работы у данного работодателя». Статья 325 ТК РФ также связывает компенсацию расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска с имеющимся трудовым стажем. Право на компенсацию указанных расходов возникает у работника одновременно с правом получения ежегодного оплачиваемого отпуска за первый год работы в данной организации. Данные нормы улучшают положение работников, по сравнению с прежним законодательством, т. к. ранее предоставление основных и дополнительных отпусков, а также компенсационных выплат следовало лишь спустя 11 месяцев работы у данного работодателя.

Статья 8 ТК РФ устанавливает права работодателей принимать локальные нормативные акты, содержащие нормы трудового права в пределах своей компетенции. Данные нормативные акты, принятые работода-

телем с учетом мнения представительного органа работников регулируют надбавки к заработной плате за выработанный трудовой стаж, вознаграждения по итогам работы за год, за выслугу лет и иные выплаты, право на которые базируются на наличии трудового стажа.

Пенсионное законодательство использует термин «трудовой стаж» при регулировании пенсий по государственному пенсионному обеспечению.

Определение трудового стажа дано в ст. 2 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (с изм. и доп.)⁶ Трудовой стаж — это учитываемая при определении права на отдельные виды пенсий по государственному пенсионному обеспечению суммарная продолжительность периодов работы и иной деятельности, которые засчитываются в страховой стаж для получения пенсии, предусмотренной Федеральным законом «О трудовых пенсиях в Российской Федерации».

Понятие страхового стажа, как уже отмечалось, дает Закон № 173-ФЗ.

Таким образом, термин «трудовой стаж» в праве социального обеспечения получил нормативное закрепление в Законе № 166-ФЗ, при этом по своему содержанию он включает только один из видов страхового стажа — стаж, требуемый для возникновения права на трудовые пенсии. Используется данный трудовой стаж как условие назначения пенсий только гражданам, пострадавшим в результате радиационных или техногенных катастроф и членам их семей.

Думается, что включение определения термина «трудовой стаж» в общие положения Закона № 166-ФЗ не совсем удачно, т. к. гораздо чаще в этом Законе как условие пенсионного обеспечения применяется выслуга лет (в отношении федеральных гражданских служащих, космонавтов, работников летно-испытательного состава). Введение нового термина, означающего уже известный вид стажа, регулируемый Законом № 173-ФЗ, видится необоснованным.

Статьей 88 Закона РФ от 20 ноября 1990 г. № 340-1 «О государственных пенсиях в Российской Федерации»⁷ предусматривалось, что трудовой стаж включает в себя общий и специальный трудовой стаж.

На современном этапе развития нашего законодательства трудовой стаж стало возможным засчитывать отдельным категориям граждан — это иностранные граждане, лица без гражданства, граждане бывшего СССР, граждане государств-участников СНГ. Исчисление трудового стажа для назначения пенсий по старости гражданам, работавшим в СССР, а также гражданам государств-участников СНГ регулируется соглашением стран СНГ от 13 марта 1992 г. «О гарантиях прав граждан государств-участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения»⁸.

В соответствии с соглашением при назначении пенсии гражданам, переехавшим из государств-участников соглашения, в трудовой стаж засчитываются все периоды деятельности в соответствии с действующим зако-

нодательством РФ. В соглашении закреплено — для установления права на пенсию, в т. ч. пенсий на льготных основаниях и за выслугу лет гражданам государств-участников Соглашения учитывается *трудовой стаж*, приобретенный на территории любого из этих государств, а также на территории бывшего СССР за время до вступления в силу настоящего соглашения. Таким образом, Соглашение употребляет термин «трудовой стаж», предполагая, что под ним подразумевается несколько его видов.

Согласно ст. 1 Закона Саратовской области от 9 ноября 2007 г. № 241-ЗСО «О ветеранах труда Саратовской области» звание «Ветеран труда Саратовской области»⁹ присваивается гражданам, проживающим на территории Саратовской области, имеющим стаж работы (службы) не менее 35 лет для женщин и не менее 40 лет для мужчин, достигших возраста 55 лет и 60 лет соответственно.

Пенсионное обеспечение гражданам, выезжающим (выехавшим) на постоянное жительство за пределы Российской Федерации, регулируется постановлением Правительства от 8 июля 2002 г. № 510 «Об утверждении Положения о порядке выплаты пенсий гражданам, выезжающим (выехавшим) на постоянное жительство за пределы Российской Федерации»¹⁰. Пункт 2 устанавливает, что действие настоящего Положения распространяется на граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, выезжающих (выехавших) на постоянное жительство за пределы Российской Федерации, которым назначена трудовая пенсия (часть трудовой пенсии) и (или) пенсия по государственному пенсионному обеспечению (кроме социальной пенсии) в соответствии с законодательством РФ. Согласно данному постановлению выплата пенсий гражданам, выезжающим (выехавшим) за пределы Российской Федерации, производится в соответствии с законодательством РФ, регулирующим назначение пенсий с учетом различных видов стажа.

При этом социальная пенсия согласно данному нормативному акту не выплачивается указанным лицам, т. к. условия ее назначения не предусматривают наличия какого-либо вида стажа.

Термин «трудовой стаж» применяется в различных отраслях законодательства. Сохраняющий в настоящее время свое значение общий трудовой стаж, два рассмотренных выше вида страхового стажа, стаж работы, применяемый в трудовом праве, различные виды выслуги лет, по нашему мнению, должны охватываться общим термином «трудовой стаж», тем более, что это понятие устоялось в трудовом праве, в праве социального обеспечения, в административном праве, других отраслях российской системы права.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4920; 2009. № 52, ч. 1, ст. 6454.

² См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 18, ст. 565; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 30, ст. 3993.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1, ч. 1, ст. 18.

⁴ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 9, ст. 328; Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 49, ст. 4693; 2009. № 18, ст. 2150.

⁵ См.: БНА РФ. 2007. № 15.

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 51, ст. 4831; 2010. № 26, ст. 3247.

⁷ См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 27, ст. 351.

⁸ См.: Бюллетень международных договоров. 1993. № 4.

⁹ См.: Саратовская областная газета. 2007. 27 нояб.; Собр. законодательства Саратовской области. 2009. № 29.

¹⁰ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 28, ст. 2867.

Н.Э. Гуцин*

ДОКТРИНА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АГРАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Проблемы, связанные с обеспечением населения продовольствием, обострились в 2010 г. и продолжают нарастать во всем мире. Это и нехватка продовольствия в развивающихся странах, и перебои с различными видами продуктов питания, и быстрый рост цен на продовольствие, и несбалансированность рынков продовольствия. Эксперты Продовольственной и сельскохозяйственной организации при ООН (ФАО) считают, что в ближайшее время мир ждут ценовой шок и продовольственный кризис. Индекс сельскохозяйственных товаров ФАО в конце 2010 г. возрос до номинального рекорда. Ситуация не была такой мрачной даже в кризисные 2007–2008 гг., когда в 30 странах мира прошли «голодные бунты». Повышение цен на большинство основных продуктов, которое по прогнозам будет увеличиваться, объясняется рядом причин — ростом численности населения, неурожаем, многочисленными стихийными бедствиями. На сегодняшний день как развивающиеся, так и развитые страны подвержены инфляции, именно поэтому эксперты ожидают ухудшения ценовой ситуации. В то же время при значительном повышении цен мировые запасы зерна существенно сократились из-за погодных условий¹.

Большую озабоченность у руководства ФАО вызывают проблемы с продовольствием в 2011 г. Генеральный директор Ж. Диуф заявил, что в следующие 40 лет потребуется увеличить выпуск продукции аграрного сектора на 70 % в мире в целом и на 100 % в развивающихся странах. Ж. Диуф отметил также, что цены на продовольствие на мировом рынке, судя по данным ООН, в конце прошлого года поднялись до рекордного уровня и преодолели их самую высокую отметку, зафиксированную во время продовольственного кризиса в 2008 г.²

Мировые проблемы, летняя засуха 2010 г. отрицательно отразились и на России. Кризисные тенденции в продовольственном обеспечении насе-

* Гуцин Николай Эдуардович — доцент кафедры земельного и экологического права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», кандидат политических наук.

ления, в функционировании федерального и региональных рынков продовольствия потребовали усиления внимания со стороны высшего руководства страны, законодателей, экономической элиты, а также простых граждан. Президент РФ Д. Медведев в интервью российским телеканалам в декабре 2010 г. отметил: «Нельзя думать о том, что деревня будет жить сама по себе. Во всем мире правительство, государство всегда смотрят за состоянием дел в деревне»³. Это не голословное заявление — государственное финансирование сельскохозяйственного комплекса РФ в 2011 г. составит 125 млрд руб.⁴

Как представляется, большое значение для преодоления проблем в обеспечении страны продовольствием имеет реализация положений Доктрины продовольственной безопасности РФ (далее — Доктрина)⁵. Данный концептуальный акт поднимает проблему разработки и принятия целого комплекса правовых актов, регулирующих отношения в данной сфере, и, соответственно, проблему совершенствования аграрного законодательства в целом.

Следует отметить, что аграрное законодательство в настоящее время представляет собой несистемное собрание правовых актов, регулирующих отдельные, зачастую ограниченные, комплексы отношений в области аграрного производства. В последнее время в связи с актуальностью тематики усилились призывы ученых о необходимости совершенствования аграрного законодательства. По мнению М.И. Козыря, назрела острая потребность в разработке и принятии ряда нормативных актов (по возможности в виде законов), которые позволят завершить в основном формирование целостной системы аграрного законодательства РФ, включая разработку и принятие Аграрного кодекса РФ, и устранить пробелы и противоречия действующего законодательства. Давно назрел вопрос о законодательном регулировании общественных отношений в самом агропромышленном комплексе страны, а также о создании отраслевой системы государственного управления им⁶.

В научных публикациях также подчеркивается связь модернизации аграрного производства, обеспечения продовольственной безопасности, роста производства сельскохозяйственной продукции с государственной политикой и активной позицией государственных институтов в области регулирования аграрных отношений. За усиление мер государственного воздействия на производство продовольствия выступает Г.Г. Файзуллин. Он отмечает, что только при воссоздании и приумножении собственного производственного потенциала можно обеспечить продовольственную независимость страны. Важнейшее условие для этого — правовое регулирование, закрепляющее протекционистскую политику государства в аграрной сфере⁷. Выстраивание новой аграрной политики на основе положений Доктрины, по мнению Б.А. Воронина, должно, прежде всего, опираться на гражданско-правовое регулирование и метод диспозитивного воздействия на аграрную экономику, а не на административно-правовой метод. При та-

ком подходе Россия обеспечит продовольственную безопасность и не окажется в изоляции от других стран⁸.

Принятие новых законодательных актов, регулирующих аграрные отношения, с неизбежностью влечет за собой и возникновение структурных изменений в системе аграрного законодательства, касающихся как существования тех или иных правовых актов, так и их иерархического и горизонтального взаимодействия. Как справедливо подчеркивает М.И. Козырь, сложившееся аграрное (сельскохозяйственное) законодательство обширно по объему, разнообразно по кругу регулируемых отношений и порой чрезмерно сложно для восприятия. Поэтому необходимо активизировать работу не только по подготовке и принятию новых законов, определяющих правовое положение различных сельскохозяйственных товаропроизводителей, но и по укрупнению действующих нормативных актов путем принятия объединенных (консолидированных) актов⁹. Таким образом, потребность в систематизации аграрного законодательства выходит за рамки чисто научной проблемы и становится также проблемой практической. Это связано с тем, что скорейшее решение вопроса создания качественного комплекса правовых актов, регулирующих аграрные отношения, создаст условия для роста сельскохозяйственного производства, развития агропромышленного комплекса страны, достижения продовольственной безопасности. В данном аспекте возрастает роль аграрно-правовой науки.

В связи с этим можно поддержать мысль Б.А. Воронина: для того чтобы избежать ошибок и недочетов и сформировать действительно работоспособное законодательство, адекватное социально-экономическим реалиям, сложившимся в отечественном сельском хозяйстве, необходимо научное сопровождение правотворчества. Эту задачу выполняет аграрно-правовая наука, осуществляющая по отношению к аграрному законодательству аналитическую, критическую и созидательную функции¹⁰.

В настоящее время приходится констатировать, что система аграрного законодательства далека от совершенства. Об этом свидетельствует, во-первых, отсутствие основополагающего правового акта в системе аграрного законодательства (почему Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» (в ред. от 24 июля 2009 г.)¹¹ не может занимать главенствующее положение, выясним позже); во-вторых, « мозаичность » правового регулирования аграрных отношений, под которой мы понимаем отсутствие комплексности в регулировании отдельных групп общественных отношений. При таком подходе законодатель мало внимания уделяет правовым механизмам, методам и средствам реализации положений законодательства. Превалирует стремление « закрыть » нормами права наиболее очевидные объекты регулирования, например, отношений в сфере сельскохозяйственной кооперации, которая традиционно была важной формой хозяйствования в российской деревне, и законодатель закрепил ее в законе. То же можно сказать о крестьянском (фермерском) хозяйстве и личном подсобном хозяйстве. Общества, дей-

ствующие в аграрном секторе экономики, с принятием первой части Гражданского кодекса РФ в 1994 г. ожидают «своих» законодательных актов. Вне сферы правового регулирования остаются и перспективные формы агробизнеса — агрохолдинги и агрофирмы.

На несистемный поход к регулированию аграрных отношений указывает в правовой литературе. Как замечает Б.А. Воронин, законодательная деятельность является весьма проблемной, т. к. качество правового урегулирования всего комплекса отношений в аграрной сфере пока остается низким и малоэффективным. Сегодня в стране имеется большое количество федеральных законов, законов субъектов РФ, постановлений Правительства и других подзаконных актов, на основе которых должна осуществляться сельскохозяйственная деятельность и развитие аграрного рынка. Но если более пристально и детально проанализировать их содержание, то можно увидеть, что многие из этих юридических документов, мягко говоря, декларативны, отсылочны к другим правовым актам, и, по этой причине, не являются актами прямого действия. И, самое главное, у большинства таких законодательных и иных правовых актов нет четкого юридического механизма реализации¹².

Принятие Доктрины требует нового подхода к формированию системы аграрного законодательства. Она не является нормативным правовым актом, а представляет собой совокупность официальных взглядов на цели, задачи и основные направления государственной экономической политики в области обеспечения продовольственной безопасности РФ. В связи с этим Доктрина могла бы стать программным документом, не входящим в систему аграрного законодательства, но стоящим над этой системой. Такое особое ее положение подчеркнуто в п. 1, в котором отмечено, что Доктрина развивает положения Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г., утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537, касающиеся продовольственной безопасности РФ, учитывает нормы Морской доктрины РФ на период до 2020 г., утвержденной Президентом РФ 27 июля 2001 г. и других нормативных правовых актов РФ в этой области. Таким образом, четко обозначено, что Доктрина опирается в равной мере и на программные государственные акты, и на нормативные правовые акты.

В основе системы аграрного законодательства, на наш взгляд, может быть только нормативный правовой акт, устанавливающий принципы правового регулирования в области обеспечения продовольственной безопасности. Пока место такого правового акта занимает Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства». Наличие Доктрины в определенной мере принижает главенствующее значение данного документа как системообразующего. Это объясняется тем, что Доктрина выдвигает более глобальные цели в отличие от Федерального закона «О развитии сельского хозяйства». Как отмечается в п. 2 Доктрины, продовольственная безопасность РФ — одно из главных направлений обеспечения национальной безопасности страны, фактор сохранения ее государственности и суверенитета, важнейшая составляющая демографической

политики, необходимое условие реализации стратегического национального приоритета — повышения качества жизни российских граждан путем гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения. Стратегической целью продовольственной безопасности служит обеспечение населения страны сельскохозяйственной продукцией, рыбной и иной продукцией из водных биоресурсов (рыбной продукцией) и продовольствием. Гарантией ее достижения является стабильность внутреннего производства, а также наличие необходимых резервов и запасов. Поэтому, по нашему мнению, принятие Федерального закона «О продовольственной безопасности Российской Федерации» предотвратит «размывание» системы аграрного законодательства и выведет положения Доктрины на правовой уровень.

В соответствии с п. 3 Доктрины основные задачи обеспечения продовольственной безопасности независимо от изменения внешних и внутренних условий заключаются в следующем:

своевременное прогнозирование, выявление и предотвращение внутренних и внешних угроз продовольственной безопасности, минимизация их негативных последствий за счет постоянной готовности системы обеспечения граждан пищевыми продуктами, формирования стратегических запасов пищевых продуктов;

устойчивое развитие отечественного производства продовольствия и сырья, достаточное для обеспечения продовольственной независимости страны;

достижение и поддержание физической и экономической доступности для каждого гражданина страны безопасных пищевых продуктов в объемах и ассортименте, соответствующих установленным рациональным нормам потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни;

обеспечение безопасности пищевых продуктов.

Доктрина определила следующие основные направления государственной экономической политики в сфере обеспечения продовольственной безопасности РФ:

в сфере повышения экономической доступности пищевых продуктов для всех групп населения предстоит особое внимание уделить осуществлению мер, направленных на снижение уровня бедности;

в части физической доступности пищевых продуктов предстоит развивать межрегиональную интеграцию в сфере продовольственных рынков и продовольственного обеспечения;

в части формирования государственного материального резерва должны определяться номенклатура соответствующих материальных ценностей и нормы их накопления;

для обеспечения безопасности пищевых продуктов необходимо контролировать соответствие требованиям законодательства РФ в этой области качества сельскохозяйственной, рыбной продукции и продовольствия; исключить бесконтрольное распространение пищевой продукции, изготовленной с использованием генетически модифицированных растений и микроорганизмов.

Правовое обеспечение продовольственной безопасности должно учитывать, как представляется, указанные направления государственной экономической политики в сфере обеспечения продовольственной безопасности РФ. В п. 4 Доктрины прямо установлено, что она служит основой для разработки нормативных правовых актов в сфере обеспечения продовольственной безопасности, развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов. Нормативные правовые акты будут разрабатываться и приниматься в соответствии с Планом мероприятий по реализации положений Доктрины (далее — План мероприятий), который утвержден распоряжением Правительства РФ от 17 марта 2010 г. № 376-р¹³.

В целях исполнения Плана мероприятий уже принят ряд документов: Основы государственной политики Российской Федерации в области здорового питания населения на период до 2020 года¹⁴; Концепция устойчивого развития сельских территорий до 2020 года¹⁵; Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания¹⁶. Внесены изменения в Федеральную целевую программу «Повышение эффективности использования и развитие ресурсного потенциала рыбохозяйственного комплекса в 2009—2014 годах», утвержденную постановлением Правительства РФ от 12 августа 2008 г. № 606¹⁷.

Реализация положений Доктрины потребует принятия большого числа правовых актов, главным образом, подзаконных. При отсутствии федерального законодательного акта, устанавливающего правовые основы обеспечения продовольственной безопасности государства, как представляется, может произойти сбой в наметившейся тенденции в формировании стройной системы аграрного законодательства.

Важным документом при формировании законченного представления о направлениях правового обеспечения продовольственной безопасности страны являются рекомендации прошедшего 1 июня 2010 г. в Москве семинара-совещания с участием депутатов Государственной Думы, членов Совета Федерации Федерального Собрания РФ, представителей министерств, ведомств, региональных властей, а также научных организаций и сельскохозяйственных организаций на тему: «О ходе реализации Федерального закона “О развитии сельского хозяйства”»¹⁸.

Несмотря на принятие Доктрины и утверждение Плана мероприятий по ее реализации среди законодателей и правоведов нет устоявшегося мнения о правовых актах, которые должны быть приняты в целях закрытия наиболее очевидных пробелов аграрного законодательства.

В связи с этим представляется возможным внести ряд предложений по совершенствованию аграрного законодательства. Основой его должен стать федеральный закон «О продовольственной безопасности Российской Федерации», разработку и принятие которого нельзя откладывать. Систему аграрного федерального законодательства, обеспечивающего продовольственную безопасность РФ, по нашему мнению, необходимо по-

строить следующим образом: законы первого уровня — о продовольственной безопасности РФ, о развитии сельского хозяйства, об устойчивом развитии сельских территорий, о социальном развитии села; законы второго уровня — о регулировании рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, о государственной поддержке крестьянства, о продовольственном обеспечении социально незащищенных групп населения, об обеспечении населения продовольствием в чрезвычайных ситуациях.

В дальнейшем развитие аграрного законодательства, возможно, приведет к принятию кодифицированного акта — Аграрного кодекса РФ.

Пока из указанных федеральных законов принят только один — Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства». В первом чтении Госдумой принят законопроект «О сельскохозяйственном страховании, осуществляемом с государственной поддержкой». Следовательно, предстоит большая работа, как законодателей, так и правоведов по формированию и совершенствованию законодательной базы, регулирующей отношения в области обеспечения продовольственной безопасности РФ.

¹ См.: Раскевич Ю. В 2011 году мир захлестнет «ценовой шок». URL: <http://www.kyivpost.ua> (дата обращения: 21.01.2011).

² См.: Заявление гендиректора ФАО Ж. Диуфа. URL: <http://www.prime-tass.ru> (дата обращения: 25.01.2011).

³ См.: Комментарий. Д. Медведев: «Деревню не потеряем». URL: <http://www.AgroNews.ru> (дата обращения: 28.12.2010).

⁴ Пресс-конференция министра сельского хозяйства РФ Е. Скрынник. URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 23.12.2010).

⁵ См.: Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 5, ст. 502.

⁶ См.: Козырь М.И. Назревшие вопросы правового обеспечения развития агропромышленного комплекса (АПК) Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2010. № 2. С. 5.

⁷ См.: Файзуллин Г.Г. Современные организационно-правовые основы государственного управления продовольственным рынком // Аграрное и земельное право. 2010. № 3. С. 21–22.

⁸ См.: Воронин Б.А. Система управления сельским хозяйством в Российской Федерации: состояние, проблемы совершенствования // Аграрное и земельное право. 2010. № 5. С. 26–27.

⁹ См.: Козырь М.И. Аграрное право России: состояние, проблемы и тенденции развития. М., 2008. С. 250.

¹⁰ См.: Воронин Б.А. Аграрно-правовая наука и ее роль в правовом регулировании сельскохозяйственной деятельности // Аграрное и земельное право. 2010. № 4. С. 6.

¹¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1, ч. 1, ст. 27; 2008. № 24, ст. 2796; № 30, ч. 2, ст. 3616; № 49, ст. 5748; 2009. № 1, ст. 26; 14, ст. 1581; № 30, ст. 3735.

¹² См.: Воронин Б.А. Аграрно-правовая наука и ее роль в правовом регулировании сельскохозяйственной деятельности // Аграрное и земельное право. 2010. № 4. С. 7.

¹³ См.: План мероприятий по реализации положений Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: утвержден распоряжением Правительства РФ от 17 марта 2010 г. № 376-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 12, ст. 1401.

¹⁴ Утверждены распоряжением Правительства РФ от 25 октября 2010 г. № 1873-р. См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 45, ст. 5869.

¹⁵ Утверждена распоряжением Правительства РФ от 30 ноября 2010 г. № 2136-р. См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 50, ст. 6748.

¹⁶ Утверждены приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 2 августа 2010 г. № 593н. См.: Российская газета. 2010. 15 окт.

¹⁷ Утверждена постановлением Правительства РФ от 12 августа 2008 г. № 606. См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 34, ст. 3917; 2010. № 28, ст. 3711.

¹⁸ URL: <http://www.rad.ru> (дата обращения: 20.06.2010).

И.А. Новицкая*

ИМУЩЕСТВЕННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОЦЕНЩИКА

В силу положений ст. 4 Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (с изм. от 28 декабря 2010 г.) оценщик должен являться членом одной из саморегулируемых организаций оценщиков.

В соответствии с ч. 12 ст. 13 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (с изм. от 27 июля 2010 г.) саморегулируемая организация в соответствии с федеральными законами в пределах средств компенсационного фонда саморегулируемой организации несет ответственность по обязательствам своего члена, возникшим в результате причинения вреда вследствие недостатков произведенных членом саморегулируемой организации товаров (работ, услуг).

Согласно ст. 24.6 Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (с изм. от 28 декабря 2010 г.) убытки, причиненные заказчику, заключившему договор на проведение оценки, или имущественный вред, причиненный третьим лицам вследствие использования итоговой величины рыночной или иной стоимости объекта оценки, указанной в отчете, подписанном оценщиком или оценщиками, подлежат возмещению в полном объеме за счет имущества оценщика или оценщиков, причинивших своими действиями (бездействием) убытки или имущественный вред при осуществлении оценочной деятельности, или за счет имущества юридического лица, с которым оценщик заключил трудовой договор.

В целях обеспечения имущественной ответственности членов саморегулируемой организации перед заключившим договор на проведение оценки заказчиком и (или) третьими лицами саморегулируемая организация оценщиков обязана предъявлять к своим членам требования об использовании следующих видов обеспечения такой ответственности:

заключение договора обязательного страхования ответственности оценщика при осуществлении оценочной деятельности, размер страховой суммы в котором не может быть менее 300 тыс. руб.;

формирование компенсационного фонда саморегулируемой организации оценщиков, в который каждым членом должен быть внесен обязательный взнос в размере не менее 30 тыс. руб.

Объектом страхования по договору обязательного страхования ответственности оценщика при осуществлении оценочной деятельности являются имущественные интересы, связанные с риском ответственности оценщика (страхователя) по обязательствам, возникающим вследствие причи-

---

* Новицкая Ирина Александровна — консультант юридического отдела Комитета по управлению имуществом Администрации городского округа — город Камышин Волгоградской области, магистрант ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

нения ущерба заказчику, заключившему договор на проведение оценки, и (или) третьим лицам.

Страховым случаем по договору обязательного страхования ответственности является установленный вступившим в законную силу решением арбитражного суда или признанный страховщиком факт причинения ущерба действиями (бездействием) оценщика в результате нарушения требований федеральных стандартов оценки, стандартов и правил оценочной деятельности, установленных саморегулируемой организацией оценщиков, членом которой состоял оценщик на момент причинения ущерба.

В случае наступления страхового случая страховщик производит страховую выплату в размере причиненного заказчику и (или) третьему лицу реального ущерба, установленном вступившим в законную силу решением арбитражного суда, но не более чем в размере страховой суммы по договору обязательного страхования ответственности.

Страховой тариф по договору обязательного страхования ответственности может определяться страховщиками в зависимости от стажа осуществления оценочной деятельности оценщиком, количества предыдущих страховых случаев и иных влияющих на степень риска причинения ущерба обстоятельств.

Контроль за осуществлением своими членами обязательного страхования ответственности проводится саморегулируемой организацией оценщиков, которая вправе устанавливать дополнительные, не противоречащие законодательству РФ требования к договорам обязательного страхования ответственности, заключаемым членами такой саморегулируемой организации оценщиков.

Компенсационным фондом саморегулируемой организации оценщиков является обособленное имущество, принадлежащее саморегулируемой организации оценщиков на праве собственности и первоначально формируемое исключительно в денежной форме за счет обязательных взносов ее членов.

Основанием для обращения взыскания на компенсационный фонд считается установленный решением арбитражного суда или признанный страховщиком факт наступления страхового случая по договору обязательного страхования ответственности.

Требование о получении компенсационной выплаты за счет компенсационного фонда может быть предъявлено к саморегулируемой организации оценщиков только в случае совпадения следующих условий:

для возмещения ущерба, причиненного оценщиком, недостаточно средств, полученных по договору обязательного страхования ответственности;

оценщик отказался удовлетворить требование заказчика или третьего лица о возмещении ущерба либо заказчик или третье лицо не получили от него в разумный срок ответ на предъявленное требование.

Требование о возмещении ущерба за счет компенсационного фонда может быть предъявлено к саморегулируемой организации оценщиков, членом которой является или являлся оценщик на момент причинения ущерба.

На компенсационный фонд не может быть обращено взыскание по обязательствам саморегулируемой организации оценщиков, а также по обязательствам членов саморегулируемой организации оценщиков, если возникновение таких обязательств не связано с осуществлением регулируемого ею вида деятельности.

Размер компенсационной выплаты за счет компенсационного фонда по требованию или требованиям заказчиков либо третьих лиц к одному оценщику по одному страховому случаю не может превышать 5 млн руб.

С 1 октября 2011 г. вступают в силу положения ст. 24.6 Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», согласно которым саморегулируемая организация оценщиков, экспертом или экспертами которой подготовлено и утверждено в порядке, установленном внутренними документами саморегулируемой организации оценщиков, положительное экспертное заключение, несет солидарную ответственность за убытки, причиненные заказчику, заключившему договор на проведение оценки, или имущественный вред, причиненный третьим лицам действиями (бездействием) оценщика или оценщиков вследствие установленного судом нарушения требований федеральных стандартов оценки, стандартов и правил оценочной деятельности. Саморегулируемая организация оценщиков, возместившая убытки или имущественный вред, имеет право регресса к эксперту или экспертам саморегулируемой организации оценщиков.

Возмещение заказчику оценки и (или) третьему лицу убытков или имущественного вреда, которые установлены вступившим в законную силу решением суда, производится за счет средств компенсационного фонда саморегулируемой организации оценщиков, членами которой являются эксперт или эксперты, в размере не более 1 млн руб.

Саморегулируемая организация оценщиков вправе устанавливать дополнительные требования к имущественной ответственности экспертов саморегулируемой организации оценщиков.

Для лиц, включенных в состав экспертных советов саморегулируемых организаций оценщиков решениями органов управления саморегулируемых организаций оценщиков до 31 декабря 2010 г. (дня вступления в силу Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 431-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об оценочной деятельности в Российской Федерации” и статью 5 Федерального закона “О внесении изменений в Федеральный закон “Об оценочной деятельности в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации”»), вышеуказанные положения будут применяться с 1 июля 2012 г.

**ПО МАТЕРИАЛАМ КРУГЛОГО СТОЛА
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА,
ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ»
к 80-летию СЮИ-СГАП**

О.Ю. Рыбаков
Вступительное слово

О.Ю. Рыбаков*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые коллеги!

2011 год — юбилейный для Саратовской государственной академии права. Нашему вузу исполняется 80 лет! Проведение сегодняшнего «круглого стола» мы посвящаем этой дате и желаем всему коллективу Академии процветания и удачи, дальнейших успехов в работе, новых научных, творческих побед!

Стало доброй традицией ежегодно проводить в Саратовской государственной академии права «круглые столы», обращенные к актуальным проблемам истории права и государства, истории правовой мысли. Наше сегодняшнее мероприятие уже третье по счету и мы убедились в его важности, прежде всего, с точки зрения обоснования историко-правовых позиций в науке. Фактически в последние годы произошло становление новой научной школы, объединяющей в себе теоретико-правовые и историко-правовые подходы в изучении важнейших вопросов права и государства. **Проблемы взаимоотношения личности, государства, правовой политики в государственно-правовой мысли России и Запада** стали центральными для большинства ученых. Весьма положительно, что научная проблематика находит свой «выход» как в публикациях периодических изданий, монографических исследованиях, так и в защите научно-квалификационных работ.

Назову лишь некоторые направления уже состоявшихся диссертаций: Изучение юридической ответственности государства перед личностью в истории политических учений (кандидат юридических наук Ю.А. Музыканкина);

---

* Рыбаков Олег Юрьевич — проректор по научной работе ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор.

Исследование государственно-правового учения Г.Ф. Шершеневича (кандидат юридических наук Т.А. Желдыбина), правовых идей Л.И. Петражицкого, затрагивающих вопросы правовой политики (кандидат юридических наук Л.С. Золотарева); Взгляды Н.Н. Алексеева на взаимодействие государства, власти, личности (кандидат юридических наук И.Н. Судоргина); Вопросы правовой охраны материнства и детства как первый шаг в осмыслении гуманистических основ права и его роли в решении крупных социальных задач государства в советский период, их новое видение (кандидат юридических наук О.С. Ростова). На стыке теории и истории права было выполнено исследование правовой политики в сфере прокурорского надзора в Советском государстве и современной России (кандидат юридических наук П.Н. Родина).

Весьма содержательными представляются научно-квалификационные работы, посвященные картельному праву Германии (кандидат юридических наук К.В. Чилькина); правовому регулированию брачных отношений в Бельгии (кандидат юридических наук Н.В. Дородонова).

Заслуживает внимания научно-квалификационная работа, в которой исследуется правовая политика в сфере здравоохранения и правовой охраны здоровья населения в Советском государстве (Д.В. Егорова).

В настоящее время продолжается активное изучение проблем истории права и государства, правовой и политической мысли, отражающих развитие вышеупомянутой научной школы. Причем, что очень важно, многие ее представители уже сами успешно руководят научными исследованиями. На кафедре истории государства и права Саратовской государственной академии права осуществляется подготовка не только кандидатских, но и докторских диссертаций.

Тематика нашего «круглого стола» разнообразна: это и обозначенная проблематика, и новые историко-правовые, теоретико-правовые направления и подходы в исследованиях.

Круг наших интересов, хотя и определен сформированной научной школой, в то же время он весьма разнообразен. Заявленные темы выступлений находятся в центре историко-правовой науки, что само по себе ценно. Тематика «круглого стола» особенно актуальна в свете современного понимания данных проблем. Мы по-прежнему изучаем правовые трансформации, преобразовательные процессы, происходящие в России в различные исторические периоды, ищем новые подходы в историко-правовом осмыслении отношений человека и государства, стараемся объяснить их с точки зрения исторического генезиса, законодательного оформления.

Одной из центральных тем «круглого стола» является правовая политика. Очень важно показать, что правовая политика как форма организации научного знания (научная теория) сформировалась на рубеже XX—XXI вв. Однако этому событию предшествовала длительная история. Как представляется, политика в области создания норм права, их применения зародилась в период античности, расцвета Древнегреческого государства, когда к ней стали относиться как к социальной действительности, форме выражения интересов правящих элит. В период становления и развития юриспруденции в Древнем Риме правовая политика обретает новый смысл — право начинает играть

самостоятельную государственную роль. Формирование основных, первоначальных понятий юриспруденции инициирует усилия создателей норм права на логичные, взаимосвязанные действия, которые в свою очередь отражают определенные интересы правящих и (или) имущих. Правовая политика как явление политико-правовой действительности существует именно с древнейших времен. В дальнейшем с появлением и развитием идей разделения властей, правового ограничения единовластия, народного суверенитета и многих других открытий в области права и государства, направленных в конечном счете на достижение справедливости общественного устройства, можно констатировать новую внутреннюю природу правовой политики. Она становится системной, целенаправленной, правомерной, научно обоснованной.

Правовая политика многолика и неоднозначно оценивается учеными различных периодов, но она, безусловно, имеет право на существование. Правовая политика не отменяет и не подменяет право, правовые нормы, отлична от правовой культуры, идеологии, имеет самостоятельное выражение, формы, направления.

Внимание к правовой политике объясняется стремлением современных авторов представить реконструкцию исторических государственно-правовых трансформаций с позиций поиска системной и целенаправленной деятельности. И если мы не получаем логичного, последовательного решения государственно-правовой задачи (будь то создание законов, их систематизация) со стороны субъектов властеприменения, тогда и оценивать усилия этих субъектов необходимо с учетом факторов, прямо не отражающих государственные подходы. Не думаю, что лишь правовая политика есть выражение и отражение справедливости в позитивном праве, критерий обдуманых и мудрых государственных решений. Но она в меру своего местоположения в правовых системах объективно способствует отлаженной, организованной, правомерной деятельности в области создания и применения норм права.

Желаю участникам «круглого стола» плодотворной работы!

М.Н. Лядащева-Ильичева*

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ В 1649 ГОДУ — ОКТЯБРЕ 1917 ГОДА

В рамках историко-правового исследования закономерностей становления и развития гражданско-правовых отношений особый интерес представляет понимание правовой политики в качестве комплекса меропри-

---

* Лядащева-Ильичева Марина Николаевна — доцент кафедры истории государства и права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», кандидат юридических наук.

ятий, представляющих собой совокупность действий, объединенных единой социально значимой целью, и влекущих юридические последствия, направленные на преобразования правовой действительности в конкретной сфере общественной жизни.

Правовая политика как деятельность по осуществлению стратегических целей и тактических задач государства связана с множеством факторов различного порядка и уровня. Становление и развитие правовой политики выражается в принципах, целях законодательства и приоритетах создания и реализации правовых норм и институтов¹. Как научная теория она может рассматриваться в качестве теоретико-методологической основы историко-правовых исследований деятельности государственной власти в сфере регулирования гражданско-правовых отношений, что призвано способствовать выявлению и изучению закономерностей и этапов их становления и развития в рамках системы права².

Правовая политика показывает перспективы, пути (основные направления) совершенствования законодательства³. По мнению С.В. Полениной, при всем многообразии характеристик и определений она воспринимается в первую очередь как политика законотворческая, затем как политика законоприменительная и законинтерпретационная. Будучи законодательно закрепленной, правовая политика приобретает наиболее ясную и доступную для общества форму. В процессе реализации правовой политики можно наблюдать переход от одной ее формы к другой.

Законотворческая политика закрепляет цели правовой регламентации и средства их достижения. Оптимальные пути их осуществления с использованием закрепленных в законе средств видятся на уровне законоприменительной и законинтерпретационной политики.

По мере развития общественных отношений возникает потребность в совершенствовании действующего законодательства и уточнении соответствующей законотворческой политики⁴.

Изучая «определение и основное разделение права» С.А. Муромцев напишет во второй половине XIX в., что «гражданско-правовая политика определяет цели и приемы, которыми должны руководствоваться гражданский законодатель и судья. На основании ее узаконений следует догма гражданских правоопределений, которая излагает действующие в стране правоопределения в таком виде и по такой системе, которые прямо отвечают требованиям гражданско-судебной политики»⁵.

Цель, задачи, признаки, основные направления и формы выражения правовой политики в сфере регулирования гражданско-правовых отношений проявляются и претерпевают изменения в процессе систематизации российского законодательства с середины XVII до начала XX в.

Осуществляя реконструкцию динамики гражданско-правовых отношений в России, необходимо учитывать, что смысловая нагрузка понятий «гражданский закон» и «гражданское право» изменялась в рамках эволюции правопонимания (естественно-правовой, исторической и позитивист-

ской трактовки права). Становление институтов гражданского права отражает сложный и противоречивый процесс формирования цивилистики как науки. Формирование системы гражданских законов происходило в рамках действующего законодательства. Однако эти процессы не получили своего логического завершения вплоть до октября 1917 г., т. к. динамика формирования и развития гражданско-правовых отношений в России постоянно требовала от законодателя принятия новых нормативных актов.

Термин «гражданские законы» в российском законоведении употреблялся в широком смысле слова как обширный круг законов, определявших права и обязанности в отношении отдельных лиц друг к другу и в отношениях между отдельными лицами и государством. Иногда этот термин употреблялся в узком смысле как часть законодательства, определявшего и охранявшего права и обязанности частных лиц в отношении их друг к другу⁶.

По мнению М.М. Сперанского, к законам гражданским принадлежали все законы, определявшие права гражданские: законы союзов семейственных; общие законы об имуществах (законы гражданские и межевые); особенные законы об имуществах, обозначаемые по главной цели под именем законов государственного благоустройства или экономии.

С точки зрения М.М. Сперанского, гражданскими законами следовало признавать: законы о порядке взысканий по делам бесспорным; законы судопроизводства общего гражданского и особенного межевого и торгового; законы о мерах гражданских взысканий⁷.

Деятельность по систематизации гражданского законодательства в России в 1649 — октябре 1917 г. осуществлялась преимущественно с целью систематического изложения действующих законов.

Основная задача правовой политики в сфере регулирования гражданско-правовых отношений в России в 1649—октябре 1917 г. состояла, прежде всего, в унификации общих и особенных гражданских законов. Формами выражения правовой политики в сфере регулирования гражданско-правовых отношений в России являлись действующие законы, а также судебная практика, призванная их разъяснять.

В качестве научного критерия в исследовании основных направлений правовой политики в сфере регулирования гражданско-правовых отношений в России в 1649 — октябре 1917 г. взята эволюция формальной стороны права, т. к. закономерности их становления и развития проявляли себя в процессе его систематизации. Исходя из этого, можно разграничить следующие этапы становления и развития системы гражданских законов:

I этап — 1649—1700 гг. — в Соборном уложении 1649 г.⁸ и новоуказных статьях законодатель стремится систематически изложить правовые нормы и институты, восполняя тем самым пробелы и устраняя противоречия в действующем законодательстве;

II этап — 1700—1833 гг. — в многочисленных нормативных актах просматривается эволюция формы закона; становление правовых институтов проявляет себя в рамках разрозненных, а также в самостоятельных норма-

тивных актах, получивших систематическое изложение в форме инкорпорации — Полное собрание законов РИ 1830 г.

III этап — 1833—октябрь 1917 г. — законодатель сделал выбор в пользу идеи поэтапной систематизации российских гражданских законов: инкорпорации и консолидации; систематизации правовых норм в рамках Свода законов РИ по институтам права с целью их постепенных преобразований.

Процесс систематизации гражданских законов осложнялся особенностями и динамикой становления и развития политического и общественного строя; противоречивостью основных начал (идей, принципов) действующего законодательства; казуистичностью, хаотичностью, противоречивостью, бессистемностью законодательства; нехваткой финансовых средств, направленных на обеспечение законодательной деятельности; недостаточной численностью чиновников, хорошо знавших российские законы, и т. д.

Формирование правовой политики в сфере регулирования гражданско-правовых отношений осуществлялось в России в 1649—1833 гг. в следующих направлениях: 1) регламентация нарождающихся общественных отношений при помощи принятия новых нормативных актов и создание на их основе хронологических реестров или собрания законов; 2) ревизия отдельных правовых институтов в частных комиссиях, действовавших в составе законодательных комиссий XVIII — первой трети XIX в.; 3) систематическое изложение Сводов действующих законов (сводных уложений); 4) попытки создания новых уложений, призванных заменить собой архаичное Соборное уложение 1649 г., и нормативные акты, дополнявшие и разъяснявшие его до 1833 г.

В 1833 — октябре 1917 г. в рамках идеи поэтапной систематизации российский законодатель осуществлял: 1) регулирование общественных отношений при помощи принятия новых нормативных актов, в форме инкорпорации в рамках Полного собрания законов РИ в трех редакциях (1830 г., 1881 г., 1913 г.); 2) ревизию действующего Свода гражданских законов ч. I Т. X Свода законов РИ; 3) преобразования отдельных правовых институтов или разделов гражданских законов (например, кн. IV «Об обязательствах» Свода гражданских законов ч. I Т. X Свода законов РИ); 4) попытки кодификации гражданского законодательства (работа над созданием и принятием проекта Гражданского уложения или введением в действие только его кн. V «Об обязательствах»).

Итак, в процессе систематизации российских гражданских законов в 1649 — октябре 1917 г. чиновники сталкивались с проблемой непримеримых социальных противоречий, нашедших выражение в диссонансе правовых идей, принципов и институтов.

¹ См.: Рыбаков О.Ю. Личность и правовая политика в Российском государстве. Саратов, 2003. С. 15–16.

² См.: Рыбаков О.Ю., Юрьева Ю.С. Правовая политика: сущность, основные черты // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 6 (70). С. 21.

³ См.: Рыбаков О.Ю. Указ. соч. С. 22.

⁴ См.: Поленина С.В. Законотворческая политика // Правовая политика России: теория и практика / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2006. С. 219.

⁵ Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 14–15.

⁶ См.: Неволлин К.А. История российских гражданских законов. Т. 1: Введение и книга первая о союзах семейственных. СПб., 1851. С. 1–7.

⁷ См.: Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 155–157.

⁸ См.: ПСЗ РИ. I. Т. I. № 1: Соборное уложение 1649 года.

Ю.А. Музыканкина*

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА ПЕРЕД ЛИЧНОСТЬЮ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

В соответствии со ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью¹. Российская Федерация как социальное правовое государство возложила на себя конституционную обязанность по обеспечению приоритета прав и свобод человека по отношению к иным социальным ценностям. Реализация данных положений Конституции возможна только при наличии соответствующего правового ресурса, на формирование которого влияет правовая политика преимущественно самого государства. Она является наиболее актуальным в конкретно-историческом плане и в аспекте решения перспективных задач современности универсальным и комплексным средством эффективной защиты прав и свобод личности².

Правовая политика государства, формируя систему приоритетов в данном направлении юридической деятельности, основывается, прежде всего, на принципе взаимной ответственности государства и индивида. Стоит отметить, что одним из оснований, приведших к кризису правосознания, стало неверие граждан в эффективность института ответственности государственной власти. Поэтому не случайно на современном этапе в различных отраслях юридического знания возрастает интерес к вопросам правовой политики государства в сфере его ответственности перед личностью.

Одним из факторов, определяющих правовую политику государства в сфере его ответственности, являются соответствующие правовые теории, анализ которых позволяет конструировать модели правореализационного процесса и предугадывать развитие юридических ситуаций в будущем.

Так, например, юридическому оформлению, в частности конституционному закреплению приоритета прав и свобод личности, способствовала доктрина о естественных и неотъемлемых правах человека. Кроме того, в рамках этой доктрины впервые были сформулированы положения о том, что государство, будучи порождением воли свободных лиц, имеет перед ними определенные обязательства. Только ограниченная законом власть характеризуется устойчивостью, постоянством, полезностью; для соблю-

* Музыканкина Юлия Александровна — доцент кафедры истории государства и права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», кандидат юридических наук.

дения интересов отдельной личности возможно установление ограничений вмешательства государственной власти в частные дела, а за их нарушения государство несет ответственность.

Развитие данной доктрины способствовало усовершенствованию правовой политики государства в сфере его ответственности. Так, к началу XIX в. практически все европейские государства обладали нормативным актом, провозгласившим неприкосновенность личности, ее жилища, корреспонденции и т.п.³ И несмотря на то, что в большинстве случаев подобное провозглашение носит сугубо декларативный характер и не имеет под собой юридически четко определенной процедуры привлечения к ответственности за нарушение соответствующих предписаний, мы не можем не отметить то, что развитие теории о неотъемлемых правах человека оказало положительное влияние на формирование правовой политики Европейских государств.

В частности, упоминание о дополнительной юридической регламентации механизма реализации ответственности содержится, например, в ст. 8 Конституции Бельгии, в Конституции Греции 1864 г.⁴

В XIX в. в науке уже бесспорным признавалось положение, что государство является единым в силу юридической организации, которая дана ему людьми. Эта организация выводит государство на степень юридического единства в том смысле, что делает его воле- и дееспособным целым. Оно создает органы, естественная воля и деятельность которых, выраженная в юридических формах и осуществляемая в определенных юридических границах, признается юридической волей и действиями государства как целого. Такое отношение позволяет в распоряжениях конкретного должностного лица усматривать не желание добиться чего-либо как частного лица, а веления самого государства. В деятельности государственных органов отражена не деятельность тех или других физических лиц, а деятельность государства.

Стало очевидно, что вопросы ответственности могут быть рассмотрены лишь с учетом обратной, двусторонней связи, при которой происходит столкновение интересов государства и личности, поскольку реализуют они их в одном правовом пространстве. Безусловно, предметно рассуждать о юридической ответственности государства перед личностью становится возможным лишь после научного признания за государством статуса воле- и дееспособного субъекта, вступающего в различного рода отношения с личностью. Только после этого возможно четко определить права и обязанности каждого из субъектов, а на основании этого уже вести речь о возможной ответственности за несоблюдение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей.

В Новое время в науке более четко стали формулировать цели создания государства, что позволило отойти от абстрактного «общего блага», в связи с чем становится возможным говорить о границах субъективного произвола власти, т.к. ясна ее компетенция. Рассуждая о свободе личности, мыслители постепенно приходят к идее ограничения известными юридическими рамками государства и его представителей. В правовой науке нельзя отметить какого-то резкого прорыва во взглядах на эту проблему. Генезис идей о юридической

ответственности государства насчитывает не одно столетие. Прослеживается четкая взаимосвязь и последовательность в развитии идей о государстве, личности, проблем свободы как со стороны личности, так и со стороны властей и как итог подобных размышлений — рождение института юридической ответственности государства. Государство и личность образуют некую целостную систему, конституированную на началах свободы и права.

Намечается переход от определения границ проникновения власти от форм правления к обеспечению гарантированных прав и свобод посредством обеспечения законности и справедливости законов.

Таким образом, с осмыслением содержания прав и свобод личности приходит осознание необходимости юридического закрепления гарантий от каких-либо посягательств. Размышления о гарантиях порождают идеи о разделении властей, о народном суверенитете, о конституциях и законах; правовые предпосылки взаимодействия всех частей государства и личности в целом.

Свободная личность в государстве — это личность, действующая со знанием и учетом объективных ограничений, по собственному волеизъявлению и в условиях выбора возможностей, а не по принуждению. Независимо от политического режима и формы правления за государством всегда сохраняется определенный объем свободы. И чем больше ее у государства, тем меньше ее будет у личности. Поэтому необходима мера свободы государственной власти, которой определяется и задается мера его ответственности. Правовая политика государства призвана сформировать систему гарантий каждой личности в беспрепятственном осуществлении принадлежащих ей прав и свобод.

¹ См.: Конституция Российской Федерации. М., 1994.

² См.: Рыбаков О.Ю. Право, отчуждение и согласие в современном Российском государстве. М., 2009. С. 179.

³ См., например: Конституции Болгарии, Греции, Германии, Франции, Румынии, Бельгии // Собрание конституционных актов. М., 1906.

⁴ См.: Там же.

С.В. Тихонова*

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Правовая политика является неотъемлемым направлением деятельности современного государства и общества. Представляя собой прогностическую, инновационную интеллектуальную деятельность, она выступает основой правового воздействия на общественные отношения, управления ими. Как справедливо отмечает О.Ю. Рыбаков, «правовая политика создает условия для обретения каждой личностью такого уровня правопо-

* Тихонова Софья Владимировна — доктор философских наук, профессор кафедры истории государства и права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

го сознания, который необходим для осуществления ее юридической защиты. Высокий уровень правового сознания располагает личность к защите своих прав, т.е. выступает субъективным фактором в ее взаимодействии с правом»¹. В целом уровень правового сознания зависит от социальной активности личности, от консолидированности личных жизненных стратегий граждан и целей правовой политики. Поскольку правовая политика оперирует телеологическими суждениями, ее успехи и неудачи зависят от качества научной обоснованности ее программ и концепций. Кроме того, эффективность ее реализации определяется уровнем социального согласия. Нынешняя эпоха, обозначаемая в социогуманитарных науках как эпоха глобализации, характеризуется интенсивными процессами информатизации: использование информационно-коммуникационных технологий становится важнейшей детерминантой политического, экономического и социального развития планетарного сообщества. Обозначенные процессы влияют как на общественное, так и на индивидуальное сознание, порождают новые конфликты и противоречия и предъявляют новые требования к социальному управлению и правовому регулированию.

Как отмечают отечественные ученые, специфика глобализации в правовой сфере состоит в том, что этот процесс проявляется и прослеживается в той или иной степени во всех структурных частях правовой системы страны, которая охватывает все ее компоненты как статической, так и динамической направленности². Речь идет в первую очередь о нормативной правовой базе, а также системе источников права и их соотношении. Кроме того, процесс глобализации проявляется также в ходе правотворчества и правоприменения, поскольку динамизм правовой системы обеспечивается, с одной стороны, механизмом социальной обусловленности правотворческой деятельности, а с другой — социальными факторами правореализации. Очевидно также, что глобализация оказывает не меньшее воздействие на правосознание людей.

В современном обществе одной из важнейших гарантий развития, соблюдения и защиты любых универсальных прав человека является информация и информационные права личности. Возможность индивида в мировом масштабе пользоваться правом свободно искать, получать и распространять информацию служит основой развития демократии и безопасности в условиях влияния пропаганды³. В этой связи все большее значение приобретают информационные права личности, связанные с этим процессом, их реализация и защита. Постепенно они трансформируются в идею фундаментального человеческого «права на коммуникацию», которая начинает все более и более притягивать к себе внимание ученых, юристов-международников и политиков⁴.

Наступает время усиления коммуникационной доминанты правовой политики, обеспечивающей влияние на общественные отношения. Фактически эффективность правовой политики в новых условиях не в последнюю очередь зависит от социальной среды и уровня развития коммуникационного пространства. Оно выступает особой формой бытия человека, в рамках ко-

торой реализуются возможности организации социальных связей и взаимодействий индивидов посредством коммуникации. Представляя собой структуру социально-онтологического характера, коммуникационное пространство обеспечивает связь между человеческими общностями, накопление и передачу социального опыта, его обогащение, разделение труда и обмен его продуктами, организацию совместной деятельности, трансляцию культуры.

За период Нового времени изобретение и распространение новых средств коммуникации, начиная от книгопечатного станка Гуттенберга и заканчивая социальными сетями XXI в., породило специфические зоны в коммуникационном пространстве, включающие в себя характерные коммуникационные системы и структуры, концентрирующие трансляцию и хранение конкретных видов социальной информации, имеющие разное значение для процессов общественного воспроизводства, в первую очередь, для социального управления. Распределение такой информации не является жестким. Она дублируется в существующих зонах. Возникновение зоны коммуникационного пространства, интенсифицирующей коммуникационные процессы, приводит к появлению новой конфигурации социального пространства, связанной с изменением количества и качества социальных субъектов.

Таким образом, коммуникационное пространство современной цивилизации определяется наличием в его структуре двух доминирующих зон: массовой и сетевой коммуникации. Массовая коммуникация предполагает линейный односторонний процесс передачи информации (одно сообщение для многих адресатов), где у потребителя чаще всего только пассивная роль, и где информационное воздействие носит пропагандистский характер. Сетевая коммуникация опирается на двусторонний процесс, где и генератор, и получатель информации обладают активными, формирующими коммуникацию ролями и предполагают постоянное взаимодействие между узлами (глобальными или локальными) информационных сетей.

Уровни коммуникативного пространства определяют две стратегии социального бытия, вызывающие к жизни космополитичные и локальные формы жизненного пространства человека. Первые связаны с национальными культурами, трансформированными модернизацией и консумеризмом в культуры массовые. Вторые концентрируются «вокруг потоков капитала, потоков информации, потоков технологии, потоков организационного взаимодействия, потоков образов, звуков и символов, доминирующих в процессах нашей экономической, политической и знаковой жизни» (М. Кастельс).

В итоге на планетарном уровне фиксируется противоречивая тенденция: с одной стороны, оперирование информацией, основанное на новых принципах, приводит к развитию индивидуального начала, увеличению коммуникативных возможностей, резко расширяет возможности личности в конструировании своего жизненного пространства. С другой стороны, доступ к сетевым технологиям весьма ограничен ввиду отсутствия у большинства населения планеты необходимых навыков и материальных ресурсов и распространяется на 5–10% населения от общего числа жителей

Земли. Поэтому перспективы реализации социальной активности в сетевом обществе для большинства людей остаются весьма туманными. Все это чревато формированием двух больших социальных групп, разделенных по принципу доступа (недоступа) к информационным технологиям. Люди, использующие сетевые технологии, реализующие глокальный проект второго модерна, постепенно становятся элитой формирующегося глобального космополитического общества. При этом открытым остается вопрос о взаимодействии этого «просвещенного» меньшинства и остальной части населения Земли. Либо этот класс сумеет консолидировать население планеты на основании новых гуманитарных ценностей, использовании новых технологий и открытом принципе формирования элиты, либо, монополизируя основную часть ресурсов и используя их в своих интересах, элита будет формироваться по закрытому принципу, налагая ценз на использование информационных технологий на благо населения Земли.

В этих условиях возрастает значение правовой политики как инструмента обеспечения прав и свобод личности, инструмента поддержания социального согласия. Если перед государственной политикой стоит задача формирования единого информационного пространства России и обеспечение ее вхождения в мировое информационное пространство⁵, то насущной задачей правовой политики становится формирование единых начал бытия коммуникационного пространства, призванных обеспечить гуманизацию социального пространства через гуманизацию права.

¹ Рыбаков О.Ю. Личность. Права и свободы. Правовая политика. М., 2004. С. 136.

² См.: Поленина С.В., Гаврилов О.А., Колдаева Н.П., Лукьянова Е.Г., Скурко Е.В. Правовая политика в условиях глобализации // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. №1. С. 29.

³ См.: Савельев Д.А. Права человека в области информации (международно-правовые аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Петрозаводск, 2002. С. 8.

⁴ См.: Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004. С. 593.

⁵ См.: Копылов А.В. Государственная политика в области формирования информационного общества // Информационное право. М., 2002. С. 18.

З.С. Байниязова*

ФОРМИРОВАНИЕ КОНСОЛИДИРОВАННОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ КАК ОДИН ИЗ ПРИОРИТЕТОВ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Одним из приоритетов правовой системы России должно быть формирование консолидированной правовой политики. В условиях XXI в. правовая политика выполняет одну из основополагающих функций в регулировании общественных отношений, так же как и правовая система, она является од-

* Байниязова Зульфия Сулеймановна — докторант ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», кандидат юридических наук, доцент.

ним из важнейших факторов укрепления правовой государственности. Однако ее воздействие на общественные отношения на современном этапе недостаточно качественно, эффективно в силу отсутствия у нее консолидации и в этой связи возникает необходимость ее сплочения и упрочения.

Российская правовая политика должна быть качественно определенной, иметь четкие параметры развития. Одним из таких параметров выступает *консолидация*, которая прокладывает путь развитию правовой политики в качественном направлении, придает ей правовую устойчивость. Правовые интересы Российского государства выражаются в обеспечении его консолидированной правовой политики. Государству следует уделять повышенное внимание состоянию правовой политики, которое должно отвечать интересам национального развития.

Консолидация правовой политики — это процесс, направленный на разработку критериев, целей, средств, механизмов ее сплоченного формирования и осуществления. Без установления данных параметров невозможно выстроить системный алгоритм ее консолидации. Формирование консолидированной правовой политики предполагает, прежде всего, разработку ее концептуальных основ, включающих в себя представления о ее понятии, сущности, принципах, результатах. Особенно важным является определение целевого параметра, выступающего одним из основных критериев обеспечения ее консолидации.

Правовая политика в консолидированном качестве способна намного эффективнее осуществлять правовое регулирование общественных отношений, нежели при отсутствии такового. Консолидированная правовая политика — это форма внутреннего сплоченного единства правовой политики на институциональном, функциональном, территориальном уровнях ее проявления. При этом консолидированное состояние правовой политики предполагает сплочение ее нравственной, правовой, социальной и иных основ.

На наш взгляд, огромное влияние на состояние российской правовой политики оказывает правовая система. Ее характер во многом определяет цели, задачи, направления, содержание правовой политики. Так, если национальная правовая система характеризуется разбалансированностью, то это порождает дезинтегрированную правовую политику на всех уровнях ее проявления, в особенности в правотворчестве, правоприменении и т.д. Правовой дисбаланс, наблюдаемый на федеральном, региональном, муниципальном уровнях правотворческой политики, является результатом отсутствия должной правовой консолидации. Федеральные, региональные и муниципальные органы должны обеспечивать консолидированную правовую политику во всех формах ее проявления. Институты правовой системы России должны быть целенаправленными в формировании именно консолидированной правовой политики. Правовая система должна посредством различных компонентов, входящих в ее структуру, определить правовые механизмы, формирующие *консолидированное качество* правовой политики.

Правовая политика может рассматриваться в качественном ракурсе, если она испытывает консолидирующее воздействие национальной правовой системы. Перед российской правовой системой на современном этапе ее развития стоит проблема формирования консолидированной нормативной основы, регламентирующей правовую политику. Несмотря на действие Указа Президента РФ от 10 августа 2000 г. «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации»¹, до сих пор не создана единая консолидированная нормативная основа осуществления правовой политики.

Единая правовая общность Российского государства выражается именно через взаимодействие правовой системы и правовой политики.

Правовая система и правовая политика современного Российского государства должны быть скоординированы, взаимосогласованы, функционально целенаправлены. Одна из важных начал их тесной взаимосвязи — принцип сбалансированности. Сбалансированное соотношение правовой системы и правовой политики способствует их качественному взаимодействию.

В условиях динамично развивающихся общественных отношений необходимо выработать оптимальные правовые решения, направленные на решение задач, стоящих как перед правовой системой, так и перед правовой политикой. Сегодня эффективное правовое реформирование невозможно представить без механизмов оптимального функционирования правовой системы и правовой политики. Очевидно, курс на построение правового государства, цивилизованных основ гражданского общества в России должен проходить с учетом формирования единого пространства, единых основ правовой системы и правовой политики. Должна быть создана доктринальная основа конструктивного взаимодействия правовой системы и правовой политики. Взаимосвязь правовой системы и правовой политики в условиях модернизации Российского государства должна проходить, прежде всего, по линии установления их общей правовой основы, определения общих принципов их развития.

На наш взгляд, актуальность вопроса о соотношении состояний правовой системы и правовой политики во многом определяется решением проблемы формирования консолидированного гражданского общества. Правовая система и правовая политика должны быть целенаправленными в формировании полноценного гражданского общества. Такое возможно при условии консолидирующего объединения правовой системы и правовой политики. Правовая система и правовая политика — взаимосвязанные явления, которые должны быть консолидированы как между собой, так и внутри себя. Такая консолидация позволит эффективнее, оперативнее решать поставленные задачи, осуществлять приоритеты Российского государства.

В формировании эффективной правовой основы гражданского общества должны участвовать институты правовой системы и правовой политики. Консолидированное гражданское общество предполагает диалекти-

ческое сочетание личных, общественных и государственных интересов. В большей степени это относится к интересам личности и государства, что напрямую связано с более широкой проблемой взаимодействия личности и государства. В литературе верно высказывается мысль о необходимости обеспечения координирующих начал во взаимодействии личности и государства. В частности, совершенно справедливым является положение о том, что «государственно-властное влияние на личность непременно должно быть изменено в сторону коммуникативного, координирующего характера такого влияния. С другой стороны, необходима активизация влияния личности на государство»².

Консолидированная правовая политика необходима для реализации стратегии развития гражданского общества, которая составляет, согласно Указу Президента РФ от 12 мая 2009 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»³, национальный интерес Российской Федерации на долгосрочную перспективу.

Правовая система и правовая политика должны взаимодополнять друг друга в достижении приоритетов, стоящих перед ними. Необходимо формировать определенную среду качественного взаимодействия правовой системы и правовой политики. Данные явления должны функционировать в пространстве общих идей, приоритетов, принципов, учений, концепций.

Динамизм и эффективность преобразований в обществе во многом определяется характером взаимосвязи правовой системы и правовой политики. Правовая система и правовая политика в их диалектическом единстве являются правовым измерением реформирования, по их состоянию можно во многом говорить о состоянии правовой организации общественной жизни. Важно придать взаимодействию данных явлений подвижность, направленность в сторону осуществления тех правовых приоритетов, которые стоят перед обществом и государством. Институты правовой системы и правовой политики должны функционировать в едином режиме, прежде всего, в конституционном. Их взаимодействие выступает одним из основных условий совершенствования правовой сферы общества, напрямую влияющее на состояние экономики, социальной сферы.

Взаимодействие правовой системы и правовой политики имеет ключевое значение для эффективного проведения правовых преобразований, для прочной правовой стабильности. Важно развивать системные концептуальные идеи о взаимосвязи правовой системы и правовой политики, которые способствовали бы выражению начал, свойств их качественного развития, что, в свою очередь, будет обеспечивать эффективное политико-правовое развитие государства. Постепенное оформление взаимодействия правовой системы и правовой политики на концептуальном уровне должно стать задачей дальнейшего развития данных явлений, что будет характеризовать их рост, переходы от одного состояния к другому⁴.

Правовая система воплощает приоритеты, принципы правовой политики на практике, позволяет решать разнообразные задачи в правовой

жизни общества. Также правовая система зависит от правовой политики, с помощью которой государство может изменять национальную правовую систему, обеспечивать ее функционирование.

Правовая система и правовая политика должны выступать конструктивными началами в формировании и укреплении основ государственности. Правовая система и правовая политика — это правовые параметры развития общества и государства. Их *консолидированное* сочетание укрепляет правовую основу Российского государства, способствует формированию оптимальной модели правовой организации общественной жизни. Очевидно, что совершенствование взаимосвязи правовой системы и правовой политики — это залог качественного состояния правовой жизни российского общества.

Консолидация выступает системообразующим фактором развития правовых явлений в качественном направлении, позволяет преодолеть их кризисное состояние. Консолидация — это решение проблемы отношений между правовой системой и правовой политикой. Формирование консолидированной правовой политики как одного из приоритетов современной правовой системы России служит необходимой предпосылкой выстраивания стратегии консолидированного правового развития, имеет большое значение для охраны и защиты прав и свобод личности, для повышения эффективности правового регулирования, укрепления законности и правопорядка.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 33, ст. 3356.

² Рыбаков О.Ю. Социальное согласие в России: возможности личности и государства // Правоведение. 2009. № 1. С. 210.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 20, ст. 2444.

⁴ См.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 84.

О.С. Ростова*

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ В 1920-е ГОДЫ

Максимальный рост детской беспризорности в молодом Советском государстве приходился на 1921–1922 гг. По разным данным, число беспризорных составляло от 5 до 7 млн детей¹. Население страны было поставлено в невыносимые условия: голод, безработица, жилищные проблемы. Государственная политика по борьбе с детской беспризорностью не носила системный характер, различные государственные и общественные органи-

* Ростова Ольга Сергеевна — доцент кафедры истории государства и права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», кандидат юридических наук.

зации действовали несогласованно, отсутствовал комплексный подход при выборе форм и методов борьбы с данным негативным явлением.

Следует отметить, что в первые годы существования Советского государства законодательно не был закреплён термин «беспризорный». Он трактовался широко и это осложняло координацию деятельности государственных органов в борьбе с беспризорностью. Только в 1926 г. законодатель даёт понятие «беспризорные дети», к которым стали относить: а) круглых сирот, не имеющих братьев и сестер; б) потерявших связь с родителями и родственниками; в) изъятых постановлением суда и комиссией по делам несовершеннолетних из семей вследствие преступной или порочной жизни их родителей или лиц, у которых они воспитывались, или вследствие злоупотреблений их родительскими правами².

Основным направлением государственной политики того времени было создание сети организаций и учреждений по пресечению беспризорности детей. В 1918 г. создается Комиссия по делам несовершеннолетних, в введение которой передаются «дела о несовершеннолетних обоего пола до 17 лет, замеченных в делах общественно опасных»³.

В 1919 г. создается Совет защиты детей. Одна из его приоритетных задач состояла в том, чтобы сберечь в опасное переходное время подрастающее поколение путем оказания всесторонней помощи детям, которая выражалась в охране их жизни и здоровья, обеспечении продовольствием, эвакуации из голодающих местностей и т.д. Забота государства о голодных детях нашла отражение в ряде законодательных актов: «О фонде детского питания»⁴, «О дополнении декретов “Об усилении детского питания” и “О фонде детского питания”»⁵, «О бесплатном детском питании»⁶.

В 1921 г. после упразднения Совета защиты детей его функции передаются Чрезвычайной комиссии по улучшению жизни детей⁷, к задачам которой относились: оказание помощи детям, в первую очередь беспризорным, путем согласования и объединения деятельности общественных организаций, ведущих борьбу с детской беспризорностью, с деятельностью соответствующих государственных органов, а также содействие в работе этих организаций.

Близко по выполняемым функциям к Комиссии по делам несовершеннолетних стояла Детская социальная инспекция, созданная в 1921 г.⁸, в обязанности которой входила борьба с беспризорностью и правонарушениями несовершеннолетних, защита прав последних. В середине 1920-х гг. произошло значительное расширение функций инспекции, были законодательно определены следующие направления деятельности этой организации: обследование семей, в которых обнаруживались случаи злоупотребления родительской властью, а также семей, имевших чужих детей, в т. ч. патронированных или подопечных; обследование детских учреждений; возбуждение дел против лиц, обвиняемых в преступлениях против детей; привлечение общественности для проведения мероприятий по борьбе с детской беспризорностью⁹.

Важным направлением государственно-правовой политики в борьбе с детской беспризорностью было размещение детей в детские приемники, после чего они направлялись в детские дома, а также организация «рабочего патроната», путем размещения ребенка на патронат в семьи рабочих. В сельской местности было распространено приемничество (принятие во двор, взятие ребенка на воспитание), по существу не отличавшееся от усыновления, которое не было предусмотрено семейным кодексом 1918 г.

Важным шагом реализации государственной политики в данном направлении стало принятие декрета ВЦИК и СНК от 8 марта 1926 г. «Об утверждении Положения о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР». Вся деятельность по организации, общему руководству и проведению в жизнь мероприятий в этой области возлагалась на Наркомпрос РСФСР и наркомпросы автономных республик. Согласно принятому постановлению ЦИК и СНК СССР от 13 августа 1926 г. «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью»¹⁰ меры по борьбе с беспризорностью детей, принимаемые в РСФСР, распространялись и на другие союзные республики. Таким образом, борьба с этим явлением приобрела общесоюзный характер.

На общегосударственном уровне в 1926 г. был принят трехлетний план по ликвидации детской беспризорности¹¹. Учитывая все недоработки в области ликвидации детской беспризорности за предыдущие годы, к основным направлениям дальнейшей борьбы были отнесены: упрочение семьи, совершенствование социальной политики в целом по стране (организация правовой защиты детей, усиление обязанностей родителей по обеспечению своих детей, организация доступной школы для детей беднейшего населения и производственных мастерских для безработных подростков).

Снижению уровня детской беспризорности во многом способствовал ряд постановлений партии и правительства, принятых в 1928 г.: «О борьбе с детской беспризорностью»¹², «О мерах по оказанию материальной помощи детям беднейших семейств»¹³, и «О мероприятиях по подготовке детей и подростков к трудовой общепользующей деятельности»¹⁴. В данный период усилилась борьба с уличной беспризорностью. Акция по борьбе с уличной беспризорностью приобрела массовый характер. На данном этапе, как и ранее, наиболее эффективным методом в ликвидации беспризорности являлось помещение ребенка с улицы в детские учреждения (детские приемники, детские дома), на которые была возложена обязанность по приюту и перевоспитанию беспризорных детей.

Таким образом, государственная политика в отношении беспризорных детей в 20-х гг. прошлого века имеет большое историческое, социальное и культурное значение. Нормативно-правовая база государственной социальной политики в отношении беспризорных детей формировалась на протяжении всего исследуемого периода, проходили постепенные реорганизации управленческих структур государственных органов. Сложность проблемы ликвидации детской беспризорности была вызвана, прежде всего,

слабой экономической базой страны, недостаточным финансированием, отсутствием квалифицированных педагогических кадров. От случайных и в значительной степени бессистемных мер, борьба с этим негативным явлением к середине 20-х гг. стала носить плановый характер и системность.

¹ См.: Чугунов А.И. Органы социалистического контроля РСФСР (1929–1934 годы). М., 1972. С. 429; Рожков А.Ю. Борьба с детской беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 134.

² См.: СУ. 1926. № 19, ст. 143.

³ СУ РСФСР. 1918. № 16, ст. 227; 1920. № 13, ст. 83.

⁴ См.: СУ РСФСР. 1918. № 70, ст. 768.

⁵ См.: СУ РСФСР. 1918. № 81, ст. 857.

⁶ См.: СУ РСФСР. 1919. № 20, ст. 238.

⁷ См.: СУ РСФСР. 1921. № 11, ст. 75.

⁸ См.: СУ РСФСР. 1921. № 66, ст. 506.

⁹ См.: СУ РСФСР. 1926. № 19, ст. 143.

¹⁰ См.: СЗ СССР. 1926. № 56, ст. 407.

¹¹ См.: Трехлетний план борьбы с беспризорностью. М., 1927; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР о плане борьбы с детской беспризорностью // Известия. 1927. 15 июля.

¹² См.: Правда. 1928. 5 апр.

¹³ См.: СУ. 1928. № 44, ст. 330.

¹⁴ См.: СУ. 1928. № 44, ст. 331.

Н.В. Дородонова*

О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ К ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ БРАКА

В XIX–XX вв. понятия «брак» и «семья» привлекали к себе пристальное внимание ученых. Рассматривая различные концепции брака, можно выделить несколько правовых теорий, объясняющих юридическую природу брака. В наиболее общем виде их можно свести к пониманию брака как таинства, как договора и как института особого рода.

Согласно первой концепции брак рассматривается как таинство. Канонические нормы придавали институту брака характер таинства, подчеркивая его духовную сторону. Классическим каноническим понятием брака стало представление о нем, как о «самом полном (физическом, нравственном, экономическом, юридическом, религиозном) общении между мужем и женой»¹. Среди богословов долгое время выделялись два течения: учение болонской реальной школы и учение парижской консенсуальной школы.

Последователи первого направления полагали, что «телесная консуммация творит брак». Приверженцы второго направления утверждали, что «согласие творит брак»². В конце XII в. ученые-богословы пришли к общему понятию: брак действителен и священен с момента обмена согласиями, но его нерасторжимость абсолютна лишь после консуммации (от лат. *consummatio* — «довершение» — юридический и богословский тер-

* Дородонова Наталья Васильевна — доцент кафедры истории государства и права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», кандидат юридических наук.

мин для обозначения одной из составляющих брака, а именно первого осуществления брачных отношений)³.

Таким образом, в сферу права попадали не только правовые, но и этические, религиозные и в определенной степени — физические элементы брака. В период, когда брачные отношения регламентировались религиозными правилами, данный подход был вполне оправдан, однако с заменой канонических норм светскими установлениями он изживает себя. Светское право, в отличие от религии, не регулирует и не может регулировать отношения, принадлежащие духовной, этической сфере. Католическое исповедание до настоящего времени выделяет принцип однократности и нерасторжимости брака.

Согласно договорной теории правовой сущности брака он рассматривается как разновидность договора. Брак как договор существовал еще в римском праве. В римском праве классического периода все основные формы вступления в брак носили признак простой гражданской сделки. Данный подход был связан с тем, что правовому регулированию в Риме подвергалась только определенная сфера брачных отношений, их гражданско-правовая сторона, нравственная и сакральная (приобщение к семейному культу) области оставались за рамками права.

Представители третьего направления рассматривали брак как институт особого рода. Они указывали на двойственный характер брака: с одной стороны, брак является юридическим фактом, порождающим правоотношения супружества, с другой стороны, закреплял правовой статус лиц, состоящих в браке. В браке можно условно выделить разные группы отношений: духовные, физические и материальные. Духовные и физические элементы брака, безусловно, не могут регулироваться правом и с этим соглашались практически все современные и дореволюционные ученые. Однако такое разделение отношений, составляющих брачный союз, получило признание не сразу.

Историческое развитие института брака происходило таким образом, что религиозные представления о браке стали заменять этические. Понятие брака в этой концепции выводится не из освящения его церковью (или не только из него), но из соответствия брачного союза нравственной природе человека. Брак рассматривается при этом уже не как таинство, но и не как договор, а как институт особого рода. Право должно было стоять на страже этого установления, при этом брак опять попадал в сферу действия права целиком, во всем многообразии составляющих его отношений.

Таким образом, все три концепции правовой сущности брака не исключают полностью друг друга, т. к. во всех можно отметить встречное совпадение воли сторон и соответственно договорной характер соглашения о заключении брака. Сформировавшись в разные исторические эпохи, они знаменуют определенный уровень правосознания общества, усвоившего юридический опыт предыдущих поколений.

¹ Загоровский И.А. Курс семейного права. Одесса, 1902. С. 5.

² Шершеневич Г.Ф. Учебник гражданского права. Т. 2. М., 2003. С. 246.

К.В. Чилькина*

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ГЕРМАНИИ

Вопрос о периодизации истории развития социального государства имеет важное значение в связи с обозначающей необходимостью выявления методологического аспекта категории «социальное государство». Говоря об истории становления государственности в зарубежных странах, необходимо уяснить, что необходимо понимать под социальным государством. Следует ли считать опыт городов-полисов Древней Греции, где организовывались совместные трапезы для горожан и выдавались деньги на покупку хлеба и посещение театров, проявлением социальной государственности? Или как назвать опыт фашистской Германии, где на фоне массового истребления людей определенной национальности для «истинных арийцев» существовал комплекс социальных льгот и материальных благ (германский трудовой фронт)?

В книге Франка Пильца, профессора Регенсбургского университета и школы политики в Мюнхене, научными интересами которого являются политические науки, содержится понятие «социальное государство» как государство всеобщего благоденствия. Обозначены его задачи и цели, дается краткий обзор истории его развития. Говоря о социальном государстве с позиции осмысления его в качестве центрального понятия, необходимо выделить типологию государств и следующие модели государств всеобщего благоденствия: «скандинавскую социал-демократию», «континентально-европейский консерватизм» и «англосаксонский либерализм».

Обозначенные модели имеют значение для оценки достоинств и недостатков этого режима: насколько возможно противопоставление значений социальных принципов, градации включения и исключения граждан из системы финансирования социальных услуг с участием государства. В ходе дискуссии по этим вопросам выясняется, например, почему в либеральной модели (США), квоты занятости в частном секторе длительное время очень высоки, и трудовой доход распределяется неравномерно, тогда как в модели социал-демократической (Швеция) высокие квоты занятости от государства дают и сравнительно небольшую разницу в доходах.

Социальное государство Германии традиционно понимается как система, состоящая из следующих сфер регулирования: пенсионное страхование, страхование на случай безработицы, страхование на случай болезни.

---

* Чилькина Ксения Владимировна — доцент, докторант кафедры истории государства и права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», кандидат юридических наук.

На сегодняшний день выделяют несколько периодизаций, отражающих процесс становления Германии как социального государства. Так, С.С. Исупова выделяет три периода, которые она связывает с меняющейся ролью государства в регулировании процесса социального обеспечения населения:

I период — этап *laissez-faire*, т. е. невмешательство буржуазного государства в регулирование отношений по материальному обеспечению немущих (до 90-х гг. XIX в.);

II период — этап ограниченного правового регулирования этих отношений (с конца XIX в. до 60-х гг. XX в.);

III период — этап активного управления социальным обеспечением со стороны государства (с конца 60-х гг. по начало 90-х гг. XX в.)¹.

В развитии теории социального государства выделяют три этапа формирования активной государственной политики:

I — 80-е гг. XIX в. — 1917 г. — период активной государственной социальной политики, определяющей характеристикой которой явилось создание в Германии национальной системы социальной защиты;

II — середина XX в. — 1990-е гг.;

III — конец 1990-х гг. — по настоящее время. Происходит нарастание критики социального государства и государства всеобщего благоденствия², сокращается размер социальных выплат и пособий, дабы не усугубить положение большей части населения в государстве — работающих.

Согласно Франку Пильцу выделяются следующие периоды³.

Первый период — создание и развитие системы социального страхования в Империи (1871—1918 гг.) характеризуется разработкой условий социально-экономических программ; появлением первых лозунгов в сфере социального страхования; определением основы и особенностей законодательства социального страхования согласно модели Бисмарка. Второй период (1918—1933 гг.) — период существования Веймарской республики. В это время внимание законодателя было направлено на определение принципов солидарности в сфере труда. В Веймарской конституции закрепляются нормы, на которых базируется дальнейшее развитие универсального трудового права. С 1933 г. наступает третий период в истории Германии, который буквально через несколько лет будет оцениваться специалистами однозначно отрицательно. Однако необходимо отметить, что с 1933 г. до 1945 г. в программе национал-социалистов был заложен комплекс материальных благ и социальных льгот для «истинных арийцев».

Четвертый период истории социального государства в Германии охватывает 1949—1989 гг. Ф. Пильц, рассматривая историю ФРГ, выделяет еще 5 подпериодов: с 1956—1966 гг. — период практического утверждения социального капитализма; 1966—1969 гг. — период восстановления международных отношений с участием ФРГ как самостоятельного партнера; период 1969—1982 гг. ознаменован переходом от социального капитализма к социальной демократии. Социальная политика 1982—1989 гг. реструктивна, что объясняется отчасти изменением структуры христианско-демократической партии ФРГ.

Анализируя развитие социальной государственности в ФРГ, Ф.Пильц обращается к истории ГДР и рассматривает основные социальные реформы в 1949–1990 гг.

Объединение ФРГ и ГДР в 1990-х гг., попытка уподобить уровни доходов жителей Западной и Восточной Германии привели к необходимости реформирования социальной сферы. Этот период анализируется с учетом современной экономико-политической ситуации. В 2001 г. была проведена реформа пенсионного обеспечения. Затем был принят ряд законодательных актов: в 1992 г. — закон о структуре здравоохранения; в 2000 г. — закон о реформе здравоохранения; в 2002 г. — программа экономии в социальной сфере; в 2004 г. — закон о модернизации сферы здравоохранения, в котором обозначены формы компромисса в сфере политики построения оптимальной модели здравоохранения. С принятием данных законодательных актов, проведением реформы здравоохранения 2007 г. усиливается конкуренция на рынке труда медицинского персонала и врачей-специалистов, оцениваются достоинства и недостатки системы финансирования здравоохранения из страховых касс при учреждениях или из бюджета земель.

Необходимость исследования периодизации истории развития социального государства в Германии на протяжении последних двух столетий, характеристика каждого из этапов в рамках данной периодизации позволят выявить закономерности формирования социальной государственности, спроектировать прогноз ее дальнейшего развития в ФРГ и использовать опыт Германии в процессе построения социального правового государства в РФ.

¹ См.: Исупова С.С. Правовое регулирование социального обеспечения в Федеративной Республике Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. С. 10.

² См.: Роиц В.Д. Социальная модель государства: опыт стран Европы и выбор современной России // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 10. С. 30.

³ Pilz F. Der Sozialstaat. Ausbau — Kontroversion — Umbau. Publikation der Bundeszentrale für politische Bildung. Bd. 452. Bonn, 2004.

С.В. Ворошилова*

ЖЕНСКАЯ ССЫЛКА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Гуманизация системы уголовных наказаний, провозглашенная важнейшей концепцией современного уголовно-исполнительного права, определяет интерес к различным исследованиям, посвященным определению правового статуса лиц, осужденных к лишению свободы. Проблема правового положения женщин в местах лишения свободы требует глубокого и всестороннего изучения с целью дальнейшего совершенствования законо-

* Ворошилова Светлана Вячеславовна — ст. научный сотрудник кафедры истории государства и права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», кандидат исторических наук, доцент.

дательства, регулирующего данную сферу. В этой связи обращение к истории данного вопроса приобретает особую актуальность.

Каторга и ссылка на поселение к XIX — началу XX в. получают широкое развитие в уголовном законодательстве России. В соответствии с Уставом о ссыльных (1909 г.) следующие в ссылку женщины делились на два разряда: идущие по собственной воле за своими осужденными мужьями и те, кто был отправлен в ссылку по приговору суда. Женщины, добровольно отправившиеся в ссылку за своими мужьями, не должны были отделяться от них и не подлежали строгому надзору. В отношении осужденных женщин действовали те же правила, что и для мужчин¹.

По Уставу уголовного судопроизводства приговор в отношении беременной женщины или недавно родившей откладывался до истечения 40 дней после родов. Приговоренные к ссылке женщины, кормящие грудью младенцев, если сами не просили об отмене отсрочки наказания, не ссылались до достижения их детьми полуторагодового возраста, если сами не просили о скорейшем их отправлении².

Осужденные к ссылке женщины с грудными детьми не разлучались с ними, если сами не изъявляли желания оставить их с мужьями или родственниками³. До 1858 г. способ передвижения преступников в Сибирь был повсюду пешеэтапный. На подводах ехали больные, малолетние и женщины с грудными младенцами. В примечании к ст.42 «Устава о ссыльных» разрешалось сажать на подводы женщин и без грудных младенцев, но только в том случае, если это будет возможно «по количеству клади»⁴. Ссылные женщины следовали без оков, а каторжные в оковах или кандалах вместе с мужскими арестантскими партиями. Н.С. Таганцев по этому поводу писал: «Какую массу болезней и смертей, какое нравственное растление вносит это поэтапное передвижение!»⁵

Женщины, осужденные к бессрочным каторжным работам по ст.94 «Устава о ссыльных», должны были, так же как и мужчины, содержаться в ножных и ручных оковах, но менее тяжелых.

В соответствии со «Сводом статистических сведений» за 1875 г. среди осужденных ко всем видам ссылки в Сибирь, женщины составляли 7,52 %; среди осужденных к каторжным работам — 8,67 %; среди осужденных на поселение — 7,96 %; среди осужденных на житье — 6,11 %; среди осужденных на водворение — 4,55 %. На основании всеподданнейших отчетов Министерства юстиции за 16 лет (1851—1866 гг.), среди осужденных ко всем видам ссылки женщины составляли 15,26 %; к каторжным работам — 12,5 %; на поселение — 15,2 %; на житье и водворение — 16,98 %⁶. По мнению И.Я. Фойницкого, сведения, предоставленные Министерством юстиции, являются более достоверными. Интересные данные приводятся в исследовании И.Я. Фойницкого «К вопросу о ссылке в Сибирь». Так, в Томскую губернию с 1859 по 1861 г. поступило осужденных к ссылке 4525 мужчин, и 599 (11,6 %) женщин, добровольно пришли за ссыльными — 636 мужчин и 1088 женщин (63 %) ⁷.

По мнению Н.С. Таганцева, одной из серьезных проблем, препятствующих правильной колонизации, были несоразмерное соотношение полов между ссыльными, выражавшееся в существенной нехватке женщин. Правительство пыталось решить эту проблему, предписав сибирским крестьянам под строгим наказанием выдавать замуж своих дочерей за ссыльных. Однако с увеличением числа ссыльных этих мер становится не достаточно. С 1825 г. государство начинает покупать у инородцев детей женского пола, а с 30-х гг. выдавать денежные награды за брак с ссыльными, на что ассигновывались ежегодно по §8 тюремной сметы кредиты, например, в 1842 г. — 5600 руб.⁸ По Уставу о ссыльных (1909 г.) ссыльным мужчинам разрешалось вступать в брак как с сосланными преступницами, так и со свободными женщинами, причем государство выплачивало свободной женщине за 1 брак с ссыльным 50 руб.⁹

Статья 182 Устава о ссыльных разрешала ссыльно-каторжным мужчинам и женщинам по истечении определенного срока после поступления в отряд исправляющихся вступать в брак как между собой, так и с ссыльными, лишенными всех прав состояния. Вступившие в брак были обязаны проживать со своим супругом до окончания срока его работ. Ссыльно-каторжные женщины, вступившие в брак с ссыльнопоселенцами, не исключались из числа каторжных и не увольнялись от работ, прежде чем истекал законный срок. Женщинам, осужденным за преступление к ссылке на поселение с лишением всех прав состояния, разрешалось вступать в брак только со ссыльными, также лишенными прав состояния¹⁰.

По истечении определенного срока, после зачисления ссыльных женщин в сословие крестьян или мещан, им разрешалось вступать в брак на общих основаниях, но при условии, что их мужья дадут подписку не вывозить их и сами не переселяться на постоянное место жительства из местностей, назначенных для ссылки. Если женщина вступала в брак с мужчиной, принадлежащим к более высокому сословию, ей не сообщались права и преимущества ее мужа и не возвращались права, принадлежавшие ей до ее осуждения¹¹.

Несовершеннолетним женщинам, сосланным на жительство в Сибирь и вступившим там, по достижении узаконенного возраста, в брак с людьми, не обязанными оставаться в Сибири, разрешался выезд в другие места, но только вместе с мужьями и по прошествии определенного срока (от 2 до 12 лет), продолжительность которого зависела от степени наказания¹².

В 1883 г. для усиления семейного начала на острове было отдано распоряжение об усиленной пересылке на Сахалин ссыльнокаторжных женщин, и Циркуляром 1895 г. предписывалось отсылать туда всех ссыльных женщин не старше 40 лет¹³. По мнению М.Н. Гернета, администрация ссылки назначала их в сожительство к ссыльнопоселенцам, предварительно отобрав для собственных нужд. Осуждая подобную практику, М.Н. Гернет писал: «В результате такого отношения к женщине мужчины, получившие ее, торговали ею для целей проституции..»¹⁴. Вместе с тем исследова-

тели сибирской ссылки отмечали, что материальное положение ссыльных женщин было всегда лучше, чем положение мужчин. Это объяснялось исключительно преобладанием последних и нехваткой женщин.

Женам и детям, добровольно последовавшим за ссыльными, выдавались во время пребывания их в ссылке отдельные виды на жительство¹⁵.

В случае смерти мужей или расторжения брака женщины, последовавшие по собственной воле за своими мужьями, получали право вступать в новый брак, с кем пожелают, и, с ведома местного начальства, вместе с детьми вернуться к своим родственникам или переехать в другое место¹⁶.

Особые правила в Уставе о ссыльных устанавливались для евреек. Они могли следовать за своими осужденными мужьям, взяв с собой детей: сыновей не старше 5 лет и дочерей не старше 10 лет. Более взрослые дети могли следовать за родителями только по собственному согласию. Если приговором суда была осуждена женщина-еврейка, то за ней в ссылку не могли следовать ни муж, ни дети. Грудных младенцев матери могли брать с собой только с согласия мужей¹⁷.

Согласно ст. 261 Устава о ссыльных, длительность одиночного заключения для женщин, осужденных к бессрочной каторге и совершивших повторные преступления, сокращалась наполовину, а для прочих каторжных женщин заменялась наложением ножных оков.

Дореволюционное уголовное законодательство более гуманно относилось к женщинам, осужденным за преступления, что, по мнению Я.А. Оровича, определялось главным образом физической слабостью женщин и выражалось в изъятии их от некоторых наказаний и в смягчении или замене одних наказаний на другие¹⁸.

Назначаемое Уложением за кровосмешение пожизненное заключение в монастыре в Сибири для женщин заменялось на ссылку в одну из отдаленных местностей Восточной Сибири или Приамурского генерал-губернаторства, с пожизненным сохранением статуса ссыльнопоселенцев, без права приписки к крестьянскому сословию. С 1885 г. женщины, осужденные к каторжным работам, не отправлялись в рудники, а размещались на фабриках и заводах Иркутского и Приамурского генерал-губернаторства первоначально по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ст. 75) с увеличением на срок в расчете полтора года за год, а после Закона 17 апреля 1863 г. — без увеличения¹⁹. По прибытии на место их размещали в особых помещениях, бессрочные каторжанки содержались в течение первых 8 лет в ножных оковах.

В системе наказаний, применяемых к ссыльнокаторжным, господствовали телесные наказания, от которых не освобождались ни престарелые, ни больные, ни женщины. Единственной привилегией для женщин являлось то, что их не приковывали на цепь к рудничной тележке.

Вопрос о необходимости отмены телесных наказаний для женщин впервые был поднят Министерством внутренних дел в 1858 г. В своем обращении во II отд. СЕИВК министерство предлагало заменить для женщин

«публичное наказание через палачей...наложением клейм, которое ...менее позорно, чем публичное наказание полунагих женщин»²⁰. При разработке данного вопроса подчеркивалось, что телесные наказания, связанные с публичным обнажением тела, являются особенно унижительными для женщин и причиняют не только физическую боль, но и нравственные страдания. Кроме того, по мнению «Комитета», изъятие женщин от телесных наказаний, способствовало бы формированию уважительного отношения к женщинам, необходимого в каждом «образованном обществе»²¹.

Тем не менее, Указ «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных», изданный в апреле 1863 г. и отменивший телесные наказания, за исключением оков и розог, не распространялся на ссыльных женщин, т.к. «совершая новые преступления, они обнаруживают отсутствие раскаяния и высшую степень нравственной порчи»²². Таким образом, ссыльных женщин разрешалось наказывать (не публично) плетью от 80 до 100 ударов²³.

С 1863 г. вопрос об освобождении от телесных наказаний женщин-ссыльных начинает вновь активно обсуждаться. В 1867 г. Государственный совет, рассматривая записку об отмене тяжких телесных наказаний для ссыльных, постановил предоставить министру внутренних дел «соображение» о необходимости безотлагательного изъятия ссыльных женщин от телесных наказаний. В поддержку этого решения выступили сибирские генерал-губернаторы, министр внутренних дел П.А. Валуев и министр юстиции Д.Н. Замятнин. Департамент законов, рассматривая представление П.А. Валуева, привел подробные соображения о безнравственности и вредности применения телесных наказаний для женщин, но, тем не менее, отсрочил осуществление этой меры до собрания более подробных сведений по вопросу о применении тяжких телесных наказаний к каторжным.

В 1871 г. для решения данного вопроса была образована особая комиссия под председательством статс-секретаря А.А. Сабурова, которая в 1874 г. предложила заменять для преступниц телесное наказание одиночным заключением, но и это предположение, благодаря оппозиции главного управляющего II Отделением СЕИВК князя Урусова, не получило дальнейшего движения. С 1883 г. вновь начался сбор необходимых сведений для решения данного вопроса. В 1890 г. была создана особая комиссия под председательством Н.Н. Шрейбера, результатом работы которой стало издание Закона от 29 марта 1893 г., отменяющего телесные наказания для ссыльных женщин²⁴.

Следует отметить, что освобождению ссыльных женщин от телесных наказаний во многом способствовала знаменитая Карийская трагедия — массовое самоубийство политкаторжан в знак протеста против применения розог к их товарищу — Надежде Сигиде, отбывавшей 7-летнюю каторгу за организацию подпольной типографии. Трагедия произошла в ноябре 1889 г. на Карийской каторге в Забайкалье. После перенесенного наказания розгами 27-летняя женщина покончила жизнь самоубийством. К

ее протесту против телесных наказаний для женщин присоединились 18 человек, которые приняли яд, в результате чего 6 человек скончались²⁵.

Закон от 29 марта 1893 г. распространил изъятие от телесных наказаний на ссыльных женщин, которые более не подлежали наказанию плетьюми, ложами или розгами, а также не могли быть прикованными к тележке. Однако для женщин, осужденных к бессрочной каторге, по-прежнему предусматривались наручники и кандалы, правда, менее тяжелые, чем для мужчин, которые могли быть сняты по медицинскому освидетельствованию по болезни, с разрешения тюремного начальства. Телесные наказания для ссыльных женщин заменялись одиночным заключением на срок до 10 дней²⁶.

По Уставу о ссыльных беременные женщины, осужденные к каторжным работам, освобождались от них до истечения 40 дней после родов, после чего для кормящих матерей работы облегчались в той мере, в какой это было необходимо «для предупреждения вреда самой матери и питаемому ею младенцу». На грудное вскармливание своих детей осужденным к каторге женщинам Закон отпуская полугодовой срок²⁷. По Уставу уголовного судопроизводства подобное освобождение от работ предусматривалось для всех женщин, находящихся в заключении²⁸.

Таким образом, законодательство России XIX – начала XX в., определяющее положение ссыльных женщин, несмотря на мелкие уступки, не обеспечивало им права на личную неприкосновенность, а также репродуктивные и материнские права.

¹ См.: Устав о ссыльных (1909 г.) // СЗРИ. Т. XIV, ст. 36.

² См.: Устав уголовного судопроизводства (1892 г.) // СЗРИ. Т. XVI, ст. 959 (пп. 2, 3).

³ См.: Там же. Ст. 969.

⁴ См.: Устав о ссыльных (1909 г.) // СЗРИ. Т. XIV, ст. 42 (п. 3).

⁵ Таганцев Н.С. Курс уголовного права: в 2 т. Т. 2. СПб., 1902. С. 113.

⁶ См.: Фойницкий И.Я. К вопросу о ссылке в Сибирь. Б.м., Б.г. С. 26.

⁷ См.: Там же. С. 27.

⁸ См.: Таганцев Н.С. Указ. соч.

⁹ См.: Устав о ссыльных (1909 г.) // СЗРИ. Т. XIV, ст. 187 (п. 1).

¹⁰ См.: Там же. Ст. 184.

¹¹ См.: Там же. Ст. 185.

¹² См.: Орович Я.А. Женщина в праве. СПб., 1895. С. 140

¹³ См.: Таганцев Н.С. Указ. соч.

¹⁴ Гернет М.Н. Женское равноправие и уголовный закон. Б.м. 1916. С. 45.

¹⁵ См.: Устав о ссыльных (1909 г.) // СЗРИ. Т. XIV, ст. 207.

¹⁶ См.: Там же. Ст. 208, 209.

¹⁷ См.: Там же. Ст. 213.

¹⁸ См.: Орович Я.А. Указ. соч. С. 138.

¹⁹ См.: Устав о ссыльных (1909 г.) // СЗРИ. Т. XIV, ст. 262.

²⁰ Цит. по: Тишкин Г.А. Женский вопрос в России в 50–60 годах XIX века. Л., 1984. С. 178.

²¹ Кистяковский А.Ф. Об отмене телесных наказаний. Б.м., Б.г. С. 24.

²² См.: Тимофеев А.Г. История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1904. С. 162.

²³ См.: Женское право. Свод узаконений и постановлений, относящихся до женского пола. С разъяснением статей Свода законов по решениям кассационного департамента правительствующего Сената. СПб., 1873. С. 337.

²⁴ См.: Таганцев Н.С. Указ. соч.

²⁵ См.: Иванова Г.М. Женщины в заключении (историко-правовой аспект). URL: <http://www.owl.ru/library/042t.htm> (дата обращения: 15.03.2011).

²⁶ См.: Устав о ссыльных (1909 г.) // СЗРИ. Т. XIV, ст. 261 (п. 2).

²⁷ См.: Там же. Ст. 111.

²⁸ Устав уголовного судопроизводства (1892 г.) // СЗРИ. Т. XVI, ст. 970.

Д.А. Иванов*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ТРУД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ (1945–1991 ГОДЫ)

Сразу после войны были упразднены чрезвычайные нормы трудового права военного времени. Приказ от 24 августа 1945 г. «О прекращении применения обязательных сверхурочных работ на предприятиях, в научно-исследовательских институтах и строительных организациях НКО СССР»¹ устанавливал: «...Обеспечить с августа 1945 года представление рабочим и служащим предприятий и организаций всех выходных дней и прекратить применение обязательных сверхурочных работ на производственных предприятиях, в научно-исследовательских институтах и строительствах НКО СССР.. В дальнейшем применение сверхурочных работ допускать только в порядке, предусмотренном Кодексом законов о труде... Установить контроль за осуществлением мероприятий по переводу рабочих и служащих предприятий НКО СССР на нормальный режим работы».

Уже с 1 июля 1945 г. были восстановлены очередные и дополнительные отпуска рабочим и служащим, отмененные на период военного времени. Так, Указом Президиумом Верховного Совета СССР от 30 июня 1945 г. «Об отпусках рабочим и служащим» частично были восстановлены и другие нормы КЗоТ: «В связи с окончанием Великой Отечественной войны Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Восстановить с 1 июля 1945 г. очередные и дополнительные отпуска рабочим и служащим, отмененные на период военного времени Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время».

...3. Поручить Совету Народных Комиссаров СССР установить порядок и сроки выдачи рабочим и служащим сумм денежной компенсации за неиспользованный отпуск, переведенных в качестве специальных вкладов в сберегательные кассы»².

Таким образом, вновь был установлен 8-часовой рабочий день, прекращены трудовые мобилизации граждан³.

Однако продолжали действовать нормы, устанавливающие уголовную ответственность за прогул и самовольное оставление работы, что фактически сохраняло режим трудовой повинности работников, их обязанности выполнять работу по указанию администрации предприятий. Сохранение уголовной и ответственности за дисциплинарные проступки мотивировалось необходимостью скорейшего восстановления разрушенного хозяйства и недостаточной дисциплинированностью работников. В начале 1950-х гг. были предприняты определенные шаги в сфере регулирования

* Иванов Дмитрий Анатольевич — аспирант кафедры истории государства и права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

трудовых отношений, в частности, 14 июля 1951 г. опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О замене судебной ответственности рабочих и служащих за прогул, кроме случаев неоднократного и длительного прогула, мерами дисциплинарного и общественного воздействия»⁴, который знаменовал собой значительное ослабление чрезвычайных жестких мер военного и послевоенного времени и начало перехода к более цивилизованным формам трудовых отношений (полная отмена судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и учреждений и за прогул без уважительной причины произошла в апреле 1957 г.). Регулирование режима рабочего дня коснулось министерств, ведомств и других советских учреждений. В августе 1953 г. была отменена работа во внеурочное время и запрещено руководителям этих организаций без надобности задерживать работников в учреждениях.

Постановлением Совета Министров от 8 августа 1955 г. № 1478 «Об отпусках и условиях труда подростков»⁵ отменялись прежние нормы труда несовершеннолетних и было установлено следующее:

«...восстановить с 1 января 1956 г. продолжительность рабочего дня для подростков в возрасте от 14 до 16 лет — 4 часа. Установить с 1 января 1956 г. продолжительность рабочего дня для рабочих и служащих в возрасте от 16 до 18 лет — 7 часов.

2. Установить, что всем молодым рабочим и служащим в возрасте до 18 лет, независимо от условий и характера производства, предоставляется отпуск продолжительностью один календарный месяц.

3. Запретить руководителям предприятий, организаций и учреждений использовать молодых рабочих и служащих в возрасте до 18 лет на сверхурочных работах и привлекать их к работе в ночных сменах.

...5. Поручить Министерству здравоохранения СССР обеспечить диспансерное обслуживание и проведение не реже одного раза в год медицинского освидетельствования молодых рабочих в возрасте до 18 лет, занятых на производстве».

3 декабря 1956 г. СНК было принято Постановление «Об усилении охраны труда подростков»⁶. Запрещался прием на работу лиц моложе 16 лет. В порядке исключения с разрешения родителей на работу могли быть приняты подростки в возрасте 15 лет.

В 1960 г. был завершен перевод всех рабочих и служащих на 7- и 6-часовой рабочий день⁷ без уменьшения заработной платы, а в 1967 г. большинство предприятий и учреждений было переведено на 5-дневную неделю с двумя выходными днями.

Можно назвать еще ряд нормативно-правовых документов, которые способствовали упорядочению работы по трудоустройству молодежи и созданию условий для наиболее эффективного использования ее труда на производстве. В 50–60-е гг. в отношении молодежи получает распространение и такая форма трудоустройства, как бронирование рабочих мест (постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 февраля 1966 г.

«О мероприятиях по расширению обучения и устройству на работу в народное хозяйство молодежи, оканчивающей общеобразовательные школы в 1966 году»⁸, Положение о порядке проведения на территории РСФСР трудоустройства молодежи, оканчивающей средние общеобразовательные школы, и молодежи, не получившей среднего образования, утвержденное постановлением Совета Министров РСФСР от 21 апреля 1969 г.⁹).

В конце 60-х гг. направление молодежи на работу стали осуществлять также комиссии по делам несовершеннолетних, организованные при исполкомах местных Советов после издания Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июня 1967 г. «Об утверждении положения о комиссиях по делам несовершеннолетних»¹⁰, и комиссии по трудоустройству молодежи, действовавшие на основании указанного Положения от 21 апреля 1969 г. Предприятия были не вправе отказывать в приеме на работу лицам, направленным указанными комиссиями. Последние осуществляли также контроль за правильным использованием труда молодежи в соответствии с трудовым законодательством.

Специальные решения принимались по поводу подготовки молодежи к сознательному выбору профессии. В соответствии с Постановлением, принятым совместно ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, коллегией Министерства просвещения СССР и Госкомитетом Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию 17 декабря 1969 г., школы должны были вести работу по ознакомлению школьников с производством, рабочими профессиями, с участием промышленных и сельскохозяйственных предприятий организовывать консультации по выбору профессии, активно использовать в этих целях трудовое обучение и т. д.

Большим шагом вперед явилась кодификация советского законодательства в начале 70-х гг. и принятие в 1971 г. нового нормативного правового акта — Кодекса законов о труде¹¹. В него впервые была включена гл. 12 «Труд молодежи», включавшая в себя одиннадцать статей КЗоТ РСФСР 1971 г. Предусматривалось предоставление работы по специальности и квалификации всем молодым рабочим и специалистам, окончившим учебные заведения. Прием на работу предполагался с 16 лет, а в исключительных случаях по согласованию с профкомом разрешалось принимать лиц, достигших 15 лет (ст. 173). Профком должен был устанавливать возможность использования подростка на данной работе в соответствии с медицинским заключением, проверять, не принимается ли он на тяжелую или вредную работу, запрещенную законодательством для несовершеннолетних (ст. 175), обеспечено ли его производственное обучение и т. д.

В соответствии со ст. 184 КЗоТ подростку, не имевшему специальности, профессии, квалификации, предоставлялась возможность получить профессиональную подготовку путем индивидуального, бригадного, курсового или иного производственного обучения за счет предприятия.

Содействию занятости несовершеннолетних способствовало установление законодательством дополнительных гарантий при увольнении их с работы. При расторжении трудового договора по инициативе администрации с лицами моложе 18 лет требовалось не только согласие профкома, но и согласие комиссии по делам несовершеннолетних. При увольнении с нарушением указанного порядка работник подлежал восстановлению на работе по решению судебных органов, что вытекало из ст. 213 КЗоТ и подчеркивалось в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 20 июня 1973 г.¹².

В 80– начале 90-х гг. принимается ряд нормативных правовых актов, развивающих положения о трудоустройстве и занятости. Дальнейшее развитие правовых норм, регулирующих труд несовершеннолетних, нашло отражение в таких документах, как постановление Госкомтруда СССР и Президиума ВЦСПС от 10 сентября 1980 г. № 283/П-9 «О Списке производств, профессий и работ с тяжелыми и вредными условиями труда, на которых запрещается применение труда лиц моложе восемнадцати лет»¹³, постановление Госкомтруда СССР, Гособразования СССР, Секретариата ВЦСПС, Секретариата ЦК ВЛКСМ от 3 июня 1988 г. № 343/90-01-490/25-01/17-30/43/34-а «Об утверждении положения о порядке и условиях добровольного труда учащихся общеобразовательной и профессиональной школы в свободное от учебы время»¹⁴, постановление Совета Министров СССР от 23 октября 1990 г. № 1071 «О Государственной службе занятости»¹⁵ и др.

В 1991 г. в Законе о занятости¹⁶ молодежь была выделена как категория граждан, особо нуждающаяся в социальной защите. Однако распад СССР и переход к рыночным отношениям потребовали принятия иного подхода к вопросам развития трудовых ресурсов и организации трудоустройства населения, в т. ч. и несовершеннолетних.

Таким образом, анализ становления и развития правовых норм, регулирующих труд несовершеннолетних граждан в Советском государстве, позволяет сделать выводы о том, что, с одной стороны, несовершеннолетний работник получал законодательно определенные права и обязанности: бесплатное обучение, получение профессии, трудоустройство путем прямого распределения, гарантированную заработную плату, ограниченный рабочий день, бесплатную медицинскую помощь, особый контроль со стороны государства за соблюдением его прав и законных интересов, а с другой стороны, государство получало постоянно пополняемые полноценные трудовые резервы в виде хорошо обученных и квалифицированных работников.

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2-3). М., 1997. С. 395.

² См.: Там же. С. 391.

³ См.: Там же. С. 395.

⁴ URL: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss6281.htm> (дата обращения: 22.02.2011).

⁵ URL: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss6215.htm> (дата обращения: 11.02.2011).

⁶ См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1956. № 24, ст. 529.

⁷ См.: Закон СССР от 7 мая 1960 г. «О завершении перевода в 1960 году всех рабочих и служащих на семи- и шестичасовой рабочий день» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1960. № 18, ст. 137.

⁸ См.: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 февраля 1966 г. «О мероприятиях по расширению обучения и устройству на работу в народное хозяйство молодежи, оканчивающей общеобразовательные школы в 1966 году» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. № 129, ст. 84.

⁹ См.: Орловский Ю.П. Труд молодежи в СССР: правовое исследование. М., 1974. С. 15–16.

¹⁰ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 4, ст. 89.

¹¹ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1971. № 50, ст. 1007.

¹² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР и РСФСР (Российской Федерации) по гражданским делам. М., 1999. С. 165.

¹³ См.: Бюллетень Госкомтруда СССР. 1981. № 3–7.

¹⁴ См.: Бюллетень Госкомтруда СССР. 1988. № 10.

¹⁵ См.: Бюллетень труда и занятости. 1990. Октябрь.

¹⁶ Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 17, ст. 1915.

О.А. Калугин*

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА III В ОБЛАСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ: КОНТРЕФОРМЫ ИЛИ КОРРЕКТИРОВКА РЕФОРМ?

В отечественной и зарубежной науке время правления императора Александра III принято называть периодом «контрреформ», отходом от реформ своего родителя. Советская историография часто называла этот этап истории России периодом «реакции», торжества антиреформаторских сил. Все эти суждения, бесспорно, имеют право на существование, т. к. демонстрируют необходимую доказательную базу. Действительно, можно привести достаточно аргументов, доказывающих наличие «реакции» и «контрреформ». С данными точками зрения можно согласиться, но с определенными оговорками и дополнениями. Это была реакция не во имя реакции, а в силу сложного комплекса объективных и субъективных причин.

Реакция правительства Александра III была не столько на освободительные идеи реформ, важность которых, кстати, мало кто оспаривал, а на растущую неуправляемость страной, на усиление деструктивных тенденций в интеллигентской среде и обществе в целом. Правительство не собиралось отказываться от позитивных результатов великих преобразований, оно даже не мыслило о ликвидации избирательной системы. Это было невозможно и никому не нужно. В частности, внешне строгое положение о земских начальниках, инициированное самим императором, получило одобрение двух третей Государственного совета, назначаемого царем. И в

* Калугин Олег Анатольевич — заместитель директора филиала ГОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет» в г. Калуге, доцент, кандидат политических наук.

этом не было ничего парадоксального. Чиновничество стремилось к усилению контроля над выборными структурами, а не к их упразднению.

Планы имперской бюрократии ограничивались лишь корректировкой законодательства, регулировавшего систему выборов и общественного представительства. Поэтому, на наш взгляд, в отношении преобразований Александра III лучше употреблять такие словосочетания, как «корректировка реформ», «ревизия реформ», «приостановка реформ», «консервативная стабилизация в России»¹.

Царское правительство, действительно, не слишком усердствовало в переделывании реформаторского законодательства. Были убраны лишь те нормы, которые более всех других приводили к опасным сбоям самодержавной системы. Другое дело, что власть потеряла связь с временем, увлекшись корректировками и ревизиями избирательной системы. Явно затянулась и пауза в продолжении реформ. Причиной этого стали три революции, которые в итоге привели к полному краху монархической формы правления. Но все это не относится к сути рассматриваемых понятий. Жестких идейных нападков на проведенные реформы правительство Александра III не допускало. Тем более, как следует из анализа законодательства, даже в разгар реформ бюрократия Российской империи не доверяла местным сообществам значимые ресурсы власти. Так что радикально выступать против преобразований 60–70-х гг. не было никакого смысла.

Предложенные термины, которые более гибко характеризуют эпоху «царя-миротворца», меньше зависимы от известных идеологий и разного рода оценочных суждений, а, значит, в большей степени направлены на проведение объективного анализа. Тем не менее, вполне допустимо использование терминов, устоявшихся еще в советской историографии, но только в тех случаях, когда они отражают истинное состояние действительности того времени.

Корректировка реформ началась с издания «Положения о земских участковых начальниках» от 12 июля 1889 г.², продолжилась принятием «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» от 12 июня 1890 г.³, приобрела законченный вид, свое системное качество после введения в действие «Городового положения» от 11 июня 1892 г.⁴

«Положение о земских участковых начальниках», несомненно, было наиболее знаковым примером ревизии реформаторского курса. Однако детальный анализ этого нормативного акта позволяет сделать вывод, что явной антиреформистской направленности данный документ не содержал.

Действительно, по должности земский участковый начальник обладал огромными полномочиями в отношении выборных лиц сельских обществ. Но полномочиями на временное отстранение от должности волостных старшин и сельских старост имели и мировые судьи при окончательном решении вопроса на уездном съезде. Конечно, это не одно и то же. Ведь мировые судьи являлись фигурами, выбираемыми всесословными представительными органами. А земский начальник — лицо назначаемое, не прохо-

дившее процедур общественного утверждения или согласования. Однако должностным лицам крестьянского управления было абсолютно безразлично, кто принимал кадровые решения: дворяне, которых избрали, или дворяне, которых назначили на должность.

Новое земское положение далеко не во всех своих правовых нормах отражало дух контрреформ. Нередко статьи этого юридического акта продолжали реформаторские тенденции. В частности, согласно первому примечанию ст. 16 настоящего положения, избирательным правом, наравне с собственниками, наделялись лица, владевшие имуществом на правах пожизненного владения, и лица, владевшие «горнозаводскими дачами на по-сессионном праве», т. е. на праве владения, данного государством частным лицам для промышленной разработки природных ресурсов. Это юридическое новшество носило ярко выраженный капиталистический характер. Причем наличие такой нормы свидетельствовало об определенном уровне развития рыночных отношений, при которых адекватную политико-правовую оценку, наравне с институтом владения собственностью, получили институты распоряжения и пользования собственностью. Меняющаяся экономическая система требовала соответствующих изменений правовой системы, в т. ч. и системы выборов в местные органы власти. Данный пример свидетельствует о наличии в новом земском положении прогрессивных правовых норм. Так что упомянутый факт корректировки реформ представительной и избирательной систем совсем не напоминает черты контрреформ. Скорее наоборот, это локальный всплеск реформаторской активности.

Новое земское положение, в отличие от старого, специально не оговаривало требований использования гербовой бумаги или оплаты гербовых пошлин за оформление доверенности на голосование. Это, несомненно, упростило избирательные процедуры, сделав их менее символическими, менее торжественными, но в большей степени прагматичными. Вполне достаточно было установленных законом доверенностей. Опекуны и попечители в свою очередь предъявляли указы об утверждении их в этом звании, а члены правления различных обществ и компаний демонстрировали свои удостоверения (ст. 40).

Более того, уполномоченные лица женского пола, опекуны, неотделенные сыновья, управляющие именьями могли и не обладать имущественным цензом для участия в выборах (ст. 21). Не требовалось соответствие имущественно-цензовым характеристикам и представителям обществ, товариществ, компаний, благотворительных, ученых и учебных учреждений (ст. 22). Но представители учреждений обязательно должны были назначаться их управлениями, т. е. должностными лицами. Представителями же предприятий могли быть лишь члены их правлений по решению этих правлений. Подобная конкретизация несколько не умаляла избирательных прав лиц, которые имели их по прежнему положению, но способствова-

ла появлению более четких юридических формулировок, предоставлявших возможность полноценно исполнить выборное законодательство.

Процедура избрания гласных от сельских обществ в новом земском положении определенным образом изменилась. В частности, в новом законе уже не было института избирательных съездов сельских обществ. Гласные избирались на волостных сходах (ст. 51). Это, действительно, укорачивало, реально оптимизировало процедуру выборов гласных от селян. Каждый сход избирал одного гласного. Однако если волость была густо населена, то губернское по земским делам присутствие разрешало от волостного схода избирать двух гласных.

Новое земское положение, укрепив институт десятских, способствовало наведению полицейского порядка на селе. До введения нового земского закона система десятских функционировала с большими проблемами. В частности, в 1881 г. малоярославецкий уездный исправник с возмущением писал волостным старшинам Малоярославецкого уезда Калужской губернии, что в большинстве случаев лица, занимающие должность десятских, не только не получили установленного законом утверждения, но также «состоят в этой должности благодаря укоренившемуся обычаю, по очереди и без различия пола и возраста... Во многих селениях должность очередного десятского нередко отправляется женщинами, дряхлыми стариками и малолетними детьми»⁵. С течением времени административный вес должности десятских начал возрастать. Это стало возможным благодаря тому, что в практику вошло назначение жалования десятским «по особому приговору», а также благодаря наведению элементарного порядка внутри полицейской структуры уездов. Уже в 1892 г. назначение десятских по всем предписанным правилам стало делом весьма обычным. Все требования полицейского управления, адресованные волостному правлению по поводу составления списков десятских, неукоснительно соблюдались⁶.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что нормативные акты периода правления Александра III были весьма противоречивыми, т. к. одновременно вмещали в себя тенденции контрреформации и тенденции продолжения реформ. Однако можно утверждать, что консервативные преобразования императора не были направлены на демонтаж всего того, что возникло в процессе «великих реформ», у государственной бюрократии отсутствовали иллюзии относительно возврата в дореформенное состояние России.

¹ Гриценко Н. Ф. Консервативная стабилизация в России в 1881–1894 годах: Политические и духовные аспекты внутренней политики. М., 2000.

² См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. IX. Отд. 1-е. СПб., 1891. Ст. 6196. С. 507–535.

³ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. X. Отд. 1-е. СПб., 1893. Ст. 6927. С. 493–501.

⁴ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XII. Отд. 1-е. СПб., 1895. Ст. 8708. С. 431–433, 436–440.

⁵ Государственный архив Калужской области. Ф. 452. Оп. 1. Д. 119. С. 1 (далее — ГАКО).

⁶ См.: ГАКО. Ф. 452. Оп. 1. Д. 211. С. 46.

Д.Ю. Туманов*

КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ И МЕХАНИЗМ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ СЛОВА В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (ОКТАБРЬ 1917 – НАЧАЛО 1920-Х ГОДОВ)

Во все времена для человеческого общества одним из актуальнейших вопросов являлось свободное выражение индивидом своего мнения. Данная свобода может быть определена как важный связующий элемент между отдельно взятой личностью и обществом. Если в отношении данной свободы устанавливаются чрезмерные ограничения, то в этом случае утрачивается двухстороннее общение между индивидом и обществом. Это может привести к проблемам и в развитии государства, устанавливающего такие ограничения, поскольку, если никому не позволено указывать на имеющиеся недостатки государственной деятельности в экономической, социальной, политической и иных сферах, то нет возможности их своевременно устранять.

Становление свободы слова в качестве конституционной свободы в России началось в ходе революции 1905–1907 гг. Первоначально в Высочайшем Манифесте от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» было указано на обязанность правительства «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»¹. Затем свобода слова была закреплена ст. 37 Основных государственных законов Российской империи в следующей формулировке: «Каждый может, в пределах, установленных законом, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами»².

В ходе Февральской буржуазно-демократической революции были созданы условия для развития прав и свобод. На первом же заседании 3 марта 1917 г. новый Совет министров принял Декларацию, в которой провозглашалось, что в своей деятельности кабинет будет руководствоваться следующими основаниями: свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек; отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений; подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания и проведение выборов на таких же принципах в органы местного самоуправления и др.³ Временное правительство, будучи по своему составу в первые месяцы полностью буржуазным, в то время было одержимо желанием как можно скорее дать обществу основы демократического строя.

* Туманов Дмитрий Юрьевич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права филиала Казанского (Приволжского) Федерального Университета (г. Набережные Челны), кандидат юридических наук, доцент.

Постановлением от 15 марта 1917 г. «О печати»⁴ Временное правительство провозгласило практически неограниченную свободу выхода периодических изданий, при этом постановлением от 27 апреля 1917 г. «Об учреждениях по делам печати»⁵ упразднилось Главное управление по делам печати, все учреждения цензуры, равно как и должности цензоров.

Однако с переходом власти в руки Советов ситуация в отношении свободы слова меняется принципиальным образом. С самого начала, исходя из идеологической предпосылки о необходимости социалистического переустройства общества, советская власть рассматривала данную свободу (впрочем, как и все остальные права и свободы) исключительно через призму классово-борьбы, исходя из чего права и свободы закреплялись в конституционных актах новой власти только в интересах трудящихся.

Важным фактором становится и отношение к свободе слова лидера большевиков В.И. Ленина, который не допускал самой мысли о том, что свобода печати, свобода обсуждения действий правительства и партии необходимы, прежде всего, самому правительству и партии, а также всем сознательным советским гражданам, для улучшения работы государственных органов, для разоблачения коррупции и т.д.⁶

Учитывая важность информационного воздействия печатных изданий на население в данный период, в условиях отсутствия других средств массовой информации советская власть основное внимание уделяет установлению контроля над периодическими изданиями.

Практически сразу же после октябрьского переворота принимается Декрет Совета Народных Комиссаров Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (СНК РСФСР) от 28 октября 1917 г. «О печати»⁷. Ограничительный классовый мотив принятия Декрета достаточно очевиден, впрочем, советская власть даже и не пыталась его маскировать, указав в тексте: «Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага, в то время, как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы. Как только новый порядок упрочится, всякие административные воздействия на печать будут прекращены; для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному закону».

В тот же день постановлением СНК РСФСР⁸ было подтверждено закрытие Военно-революционным комитетом еще 26 октября 1919 г. «за контрреволюционную агитацию» буржуазных газет «День», «Речь», «Новое время», «Вечернее время», «Русская воля», «Народная правда», «Биржевые Ведомости» и др.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) 4 ноября 1917 г. в свою очередь принимает Резолюцию по вопросам печати⁹: «Закрытие буржуазных газет являлось необходимой мерой для установле-

ния нового режима в области печати, такого режима, при котором капиталистические собственники типографий и бумаги не могли бы становиться самодержавными фабрикантами общественного мнения. Восстановление т. н. «свободы печати», т. е. простое возвращение типографий и бумаги капиталистам явилось бы недопустимой капитуляцией перед волей капитала, т. е. мерой контрреволюционного характера. Исходя из изложенного, ВЦИК категорически отвергает всякие предложения, клонящиеся к восстановлению старого режима печати».

Деятельность печатных изданий, позволявших себе антисоветские высказывания, жестко пресекалась. Постоянно издавались акты, направленные на дальнейшее ограничение свободы печати, например, постановление СНК РСФСР от 21 ноября 1917 г. «О закрытии “Сельского Вестника” и о выходе “Деревенской Бедноты”»¹⁰, Постановление СНК РСФСР от 18 марта 1918 г. «О закрытии московских буржуазных газет»¹¹ и др.

При Петроградском Совете был создан специальный орган — Комиссариат по делам печати, одна из задач которого состояла в пресечении преступной деятельности буржуазной печати. Так, этот Комиссариат 20 декабря 1917 г. закрыл газету «Питер» и арестовал ряд лиц за контрреволюционную деятельность, 26 января 1918 г. закрыл журнал «Республиканец», в котором помещались оскорбительные для советской власти рисунки. Комиссариат по делам печати конфисковал брошюру «Как большевики захватили власть», изданную в конце 1917 г.¹²

4 декабря 1917 г. лично Председателем СНК В.И. Лениным был подписан ордер на арест и придание суду революционного трибунала И.Г. Церетели, В.М. Чернова, Ф.Н. Дана и других за выпуск с провокационной целью клеветнической газеты «Революционный набат»¹³.

Одновременно с ограничением свободы печати производится изъятие всех помещений, оборудования, типографских материалов, бумаги и прочих принадлежностей закрытых буржуазных газет (постановление Президиума ВЦИК от 13 декабря 1917 г. «О реквизиции типографии “Биржевые Ведомости”»¹⁴, Декрет Президиума ВЦИК от 22 февраля 1918 г. «О конфискации типографии товарищества Пропер»¹⁵).

Постановлением Народного комиссариата юстиции от 18 декабря 1917 г.¹⁶ был учрежден революционный трибунал печати, в ведении которого находились преступления и проступки против народа, совершаемые путем использования печати. К таким преступлениям и проступкам могли быть отнесены всякие сообщения ложных или извращенных сведений о явлениях общественной жизни. В результате указанных действий оппозиционная новой власти печать была вынуждена замолчать.

Закрепляя итоги предшествующего этапа становления Советского государства, Конституция РСФСР 1918 г. в ст. 14 обеспечивала свободу выражения своих мнений и свободное распространение печатных изданий только за трудящимися. Для реализации этого положения уничтожалась зависимость печати от капитала; все технические средства к изданию га-

зет, брошюр, книг и всяких других произведений печати отдавались в руки рабочего класса и крестьянской бедноты.

Различие между требованиями «свободы печати и собраний» в буржуазных конституциях и Советской Конституции, о котором В.И. Ленин говорил в своем выступлении на митинге в Пресненском районе 28 июля 1918 г., заключалось в следующем: «Там свобода печати и собраний — исключительная монополия буржуазии, там буржуазия собирается в своих салонах, выпускает свои большие газеты, издающиеся на средства банков, с целью сеяния лжи и клеветы и отравления сознания народных масс, там душат рабочую печать и не дают ей сказать свое слово и мнение о грабительской войне, противников войны преследуют, собрания их запрещаются. Здесь же, в Советской России, рабочая печать существует и служит трудящимся. Мы отнимаем роскошные дома, дворцы у буржуазии и передаем в распоряжение рабочих, чтобы они превратили их в свои клубы, и это есть свобода собраний на деле»¹⁷.

Социалистическая революция, таким образом, отвергла абстрактную свободу слова, установив ее только для трудящихся. Свобода слова на протяжении всей истории Советского государства всегда была классовой свободой.

Победа в гражданской войне в начале 1920-х гг. позволила на некоторое время отказаться от ряда установленных ограничений свободы печати. Советское государство в 1921 г. значительно расширило фактическую свободу печати, создания союзов, объединений, созыва различных съездов беспартийной интеллигенции и т. д. Была разрешена даже деятельность частных издательств. Но период либерализации в отношении свободы печати продолжался совсем недолго.

По мнению В.И. Ленина, высказанному им в августе 1921 г. в письме Г. Мясникову, «свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода политической организации буржуазии и ее вернейших слуг, меньшевиков и эсеров. Это факт неопровержимый»¹⁸.

По инициативе руководства Коммунистической партии с 1922 г. под предлогом борьбы с контрреволюционными проявлениями, антисоветскими партиями и течениями начинается формирование тотальной системы цензуры над всеми средствами массовой информации, произведениями литературы, искусства — над всем, что могло быть использовано для массового воздействия на население.

Уже 6 июня 1922 г. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР утверждается «Положение о Главном Управлении по делам литературы и издательства (Главлит)»¹⁹, созданное с целью объединения надзора над всеми видами печатных произведений. На Главлит возлагались следующие задачи: предварительный просмотр всех предназначенных к опубликованию или распространению произведений, как рукописных, так и печатных, изданий периодических и непериодических, снимков, рисунков, карт, и т.п.; выдача разрешений на право издания отдельных произведений, а равно органов печати периодических и непериодических; составление списков произведений печати, запре-

щенных к продаже и распространению; издание правил, распоряжений и инструкций по делам печати, обязательных для всех органов печати, издательской, типографии, библиотек и книжных магазинов.

Декретом СНК РСФСР от 9 февраля 1923 г. «О Комитете по контролю за репертуаром при Главном Управлении по делам литературы и издательства»²⁰ при Главлите был образован Главрепертком, на который было возложено: разрешение к постановке драматических, музыкальных и кинематографических произведений, составление и опубликование периодических списков, разрешенных и запрещенных к публичному исполнению произведений.

Установившаяся система партийно-государственной цензуры оказалась настолько эффективной, что в целом сохранялась до начала перестройки середины 1980-х гг.

¹ Государственная дума в России в документах и материалах. М., 1957. С. 90—91.

² Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXV. 1905. Отд. I. № 27805.

³ См.: Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997. С. 44.

⁴ См.: СУ. 1917. № 109, ст. 597.

⁵ См.: СУ. 1917. № 109, ст. 598.

⁶ См.: Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. М., 2003. С. 393.

⁷ См.: СУ РСФСР. 1917. № 1., ст. 7.

⁸ См.: Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 539.

⁹ См.: Там же. С. 43—44.

¹⁰ См.: Там же. С. 123.

¹¹ См.: Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 569.

¹² См.: Портнов В.П., Славин М.М. Становление и развитие конституционного законодательства Советской России. 1917—1920 гг. М., 1982. С. 53.

¹³ См.: Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 549.

¹⁴ См.: Там же. С. 224.

¹⁵ См.: Там же. С. 496.

¹⁶ См.: СУ РСФСР. 1917. № 10., ст. 156.

¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 535—536.

¹⁸ Там же. Т. 44. С. 79.

¹⁹ См.: СУ РСФСР. 1922. № 40, ст. 461.

²⁰ См.: СУ РСФСР. 1923. № 14, ст. 177.

Т.А. Желдыбина*

М.М. КОВАЛЕВСКИЙ: ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

Сегодня наблюдается устойчивый интерес к правовым доктринам дореволюционной России. Особого внимания заслуживают взгляды Максима Максимовича Ковалевского. Изучение теоретического наследия мыслителя началось еще при его жизни, продолжилось в советский период, привлекает внимание современных исследователей¹.

* Желдыбина Татьяна Анатольевна — старший преподаватель кафедры истории государства и права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», кандидат юридических наук.

М.М. Ковалевский родился в 1851 г. в дворянской семье в Харьковской губернии. Род Ковалевских происходил от польского выходца Симеона Ковалевского, переехавшего в Россию в 1650 г. Окончил юридический факультет Харьковского университета. В 1873 г. там же был избран стипендиатом по предмету государственного права европейских держав согласно представлению профессора Стоянова о достоинстве его кандидатской диссертации на тему «О конституционных опытах Австрии и чешской национальной оппозиции» и о постоянных его занятиях в течение университетского курса.

Магистерская диссертация была написана на тему «История полицейской администрации и полицейского суда в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда III. К вопросу о возникновении местного самоуправления в Англии» в Лондоне (защищена в Праге в 1877 г.). Кроме того, он занимался изучением землевладения и сословного строя в средневековой Англии, что впоследствии послужило основой для его докторской диссертации «Общественный строй Англии в конце средних веков» (М., 1880). В Лондоне М.М. Ковалевский посещал заседания кружка позитивистов², что отразилось на его исследованиях, в основе которых лежали позитивистские традиции.

М.М. Ковалевский проходил стажировку в учебных заведениях Германии (в Берлине слушал лекции историков, философов, юристов: Г. Гнейста, Г. Дёрнбурга, Ю. Барона, Г. Безелера), Франции, Великобритании.

Область его научных интересов достаточно обширна и сосредоточена не только на юриспруденции, но и на социологии, экономике, политике, этнографии. Необычайная широта научных интересов ученого давала ему возможность сопоставлять различные отрасли знания как при разработке общих правовых тем, так и при анализе конкретных эмпирических историко-правовых явлений, например в ходе изучения обычного права народов Кавказа. Поэтому ему удалось без труда вывести объективные закономерности в изучении правовой действительности тогдашней России. Этот факт подтверждают работы М.М. Ковалевского: «Общественный строй Англии в конце средних веков» (1880); «Происхождение современной демократии» (1895–1897); «Очерк происхождения и развития семьи и собственности. Лекции, читанные в Стокгольмском университете» (пер. с фр. М. Чолшина (1896)); «Этнография и социология» (1904); «Действительная природа Государственной думы» (1905); «Общий ход развития политической мысли во второй половине XIX века» (1905); «Современные социологии» (1905); «От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений» (в 3 т. (1906)); «Очерки по истории политических учреждений России» (1908); «Социология» (1910).

В 1877 г. М.М. Ковалевский избран профессором государственного права и сравнительной истории права (эту должность он занимал до 1887 г.) в Московском университете, где читал курс государственного права евро-

пейских стран, курс лекций по истории иностранных законодательств и др. Через 6 месяцев после увольнения из Московского университета ученый был приглашен для чтения лекций, посвященных происхождению семьи и собственности, в Стокгольм, а оттуда — в Оксфорд, где читал курс лекций по истории русского права. До 1905 г. жил за границей, преподавал в учебных заведениях Европы и Америки. В Россию возвратился в 1906 г. и был избран профессором Петербургского университета (1906—1916 гг.).

По воспоминаниям коллег, М.М. Ковалевский отличался разносторонними интересами и колоссальной работоспособностью. Его невольное удаление от академической деятельности и отъезд за границу только увеличило его популярность и дало возможность обрести прочные европейские связи и известность³.

М.М. Ковалевский одним из первых указывал, что «на любом институте права можно проследить одновременное влияние открытия и подражания, нередко принимающего также форму приспособления к местным условиям»⁴. Оценивая творческое наследие Максима Максимовича, С. Котляревский заметит впоследствии, что М.М. Ковалевский не мог понять американской конституции 1787 г., не уяснив, что она была заимствована из английского образца⁵. Вместе с тем М.М. Ковалевский не ограничивался изучением иностранного права и законодательства и вопросами применения его к российской правовой действительности. Он ставил перед собой более важную задачу — познакомить европейских ученых с богатством материала, какой дает обычное право различных народностей Империи, с древнейшими источниками русского и других славянских законодательств. Этой цели и отвечают изданные им на французском и английском языках сочинения, в числе которых — очерки великорусского и малорусского обычного права, напечатанные в *Revue historique de droit français*⁶ (юридический журнал, издаваемый во Франции с конца XIX в. — Т.Ж.).

М.М. Ковалевский объясняет возникновение права и государства интересами общественной солидарности. Например, рассматривая право как продукт исторического развития общества, он исходит только из социальных условий жизни общества. Право, по его мнению, развивается в результате взаимодействия разных факторов: экономики и политики, религии и нравственности, науки и искусства. Формы выражения права для него — обычай, закон и указ. Как считает М.М. Ковалевский, именно обычное право порождает право позитивное, носящее нормативный характер и обеспечиваемое принудительной силой государства⁷.

Вопросы государства ученый исследовал с позиций социологического позитивизма, имевшего в основе сравнительно-историческую этнографию.

Как написал впоследствии С. Котляревский, «пройдет немало времени, пока история русской науки не разберется детально в том столь богатом и разнообразном наследии, которое оставил М.М. Ковалевский»⁸.

Таким образом, исследования М.М. Ковалевского создали прочную основу не только для развития дореволюционной российской юридической науки, но и являются актуальными в современную эпоху.

¹ См., например: *Стоянов А.Н.* [Рец]. К вопросу о возникновении институтов имущественного и обязательственного права (по поводу исследования М. Ковалевского «Современный обычай и древний закон». М., 1886. Т. 1–2) // *Юридический вестник*. 1887. № 10; *Сэр Фредрик Поллок* о труде М.М. Ковалевского // *Юридический вестник*. 1892. № 3; *Покровский В.С.* Социально-политические и правовые взгляды М.М. Ковалевского // *Советское государство и право*. 1957. № 4; *Федотова Г.А.* Политическое учение М.М. Ковалевского: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973; *Комнатная Ю.А.* Политико-правовые воззрения М.М. Ковалевского: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002; *Погодин С.Н.* Максим Максимович Ковалевский. СПб., 2005; *Игнатьева М.В.* М.М. Ковалевский как антрополог права: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006; *Туманова А.С.* Теория прав человека М.М. Ковалевского // *История государства и права*. 2009. № 21 и др.

² См.: *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: Воспоминания. М., 2005. С. 9.

³ См.: *Памяти А.С. Алексева и М.М. Ковалевского* // *Юридический вестник*. 1916. Кн. XIV(II). С. 111.

⁴ *Ковалевский М.М.* Сравнительно-историческое правоведение в его отношении к социологии. Методы сравнительного изучения права // *Сборник по общественно-юридическим наукам*. Вып. 1 / под ред. Ю.С. Гамбарова. СПб., 1899. С. 7.

⁵ См.: *Котляревский С.* Памяти М.М. Ковалевского // *Юридический вестник*. М., 1916. Кн. XIV(II). С. 134.

⁶ *Ковалевский М.М.* Мое научное и литературное скитальчество // *Русская мысль*. 1895. № 1. С. 79.

⁷ См.: *Комнатная Ю.А.* Политико-правовые воззрения М.М. Ковалевского: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 160

⁸ *Котляревский С.* Указ. соч. С. 134.

Р.Е. Сейдеметова*

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПРАВА ПО ЛОРЕНЦУ ФОН ШТЕЙНУ

Расцвет научной деятельности немецкого правоведа XIX в. Лоренца фон Штейна в Западной Европе, и в частности в Германии, ознаменован переходом от исследования субъективного фактора общественной жизни как основы права к изучению социальной среды как сферы образования права. В работах ученых все меньше внимания уделяется значению личности, ее свободам и участию в процессе образования права. Кроме того, немецкие правоведы того времени в своих работах раскрывали сущность права как необходимость регулирования взаимоотношений людей в обществе. Они считали, что в праве выражается не свобода, а нормы фактических отношений. Таким образом, цель права — не расширение, а ограничение свободы, поскольку достижение высшего блага для всех возможно лишь посредством ограничения интересов одного в пользу другого. Ограничение личного интереса в пользу общественного существенно влияет на определение понятия «право». Понять сущность права возможно с помо-

* *Сейдеметова Роза Есеновна* — аспирант кафедры истории государства и права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

щью изучения общества и условий его существования. Господствующими стали точки зрения, в которых подтверждались тезисы о праве как выражении могущества общества над индивидом; праве как силе и власти большинства над индивидами, охраняющей общественные интересы. В целом право выступает продуктом общественной власти, наделенной полномочиями издавать юридические нормы в целях поддержания общежития.

Как известно, прогресс в развитии государства состоит в постоянном возвышении требований, предъявляемых им к индивиду. Реалии XIX столетия свидетельствуют о том, что наука права восстала против государствоведов, стремившихся акцентировать внимание на роли личности. Стала преобладать точка зрения, ставившая общественное над частным, а право (и частное, и публичное) служило общественному интересу.

Смена эпох, трансформация правовых взглядов оставили заметный след на формирующейся юридической теории Штейна, долгое время остающейся нейтральной к мнениям субъективистов и объективистов. Уникальность его учения состоит в попытках применить базовые начала в изучении права к существующим реалиям. В своих трудах он, в отличие от других юристов, старается использовать выводы как рационалистов, так и реалистов, и кроме того, дает широкое применение позитивному методу. Многие его научные труды посвящены политико-юридическим аспектам жизни общества, в частности разработке правил управления и содержанию права как такового. Штейн полагает, что юридическое образование, преподаваемое в немецких университетах, не соответствует уровню времени. Нет ни одной отдельной отрасли науки, которая была бы в таком застое, как наука права. Причину же он видит в том, что юридическое образование базируется на *Corpus juris* и Пандектах, составляющих главный предмет изучения, а мера образованности определяется уровнем знания римского права.

Немецкому же государственному праву Штейн не придавал особого значения, поскольку «положительное право изменяется и принципы его стоят нетвердо»¹. В юридической теории он выделял науку о праве и философию права. По его мнению, наука о праве — это составная часть науки о жизни (государствоведения). Предметом ее выступает рассмотрение права как результата производящих сил личности и объективной природы. Наука права закрепляет систему подлинного права в сопоставлении с системой явлений жизни личности (личное, хозяйственное, общественное и публичное право). В то же время философия права устанавливает систему общего равного права, вытекающую из основных отношений между индивидами и состоящую из неправа, оборота и совместной жизни людей. Так, неправо возникает при отношении одной личности как к факту; оборот происходит, когда одна личность является средством для другой; а совместная жизнь людей возникает при осознании индивидом необходимости взаимодействия с себе подобными. Таким образом, Штейн выделяет из неправа

уголовное право, из оборота — гражданское, из совместной жизни — публичное право.

Наука права, как уже отмечалось, устанавливает систему действительного права, элементами которой, по Штейну, выступают:

- 1) общественное право (право классов и общественных форм);
- 2) публичное право, охватывающее как степень участия индивида в выражении общей воли государства, так и границы деятельности органов власти (главы государства, исполнительных органов управления) во взаимодействии друг с другом и с отдельными гражданами;
- 3) гражданское право, возникающее при условии становления хозяйственной жизни одной личности предметом деятельной воли другой. Для Штейна гражданское право — это завуалированная в юридические термины политическая экономия. Каждая из областей гражданского права (например, частное право, торговое право, право товарищеских обществ) имеет свое понятие о лице, собственности, договоре.

В своем сочинении о государственном и правовом устройстве Штейн различает два вида права: 1) право само по себе, вечное, равное, опирающееся на сущность личности и 2) право положительное, постоянно изменяющееся под влиянием правопроизводящих сил, соединение которых есть государство². Таким образом, основания существующего права можно отыскать в личностной активности, поэтому и право всегда различно. Подлинная жизнь образуется из взаимодействия личности как таковой и личности, подвергающейся воздействию хозяйственных и общественных сил, следовательно, рассуждает Штейн, «положительное право есть осуществление чистого правопонятия в определенном хозяйственном или общественном состоянии»³, т.е. состоянии неравенства. Таким образом, положительное право есть результат слияния философии права и науки о государстве. В свою очередь правоведение можно осознать лишь в случае признания его в качестве одного из элементов науки о государстве (науки о жизни), которая, в свою очередь, является «вечным и истинным источником науки права»⁴.

Наука права раскрывается в случае стремления понять положительное право «как совокупность явлений, из производящих его причин, заключающихся в субъекте личности и в объекте, природе вещи»⁵. Компетенция правоведения заключается в установлении системы действующего права, согласующуюся с реалиями жизни личности, охватывающими следующие сферы:

- 1) сфера телесной жизни, охватывающая отношения собственно лица;
- 2) сфера хозяйственной жизни, содержащая отношение лица к миру благ;
- 3) сфера общественной жизни, охватывающая отношения лица к духовному порядку совместной жизни;
- 4) сфера государственной жизни, состоящая из отношения лица к государству.

Отсюда Штейн выделяет следующие отрасли права⁶:

- 1) личное право;
- 2) хозяйственное право;
- 3) общественное право (форм и классов общества);
- 4) публичное право.

Данная классификация не типична для учения немецкого мыслителя. Например, в своем сочинении «Gegenwart und Zukunft der Rechts und Staatswissenschaft» Штейн приводит несколько иное деление права, а в последнем издании «Handbuch der Verwaltungslehre» подразделяет все право на право государственного устройства, на государственно-гражданское право и право государственного управления. При этом право государственного устройства у него отличается от государственного права, а гражданское право распадается на две группы: на уголовное и частное право.

Право, по Штейну, это святость и ненарушимость жизненной сферы другой личности, во вне находящейся во взаимном соприкосновении с другой⁷. Право действует там, где волевое действие одного затрагивает внешнюю сферу жизни другого, где один индивид выступает против другого. Право, по Штейну, — великая этическая сила, которая устанавливает и поддерживает личную самостоятельность одного по отношению к воле другого. Оно — защита основ всякой жизни, индивидуальной ненарушимости от действия и насилия другой личности, и вместе с тем, первое и священное основание и предположение всякого развития (как индивида, так и целого)⁸.

Право по своему принципу относится индифферентно к своему содержанию, оно само по себе, не имеет в себе другого содержания, кроме святости и ненарушимости личного существования одного лица для другого. В данном случае право неизменно.

Таким образом, мы рассмотрели ключевые элементы правовых воззрений Лоренца фон Штейна, труды которого пользовались огромным успехом в западных научных кружках. Многие юристы опирались и продолжают опираться на них как на бесспорный авторитет, поскольку учение немецкого мыслителя и в настоящее время не утратило актуальности. Оно формировалось в непростых реалиях как философской, так и политической жизни общества. Новейшие преобразования подрывали старый сословный уклад европейского общества, зажиточные слои населения постепенно утрачивали свои привилегии, воцарилось гражданское равенство, сочетавшееся с имущественной пропастью между богатыми и бедными слоями населения. В Германии быстрее всего развивалась система самоуправления, а с ним и стремление государства отобрать у старой бюрократии задачи управления, для реализации которых необходимо было создать не только право, но и обучить искусству управления.

¹ Учение об управлении и Право управления со сравнением литературы и законодательства Франции, Англии и Германии. Руководство, изданное Лоренцом Штейном, профессором Венского университета, как основание его лекций / пер. с нем.; под ред. И.Е. Андреевского. СПб., 1874. С. XII.

² Stein L. Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaft Deutschlands, 1876. S. 116–117, 302 (здесь и далее в переводе автора — Сейдеметовой Р.Е. (прим. ред.)).

³ Stein L. System der Staatswissenschaft .II Band: Die Gesellschaftslehre, 1855. S. 60–61.

⁴ Stein L. Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaft Deutschlands, 1876. S. 106, 117.

⁵ Stein L. Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaft Deutschlands, 1876. S. 11–12, 117, 135; см. также: Stein L. System der Staatswissenschaft .II Band: Die Gesellschaftslehre, 1855. S. 226. На то же самое различие указывал когда-то ученик и последователь Гегеля Ганс в своем сочинении "Das Erbrecht in weltgeschichtlichen Entwicklung" (1824–1835), понимая под Rechtskunde знание действующего в государстве права, а под Rechtswissenschaft — идею права.

⁶ См., например: Stein L. System der Staatswissenschaft .II Band: Die Gesellschaftslehre, 1855. S. 220; Stein L. Verwaltungslehre, III Theil. Das Gesundheitswesen, 1882. S. 77–78. Каждая система права есть не что иное, как система основных жизненных отношений органической личной жизни (Verwaltungslehre. I Theil. Die vollziehende Gewalt. Allq. Theil: Verwaltungsrecht. Besond. Th: Die Regierung und das Regierungsrecht, 1869. S. 21. Каждое право в его содержании и системе есть только следствие сущности и жизни личности (Stein L. Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaft Deutschlands, 1876. S. 215).

⁷ См., например: Stein L. Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaft Deutschlands, 1876. S. 91–92.

⁸ См., например: Stein L. System der Staatswissenschaft .II Band: Die Gesellschaftslehre, 1855. S. 222.

О.Б. Копылов*

НАУЧНО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ СЕРГЕЯ ИВАНОВИЧА БАРШЕВА

Сергей Иванович Баршев — заслуженный профессор, доктор законовения, в своих научных взглядах придерживался исторической школы права. Основные его работы посвящены исследованию уголовного права. Помимо этого, он рассматривал проблемы смежных наук: уголовно-процессуального права и криминалистики.

По нашему мнению, необходимо отметить некоторые обстоятельства, исключая преступность деяния, которые приводил Сергей Иванович в своих научных трудах и которые нашли свое отражение в современном законодательстве.

1. Физическое принуждение¹, как считал Баршев, «отнимает у человека возможность действия», а следовательно, если нет свободы «действия», то и нет вменения². Психологическое принуждение не может полностью уничтожить вменение, потому что оно не может лишить человека свободы выбора³. Современное законодательство также не считает преступлением физическое принуждение, если лицо не могло руководить своими действиями (бездействием). В соответствии с существующими нормами вопрос об уголовной ответственности за причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате психического принуждения, а также в результате физического принуждения, вследствие которого лицо сохранило возможность руководить своими действиями, решается с учетом положений о крайней необходимости⁴.

* Копылов Олег Борисович — аспирант кафедры истории государства и права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

2. Необходимая оборона⁵, которую С.И. Баршев представлял как «вынужденное защищение против предстоящего нападения». Кто защищается от нападения, говорил он, и совершает при этом какое бы то ни было преступление, не подлежит за него никакой ответственности, однако требуется, чтобы нападение было несправедливым⁶. В настоящее время под необходимой обороной принято понимать непреступное причинение вреда посягающему лицу при защите личности и права обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны⁷.

Представляется интересной точка зрения С.И. Баршева относительно обстоятельств, которые, по его мнению, отягчают наказание. Из всей совокупности данных обстоятельств, на наш взгляд, целесообразно выделить следующие:

1) повторение преступления⁸ — в настоящее время данный термин заменен понятием рецидив. С.И. Баршев понимал под повторением преступления «когда кто опять совершит то же самое преступление, за которое прежде уже был наказан»⁹, и считал, что при совершении повторного преступления следует увеличить наказание. Действующее законодательства сегодня под рецидивом преступлений признает совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ)¹⁰;

2) местные и временные обстоятельства. «Если преступник совершает свое преступное действие на таком месте, к которому он был обязан особенным уважением, или же предпринимает его в такое время, когда ему нелегко было воспрепятствовать, или когда оно может быть особенно опасно; то все это должно быть рассматриваемо, как основание к увеличению наказания». Например, говорит он, «воровство, которое совершается ... во время пожара»¹¹. Таким образом, С.И. Баршев под местными и временными обстоятельствами подразумевал чрезвычайное положение в широком смысле, что соответствует положениям современного законодательства об обстоятельствах, отягчающих наказание, а именно совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках (п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ);

3) на степень наказания, с точки зрения С.И. Баршева, также влияют «преодоление больших препятствий, особенная хитрость, постоянство и жестокость в исполнении»¹². Данная формулировка является собирательной конструкцией, в связи с чем мы не считаем возможным привести весь перечень критериев, перечисленных Баршевым, а лишь укажем на отдельную его часть. В отечественном законодательстве к обстоятельствам, отягчающим наказание, относят совершение преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательствами, а также мучениями для потерпевшего (п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ);

4) к обстоятельствам, отягчающим наказание, С.И. Баршев относил и такую ситуацию, когда преступник «лжет и запирается на допросе»¹³. Хотя указанное обстоятельство не встречается в отечественном законодательстве, данная точка зрения заслуживает внимания;

5) стечение преступлений, к которым С.И. Баршев относил следующие случаи: «а) неоднократное совершение одного и того же преступления, которое оставалось доселе без всякого наказания; б) совершение также не наказано в разное время разных преступлений, и в) совершение многих преступлений посредством одного действия»¹⁴.

Несмотря на то, что данное обстоятельство было отнесено С.И. Баршевым к отягчающим наказание, однако во всех этих случаях он считает, что необходимо не увеличивать меру наказания, а подвергать преступника за каждое преступление соответствующему наказанию. Стечение преступлений в отечественном законодательстве именуется совокупностью преступлений. Ею признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание¹⁵. Кроме того, совокупностью преступлений признается и одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ. При совокупности преступлений лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи УК РФ.

Представляется необходимым рассмотреть и научные исследования в области криминалистики, к которым можно отнести работу С.И. Баршева «О личном допросе»¹⁶. Сергей Иванович отмечал что, «как средство обнаружения истины личный допрос считается необходимым» и давал рекомендации по вопросам, которые необходимо задавать в процессе допроса подозреваемого. Так, он считал, что допрос следует начать с вопроса: «признает ли он себя виновным в преступлении, в котором его обвиняют или нет?»

На практике допрос считается вполне удавшимся лишь тогда, когда он оканчивается признанием допрашиваемого; «но и как орудие обвинения личный допрос почти всегда оказывается на опыте совершенно несостоятельным». Для провозглашения справедливого приговора необходимо знать все самые мельчайшие обстоятельства дела, говорил он, «а кто, же может передать их так верно как не сам совершивший его?». Но подозреваемый не обязан свидетельствовать против себя. Допрос имел смысл в тот период, когда он выделился из духовного суда. Светские суды, переняв опыт из духовных судов, также хотели воздействовать на внутренний мир подозреваемого, и то, что достигается по средствам исповеди в духовных судах, светские суды должны были достигать по средствам допроса. «Но в наше время, — заключал Сергей Иванович, — гражданские суды не простирают так далеко своих требований и потому личный допрос теперь совершенно для них бесполезен»¹⁷.

Научные взгляды С.И. Баршева нашли свое воплощение в современной правовой науке и практике. Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что правовые воззрения С.И. Баршева содержат большой и весьма поучительный материал, не потерявший своего значения и сегодня.

¹ См.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Свод законов уголовных. СПб., 1832. Т. 15, ст. 135.

² См.: Баршев С.И. Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях. М., 1841. С. 37.

³ См.: Там же. С. 43.

⁴ См.: Козаченко И.Я. Уголовное право. Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 388–389.

⁵ См.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Свод законов уголовных. СПб., 1832. Т. 15, ст. 133.

⁶ См.: Баршев С.И. Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях. С. 37.

⁷ См.: Козаченко И.Я. Указ. соч. С. 368.

⁸ См.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Свод законов уголовных. СПб., 1832. Т. 15, ст. 124.

⁹ Баршев С.И. Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях. С. 167.

¹⁰ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2010 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2011. № 1, ст. 54.

¹¹ Баршев С.И. Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях. С. 171.

¹² Баршев С.И. Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях. С. 171; Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Свод законов уголовных. СПб., 1832. Т. 15, ст. 121.

¹³ Баршев С.И. Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях. С. 180.

¹⁴ Там же. С. 164; см. также: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Свод законов уголовных. СПб., 1832. Т. 15, ст. 123.

¹⁵ См.: Рапог А.И. Уголовное право России. Общая часть. 3-е изд., с изм. и доп. М., 2009. С. 245.

¹⁶ Баршев С.И. О личном допросе // Журнал Министерства юстиции. 1861. Т. 9. №10. С. 51–60.

¹⁷ Там же. С. 51–52, 54, 58, 60.

М.И. Мумлева*

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ НАРОДНЫХ СУДЕЙ СССР В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-КОМАНДНОЙ СИСТЕМЫ

30-е годы XX в., явившие собой начало периода, вошедшего в историю Советского государства как годы сталинских репрессий, привнесли значительные изменения в статус судей.

Как отмечается в учебной литературе, «в период с 1925 г. до начала 30-х годов происходил постепенный откат от тех демократических веяний, которые дали о себе знать в период с 1922 по 1924 г. Этому в значительной мере способствовал начавшийся к этому времени процесс образования централизованной командно-административной системы... Шел все нарастающий

* Мумлева Мария Игоревна — аспирант кафедры истории государства и права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

нажим с целью вмонтирования судов в структуру органов исполнительной власти. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке руководства судебными органами» от 30 октября 1928 г. председатель Верховного Суда РСФСР был объявлен заместителем народного комиссара юстиции»¹.

Принятая в 1936 г. т. н. сталинская Конституция (Основной Закон) Союза ССР² окончательно провозгласила создание на территории всего союзного государства существование единой судебной системы, нашедшее свое отражения в принимаемых в рассматриваемый период положениях о судостроительстве республик.

В сложившихся политических условиях возникла необходимость издания единого закона о судостроительстве, который бы полностью соответствовал принципам, изложенным в сталинской Конституции. Таким законом, распространявшим свое действие на всю территорию СССР, стал Закон от 16 августа 1938 г. «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик»³ (далее — Закон о судостроительстве СССР).

Статья 112 Конституции СССР и ст. 6 Закона о судостроительстве СССР провозгласили принцип независимости судей и подчинение их только закону в качестве основы отправления подлинного правосудия. Как и прежде, толкование принципа независимости судей, вслед за В.И. Лениным, осуществлялось в аспекте острого антагонизма буржуазной независимости судей, основанной на их несменяемости. «На самом деле принцип несменяемости судей нигде практически полностью не приведен в жизнь, ибо там, где формально действует принцип несменяемости судей, буржуазное правительство всегда имеет возможность и средства устранить любого судью, деятельность которого не соответствует его политическим целям. Само назначение судей есть уже результат проверки его деятельности на пользу господствующего класса»⁴.

Принцип независимости судей, будучи одной из важнейших характеристик правового положения (статуса) судей, получает свое раскрытие через гарантии независимости, в частности, касающиеся необоснованных смещений судей с должностей местными властями. Так, Закон о судостроительстве СССР закрепил в себе особый порядок освобождения судей от занимаемой должности, а также возбуждения в отношении них уголовного преследования и отстранения от должности. Освобождение судей от должности и народных заседателей от их обязанностей допускалось не иначе как по отзыву избирателей или же в силу состоявшегося приговора суда (ст. 17).

Возбуждение против судей уголовного преследования, а также отстранение их в связи с этим от должности и предание суду производилось: в отношении народных судей, членов краевых, областных, окружных судов, судов автономных областей, членов Верховных судов союзных и автономных республик — по постановлению прокурора союзной республики с санкции Президиума Верховного Совета союзной республики; в отношении членов Верховного Суда СССР и специальных судов СССР — по постановлению Прокурора СССР с санкции Президиума Верховного Совета СССР (ст. 18).

На практике, к сожалению, закрепленный законодательно порядок привлечения судей к ответственности не всегда неукоснительно соблюдался. Так, имели место и случаи нарушения процессуального законодательства при расследовании и отправлении правосудия в отношении судей. В качестве примера приведем исторические факты по делу о привлечении к уголовной ответственности председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР — В.А. Трифонова. На стадии предварительного расследования его действия фактически квалифицировались по ст. 19–58-8 УК РСФСР, т.е. как покушение либо приготовление к совершению террористических актов. В свою очередь Военная коллегия Верховного Суда СССР квалифицировала его действия по ст. 58-8 УК РСФСР, т.е. тем самым признав его виновным в совершении террористического акта. Таким образом, налицо факт нарушения в рамках рассматриваемого дела, как и по многим другим делам, требований закона, т. к. суд не вправе был выносить подобный приговор без направления дела на дополнительное расследование, в ходе которого ему было бы предъявлено новое обвинение в совершении более тяжкого преступления, и только после этого материалы дела подлежали направлению в суд⁵.

По-прежнему, несмотря на конституционное провозглашение принципа независимости судей, «такой важной гарантии независимости судей, как их несменяемость, ни Конституция, ни закон о судостроительстве не сохранили»⁶.

Значительные изменения коснулись и порядка избрания кандидатов на судейские должности. Так, судьи районных (городских) народных судов избирались гражданами района (города) на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании из числа лиц, соответствующих общим квалификационным требованиям⁷. При этом законодателем продлен общий срок пребывания лиц на судейских должностях, отныне он составлял 5-летний период для судей и двухгодичный для народных заседателей (ст. 109 Конституции СССР 1936 г.).

Характерной особенностью правового положения судей изучаемого периода являлся обусловленный требованиями установленного политического режима т. н. принцип подотчетности. Положения Закона о судостроительстве СССР в ст. 29 напрямую закрепляют обязанность народных судей отчетываться перед избирателями в своей работе и работе народного суда.

Несколько иной порядок назначения предусматривался для судей высших судов. Так, в соответствии со ст. 108 Конституции СССР краевой, областной, окружной суд и суд автономной области избирались краевым, областным, окружным Советом депутатов трудящихся или Советом депутатов трудящихся автономной области сроком на 5 лет.

Состав Верховного Суда автономной республики в соответствии со ст. 107 Конституции СССР избирался Верховным Советом автономной республики сроком на 5 лет.

Верховные суды союзных республик, являвшиеся высшими судебными органами союзных республик, формировались посредством избрания его членов Верховными советами союзных республик сроком на 5 лет.

Таким образом, через положения сталинской Конституции происходит процесс демократизации судебной системы посредством повсеместного введения избрания народных судей на основе всеобщего прямого равного избирательного права при тайном голосовании. Освобождение от занимаемых должностей осуществлялось лишь по отзыву избирателей и по приговору суда, что символизировало гарантии независимости судей.

Однако наравне с провозглашенными демократическими принципами в стране продолжал существовать двойной контроль за деятельностью судов — со стороны Верховного Суда СССР и прокуратуры. Все это, а также сравнительно короткие сроки полномочий судей (народных судей — 3 года, членов остальных судов — 5 лет), право их отзыва избирателями делало суды, а, следовательно, и судей весьма «управляемыми»⁸.

В целом развитие правового статуса судьи в период после проведения судебной реформы 1922 г., а также предвоенного времени ознаменовался законодательным закреплением основных его содержательных характеристик. В данном случае речь идет и о провозглашении независимости судей, оформлении гарантий их независимости, включающих в т. ч. особый порядок привлечения судей к ответственности и отстранения их от должности.

По-прежнему в основу квалификационных требований для кандидатов на должности судей был положен т. н. трудовой ценз, а также обязательность наличия активного и пассивного избирательных прав. Деятельность судей начинает носить все более партийно-детерминированный характер, сочетающийся с процедурой жесткого контроля над судами со стороны вышестоящих судебных органов, а также прокуратуры.

Весьма важным является и фактическая реализация принципа выборности судей, т. е. уход от ранее существовавшего его чисто декларативного характера и воплощение в жизнь лозунга В.И. Ленина выбора судей «трудящимися из трудящихся», что наряду с перечисленным образует мощную основу для укрепления статуса судьи в Советском государстве и создает благоприятные предпосылки для его дальнейшей эволюции.

¹ Гуськова А.П., Шамардин А.А. Правоохранительные органы (судоустройство): учебник. М., 2005. С. 65.

² См.: Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. 6 дек.

³ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1938. № 11.

⁴ Кожевников М.В. История советского суда / под ред. И.Т. Голякова. М., 1948. С. 292.

⁵ См.: Смирнов Н.Г. Репрессированное правосудие. М., 2001. С. 339–352.

⁶ Курицын В.М. История государства и права России. 1929–1940 гг.: учебное пособие для высшей школы. М., 1998. С. 127.

⁷ К таковым согласно ст. 11 Закона о судоустройстве относятся: гражданство СССР, наличие избирательных прав, достижение ко дню выборов 23-летнего возраста, а также отсутствие судимости.

⁸ Курицын В.М. Указ. соч. С. 127.

А.П. Савочкин*

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ВОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА

Процесс формирования водного законодательства в начале XIX в. определялся особенностями государственного и общественного устройства, а также состоянием российского законодательства в целом. Водное законодательство начала XIX в. было изложено в одном из важнейших источников права России — Полном собрании законов Российской империи (1830 г.), наиболее полно включавшем в себя все разновидности законодательных актов: манифесты, положения, уставы, уложения, именные указы и пр.

Необходимо отметить, что формирование российского водного законодательства тесно связано с учреждением специального государственного ведомства, занимавшегося водным хозяйством России — Департаментом водяных коммуникаций, имевшим статус Коллегии и подчинявшегося Правительствующему сенату¹. До образования этого ведомства в России не было специального государственного учреждения, занимавшегося использованием и охраной водных путей сообщения, они относились к компетенции местных властей².

Манифестом от 20 ноября 1809 г. «Об управлении водными и сухопутными сообщениями» Императора Александра I Департамент был преобразован в Управление водяными и сухопутными сообщениями³.

Необходимость проведения преобразования ведомства мотивировалась законодателем тем, что «устройство многочисленных и удобных путей сообщения в столь обширном и изобилующим различными произведениями государстве, как Российская империя, составляет одну из важнейших частей управления, и что распространение земледелия и промышленности, возрастающее население столицы и движение внутренней и внешней торговли превосходит уже меру прежних путей и потому вызывает необходимость дать части сей все расширение, какое ей может быть свойственно по пространству Империи, по обилию ее произведений и по соревнованию промышленности»⁴. То есть, с ростом внутренней и внешней торговли, развитием промышленности и увеличением численности населения Российской империи требовалось как надлежащее управление, так и устройство водных путей сообщения.

В соответствии с этой задачей под начало Управления перешли как водные, так и сухопутные пути сообщения, которые для удобства управления были разделены на 10 округов, в состав которых входили губернии Европейской части Российской империи, Финляндия, Кавказ. Кроме того, была закреплена новая структура учреждения, с подробным ее изложением, де-

* Савочкин Андрей Петрович — аспирант кафедры истории государства и права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

тально проработаны должностные обязанности руководителей учреждения всех уровней, изложены положения территориальных подразделений — округов. Манифестом было определено место нахождения Управления — г. Тверь⁵.

Учреждено и единственное в России специальное учебное заведение — институт путей сообщения, занимавшийся подготовкой специалистов, необходимых в этой области.

В начале XIX в. среди законодательных актов, как-то: о строительстве искусственных каналов⁶, шлюзов, плотин, мостов, водопроводов⁷, о очистке каналов и русел рек⁸, появляется ряд нормативных актов, содержащих общие правила пользования водными путями сообщения⁹.

Так, «Правила судоходства по Мариинскому каналу и Вышневолоцкому пути» содержали общие технические характеристики для судов: их максимальный размер, количество работников, максимальный вес груза. Каждое судно должно было иметь накладную установленного образца с приложением вышеуказанных правил, подробно излагался порядок движения, обгона, остановки судов по данной водной системе. Были установлены административные санкции за нарушение Правил судоходства, например, в случае превышения максимально возможного веса груза на судне с судоотправителя взимался штраф в размере 100 руб. с остановкой судна до приведения его в надлежащее правилам состояние; в случае утраты накладной взимался штраф с судоотправителя в размере 50 руб. и т. д.¹⁰

Правила «О распорядке, надзоре и исправлениях по Мариинскому каналу и Вышневолоцкому пути»¹¹ устанавливали состав и полномочия надзирающих за судоходством по вышеуказанной водной системе, определяли размер оплаты за работу лоцманам, гребцам, тяглецам. Согласно Правилам в г. Рыбинске был учрежден коммерческий словесный суд, в состав которого входили два лица купеческого сословия и один депутат — чиновник от Рыбинской конторы водяных коммуникаций.

«Инструкции смотрителям на пристанях по ведомству Рыбинской конторы водяных коммуникаций»¹² закрепляли должностные обязанности пристанных смотрителей. Указанные инструкции должны были распространяться на ряд губерний: Нижегородскую, Владимирскую, Рязанскую, Московскую, Тульскую, Калужскую, Орловскую, Тамбовскую, Воронежскую, Пензенскую, Симбирскую, Ярославскую.

Манифестом от 29 октября 1810 г. «О судоходстве относительно системы вод реки Волги через Вышневолоцкий канал до Петербурга»¹³ были закреплены правила судоходства на наиболее важном в то время водном пути — Мариинской системе с образованием специального органа — судоходной расправы, в компетенцию которой входило рассмотрение споров между судовладельцами, приказчиками, работниками, наблюдение за заключенными договорами, за покупкой и продажей судов и грузов. До этого подобного рода дела были предметом рассмотрения окружных начальников и чиновников Управления путей сообщения¹⁴.

В состав судоходной расправы входили: председатель, 16 членов, секретарь, 4 помощника секретаря, 10 маклеров. Председатель избирался купеческим обществом первой гильдии на три года и утверждался Главным директором Управления путей сообщения.

Также избирались из купцов первой и второй гильдии обществами Гжатским, Ярославским, Рыбинским, Усть-Мологским, Корчевским, Тверским, Ржевским, Новоторжским, Вышневолоцким, Боровицким, Новгородским, Новолодожским члены расправы и маклеры, сроком на один год. Выборы должны были заканчиваться к 15 января каждого года. Секретари и их помощники назначались Главным директором бессрочно.

Таким образом, в начале XIX в. в российском законодательстве появляется ряд нормативно-правовых актов, направленных, во-первых, на формирование специально уполномоченного государственного органа, ведавшего водным хозяйством Российской империи, деятельность которого была направлена на развитие, управление водных путей сообщения и обеспечения порядка в этой сфере, и во-вторых — на выработку общих правил судоходства.

¹ Департамент водяных коммуникаций был создан в 1798 г. Указом императора Павла I. См.: ПСЗ. I. Т. XXV. № 18.403.

² См.: Краткий исторический очерк развития и деятельности ведомства путей сообщения за сто лет его существования (1798–1898). СПб., 1898. С. 6.

³ См.: ПСЗ. I. Т. XXX. № 23.996.

⁴ ПСЗ. I. Т. XXX. № 23.996. Манифест от 20 ноября 1809 г. «Об управлении водяными и сухопутными сообщениями».

⁵ См.: ПСЗ. I. Т. XXX. № 23.996.

⁶ См.: ПСЗ. I. Т. XXVI. № 19.282, № 19.283, № 19.287; Т. XXVII. № 20.703; Т. XXVIII. № 21.568; Т. XXIX. № 22.053 и т.д.

⁷ См.: ПСЗ. I. Т. XXX. № 22.798.

⁸ См.: ПСЗ. I. Т. XXVI. № 19.288; Т. XXVII. № 20.585.

⁹ См.: ПСЗ. I. Т. XXX. № 23.483. Именной указ от 14 февраля 1809 г. О правилах судоходства по Мариинскому каналу и Вышневолоцкому пути; ПСЗ. I. Т. XXX. № 23.484. Именной указ от 14 февраля 1809г. О распорядке, надзоре и исправлениях по Мариинскому каналу и Вышневолоцкому пути; ПСЗ. I. Т. XXX. № 24.063. Именной указ от 16 апреля 1809г. Инструкции смотрителям на пристанях по ведомству Рыбинской конторы водяных коммуникаций; ПСЗ. I. Т. XXX. № 24.126. Именной указ от 12 февраля 1809г. О мере груза и числе работников на судах по Мариинскому каналу.

¹⁰ См.: ПСЗ. I. Т. XXX. № 23.483.

¹¹ См.: ПСЗ. I. Т. XXX. № 23.484.

¹² См.: ПСЗ. I. Т. XXX. № 24.063

¹³ См.: ПСЗ. I. Т. XXXI. № 24.391.

¹⁴ См.: Краткий исторический очерк развития и деятельности ведомства путей сообщения за сто лет его существования (1798–1898). СПб., 1898. С. 37.

АННОТАЦИИ (SUMMARY)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА (THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW)

Дружкина Ю.А.

*Старший преподаватель кафедры теории государства и права
ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права»,
кандидат юридических наук*

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ НА НОРМОТВОРЧЕСТВО

В статье рассмотрена важная для генезиса права духовно-культурная основа нормотворческого процесса — религиозное правосознание. Раскрываются направления, формы и методы выражения конфессиональной составляющей в формировании нормотворческой среды правового регулирования; выделяются приоритеты российской правовой традиции в духовной сфере, учет которых в законотворчестве способствует правомерному поведению индивида, ограничивая его деструктивные формы.

Ключевые слова: религиозное правосознание, право, национальная правовая культура, правовая культура регионов России, нормотворчество.

Druzhkina Ju.A.

RELIGIOUS LEGAL CONSCIOUSNESS INFLUENCE FOR THE LAW-MAKING PROCESS

The article deals with the important for law geneses of the religious and cultural basis of law-making process — religious legal consciousness. The author examines trends, forms and methods of confessional component of the rule-making process formation; analyses the Russian legal tradition priorities in the sphere of religion.

Key words: religious legal consciousness, law, national legal culture, legal culture of the regions of Russia, rule-making.

Судоргин Н.С.

*Доцент кафедры истории государства и права
ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права»,
кандидат исторических наук*

ВОПРОС О ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА (В КОНТЕКСТЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ)

Статья посвящена деятельности Всероссийского союза городов и Всероссийского земского союза по решению продовольственной проблемы накануне Февральской революции.

Ключевые слова: твердые цены, продовольственный кризис, Всероссийский земской союз, Всероссийский союз городов.

Sudorgin N.S.

**TO THE QUESTION OF THE POWER IN THE RUSSIAN IMPERIA
BEFORE THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917
(IN THE FRAME OF PROVISION PROBLEM)**

The article is devoted to the activity of the Russian city's Union and Russian Zemskoy Union for the decision of provision problem before the February Revolution of 1917.

Key words: fixed prices, provision crises, Russian city's Union, Russian Zemskoy Union.

Хутуев И.Х.

*Соискатель кафедры теории государства и права
ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права»*

**РЕЛИГИОЗНОЕ ЗНАНИЕ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ
ГАРМОНИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПРАВОМ И ОБЩЕСТВОМ**

В статье обосновываются актуальность духовно-нравственного воспитания на современном этапе. Проанализированы правовые аспекты выстраивания отношений между религиозными организациями и государством. Содержатся предложения о включении религиозного образования в структуру светского образования.

Ключевые слова: религиозное правосознание, ценность права, культура, национальная безопасность.

Khutuev I.Kh.

**RELIGIOUS KNOWLEDGE AS A FACTOR
IN THE HARMONIZATION OF RELATIONS BETWEEN LAW AND SOCIETY**

The article considers the relevance of the spiritually-moral education at the present stage. The legal aspects of the development of relations between religious organizations and the state. The author proves proposal for inclusion of religious education in the structure of the secular education.

Key words: religious competence, valuable properties of law, culture, national security.

Полуда О.Н.

*Соискатель кафедры истории государства и права
ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права»*

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ ОБЪЕКТОВ
ПОСЕССИОННОГО ПРАВА В РОССИИ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Статья посвящена исследованию юридической природы объектов посессионных отношений в России XVIII – начала XX в. в соответствии с действующим законодательством.

Ключевые слова: объекты посессионных отношений, государственная собственность, государственная земля, недра, ласа, фабрики, заводы.

Poluda O.N.

SOME FEATURES OF THE LEGAL NATURE OF SUBJECTS OF THE POSSESSION LAW IN RUSSIA (XVIII IN THE BEGINNING XX CENTURY)

The article is devoted to the legal nature of objects of the possessional relations in Russia in XVIII – beginning XX centuries according to the present legislation.

Key words: the object of possessional relations, possession, factories, land, state property.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО (CONSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE LAW)

Командирова Т.Г.

Научный сотрудник НИО ГОУ ВПО

«Саратовская государственная академия права», кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЯХ В СФЕРЕ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА (НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена исследованию правовых гарантий в сфере охраны и защиты прав ребенка (несовершеннолетнего) в Российской Федерации. Рассматривается также понятие «гарантии» и федеральное законодательство в исследуемой области.

Ключевые слова: ребенок, несовершеннолетний, права ребенка, охрана и защита прав ребенка.

Komandirova T.G.

TO THE QUESTION ON LEGAL GUARANTEES IN THE SPHERE CHILD PROTECTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Article is devoted research of legal guarantees in sphere of protection and protection of the rights of the child (minor) in the Russian Federation, the author within the limits of research considers as concept of “guarantee” and the federal legislation of investigated area.

Key words: the child, minor, the rights of the child, protection and protection of the rights of the child.

Соколов А.Ю.

Доцент кафедры административного и муниципального права

ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права»,

кандидат юридических наук

ИЗЪЯТИЕ ВЕЩЕЙ И ДОКУМЕНТОВ КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

В статье рассматриваются правовые и организационные проблемы применения такой меры административного принуждения, как изъятие вещей и документов. На основе проведенного анализа законодательства в данной сфере предлагаются возможные пути совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: изъятие вещей и документов; меры административного принуждения; меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях; производство; правонарушение.

Sokolov A.Yu.

SEIZURE OF THINGS AND DOCUMENTS AS A MEASURE OF ESTABLISHING A PROCEDURE ON ADMINISTRATIVE OFFENCES

The article considers the legal and organizational problems of using such a measure of administrative enforcement as a seizure of things and documents. According to the results of legislatures analyses in this sphere there are the following ways out of legal regulations improvement can be found.

Key words: seizure of things and documents; measures of administrative enforcement; provisions procedure measures of misdemeanor cases; proceeding; violation of law.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА (CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS)

Понявин В.В.

*Аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права»*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПРЕДМЕТА ИЗГОТОВЛЕНИЯ ИЛИ СБЫТА ПОДДЕЛЬНЫХ ЦЕННЫХ БУМАГ И ПЛАТЕЖНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Статья посвящена вопросам совершенствования уголовно-правовой оценки преступных деяний, связанных с изготовлением и сбытом поддельных ценных бумаг и платежных документов. Обосновывается необходимость внесения изменений в ст. 187 Уголовного кодекса РФ, позволяющих повысить эффективность уголовно-правовой защиты финансовых отношений в части безналичного денежного обращения; возможность принятия описываемых поправок с позиции соблюдения принципов криминализации деяний.

Ключевые слова: подделка, сбыт, кредитные карты, расчетные карты, предоплаченные карты, ценные бумаги, платежные документы, Уголовный кодекс РФ, криминализация, общественная опасность, преступление.

Ponyavin V.V.

SOME ISSUES OF IMPROVEMENT OF CRIMINAL LAW CLASSIFICATION OF THE ARTICLE OF MANUFACTURE AND SALE OF FORGED SECURITIES AND PAYMENT DOCUMENTS

The article is devoted to issues of improvement of criminal law classification of criminal acts related to manufacture and sale of forged securities and payment documents. Need of making changes in article 187 of Criminal Code of RF making it possible to raise an effectiveness of criminal law protection of financial relations in the sphere of non-cash transfers. Possibility of adoption of describing corrections from the position of compliance of principles of criminalization of acts substantiates in this article in addition.

Key words: falsification, sale, credit cards, debit cards, prepaid cards, securities, payment documents, Criminal Code of RF, criminalization, social danger, crime.

Павлин Д.С.

*Аспирант кафедры криминалистического обеспечения расследования преступлений
ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права»*

СООТНОШЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ДОКАЗЫВАНИЮ И УСТАНОВЛЕНИЮ

Статья посвящена научному исследованию предмета доказывания по уголовному делу и его соотношения с обстоятельствами, подлежащими установлению. Проанализированы различные точки зрения по указанному кругу вопросов. Особое внимание уделяется рассмотрению главного и промежуточных фактов предмета доказывания. Указанные понятия дифференцируются и уточняются. Исследуются также вопросы структуры и классификации предмета доказывания.

Ключевые слова: предмет доказывания, главный факт, промежуточный факт, структура предмета доказывания, обстоятельства, подлежащие установлению, общий предмет доказывания, специальный предмет доказывания, индивидуальный предмет доказывания.

Pavlin D.S.

CORRELATION OF CIRCUMSTANCES IN PROOF AND CIRCUMSTANCES TO BE ESTABLISHED

Article dedicated to the scientific study of the subject of proof in a criminal case and its relation to the circumstances to be established. Analyzed the basic terms of the specified range of issues. Special attention is paid to consideration of primary and intermediate facts in proof. These concepts in differentiated and refined. The author has studied the structure and classification of the subject of proof.

Key words: fact in issue, the main fact, the intermediate fact, the structure of the subject of proof, circumstances, subject to the establishment, the overall subject of proof, a special subject of proof, the individual item of proof.

Насиров Н.И.

*Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права»*

СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО ПОЛЕЗНЫХ СВЯЗЕЙ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ С ВНЕШНИМ МИРОМ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ИХ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

В работе рассматриваются формы социально полезных связей осужденных к лишению свободы с внешним миром. Проводится сравнительный анализ норм пенитенциарного законодательства некоторых стран-участников СНГ.

Ключевые слова: ресоциализация, свидание, выезды, осужденные.

Nasirov N.I.

PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF SOCIALLY USEFUL LINKS SENTENCED TO IMPRISONMENT WITH THE OUTSIDE WORLD AS AN IMPORTANT FACTOR IN THEIR REINTEGRATION INTO SOCIETY

The paper deals with forms of social and useful links sentenced to imprisonment with the outside world. A comparative analysis of the norms of the penal laws of some countries of the CIS.

Key words: re-socialization, dating, outings and convicted.

ГРАЖДАНСКОЕ, ТРУДОВОЕ, АГРАРНОЕ ПРАВО (CIVIL, LABOUR, AGRICULTURAL LAW)

Вавилин Е.В.

Профессор кафедры гражданского права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», доктор юридических наук

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕЩНОСТИ В СТРАХОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Статья посвящена исследованию действия принципа добросовестности при осуществлении и защите страховых прав. Анализируются недостатки правового регулирования, которые приводят к нарушениям прав страхователей. Обозначены наиболее острые правовые проблемы в сфере страхования.

Ключевые слова: принцип добросовестности, осуществление, защита, страхователь, страховщик, злоупотребление.

Vavilin E.V.

CONSCIENTIOUSNESS PRINCIPLE IN INSURANCE LEGAL RELATIONSHIP

The article is dedicated to the research of principle of good faith in execution and protection of the insurance rights. The author analyzes the faults of legal regulation, which lead to violation of the rights of insureds. The author designates the sharpest legal problems in insurance sphere.

Key words: the principle of good faith, execution, protection, the insured, the insurer, abuse.

Ермолова О.Н.

Доцент кафедры международного частного и предпринимательского права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», кандидат юридических наук

Мотыван Е.А.

Аспирант кафедры международного частного и предпринимательского права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права»

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ О ПОНЯТИИ ДОГОВОРА В СВЕТЕ ПРОЕКТА ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье дана характеристика основных изменений, касающихся понятия «договор» в гражданском праве согласно проекту федерального закона о внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса РФ.

Ключевые слова: договор, публичный договор, предварительный договор, договор присоединения, рамочный договор, опционный договор, недействительность договора.

Ermolova O.N., Motyvan E.A.

LEGAL NORMS TRANSFORMATION DUE TO THE CONTRACT DEFINITION IN THE FRAME OF THE RUSSIAN FEDERATION CIVIL CODE PROJECT

The article gives the characteristics of the main changes of the definition "contract" due to the Russian Federation Civil Code project.

Key words: contract law, public contract, preliminary contract, contract of accession, frame contract, option contract, invalid contract.

Кузнецова С.А.

*Старший преподаватель кафедры трудового права
ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права»*

ВИДЫ ТРУДОВОГО СТАЖА ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Статья посвящена характеристике видов трудового стажа, предусмотренных действующим российским законодательством. Предлагается разграничение терминов, определяющих периоды работы и иной общественно полезной деятельности, влекущей правовые последствия в сфере социального обеспечения. Проводится сравнение имеющихся в законодательстве видов стажа: общего трудового стажа, страхового стажа, выслуги лет. Обосновывается необходимость проведения корректировки, уточнения определений видов трудового стажа.

Ключевые слова: право социального обеспечения, трудовой стаж, страховой стаж, трудовая пенсия, пенсионное законодательство.

Kuznetsova S.A.

TYPES OF LABOUR ACTIVITY ACCORDING TO THE CURRENT LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with the types of the labour activity provided for the current legislation of the Russian Federation. The author's opinion is based on the certain legal acts. Division of terms which define period of labour activity and other social and useful activity resulting in legal consequences in the sphere of social maintenance is offered. The comparison of functioning types of the labour activity is delivered: general labour activity; insurance activity, long service. The author focuses on the necessity to correct and to define conceptions of labour activity's types.

Key words: social insurance law, labour activity, insurance activity, retirement pension, pension law

Гущин Н.Э.

*Доцент кафедры земельного и экологического права
ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права»,
кандидат политических наук*

ДОКТРИНА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АГРАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье рассматриваются актуальные правовые проблемы продовольственной безопасности России. Обосновывается необходимость совершенствования системы аграрного законодательства, принятия закона об устойчивом развитии сельских территорий.

Ключевые слова: Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, продовольственная безопасность государства, система аграрного законодательства, сельские территории, крестьянские хозяйства, предприятия, государственная аграрная политика, государственные институты, правовые инновации.

Guschin N.E.

DOCTRINE OF FOOD SECURITY OF RUSSIAN FEDERATION AND DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL LEGISLATURE

This article tells about modern law problems of food security of Russia. There is need improvement system of agricultural legislature. The Doctrine of the food security of Russian Federation will promote the development of agricultural legislature. Author comprehend that it is necessary pass law about steady development of the rural territories.

Key words: Doctrine of food security of Russian Federation, food security of state, system of agricultural legislature, rural territories, farmers, enterprises, state agrarian policy, state institutions, law innovations.

Новицкая И.А.

*Консультант юридического отдела Комитета по управлению имуществом
Администрации городского округа — город Камышин Волгоградской области*

ИМУЩЕСТВЕННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОЦЕНЩИКА

Статья посвящена положениям законодательства Российской Федерации об имущественной ответственности оценщиков.

Ключевые слова: оценщик, саморегулируемая организация, имущественная ответственность, возмещение ущерба, компенсационный фонд, договор обязательного страхования ответственности.

Novitskay I.A.

PERSONAL PROPERTY LIABILITY APPRAISER

The article is devoted thesis of legislation Russian Federation on propertable responsibility of appraiser.

Key words: appraiser, self-adjust able organization, propertable responsibility, damage compensation, indemnification fund, the contract of obligatory insurance responsibility.

Приглашаем Вас к публикации в научном журнале

«ПРАВО. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО. ЛИЧНОСТЬ»

Требования к авторским оригиналам статей:

1. Статья должна соответствовать следующим требованиям:
  - шрифт Times New Roman, 14 кегль (размер шрифта), межстрочный интервал — 1,5;
  - поля: верхнее, нижнее, правое — 20 мм, левое — 30 мм;
  - сквозная нумерация сносок (сноски концевые), текст сноски — 12 кегль;
  - абзацный отступ; заголовок (прописными буквами) — по центру; перед заголовком указывается Ф.И.О. автора статьи (со сноской на полное имя, отчество, должность, место работы внизу страницы) — по правому краю;
  - все аббревиатуры и сокращения при первом упоминании в тексте должны быть расшифрованы;
  - объем статьи 0,5–0,7 п.л.
2. К статье прилагаются следующие материалы:
  - справка об авторе статьи с указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого знания, основного места работы, должности, контактных телефонов, электронного адреса (e-mail);
  - аннотация статьи (на русском и английском языках) не более 5 строк;
  - ключевые слова или словосочетания (на русском и английском языках);
  - рецензия научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).
3. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать статьи. Материалы, отправленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в указанный срок.
4. Если статья (материал) направлялась в другое издание, просим автора поставить редакцию в известность.
5. Материалы принимаются в распечатанном виде (на одной стороне листа формата А4) и электронном виде на электронном носителе или по электронной почте.

ВНИМАНИЕ! Адрес и телефон редакции изменился:

410025, г. Саратов, ул. Чернышевского, 135 А, ком. 203.

Телефон: (8452) 29-90-90

E-mail: pzl@sgap.ru